

02(06)
1-48

ISSN 0131—9574

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ имени Н. К. КРУПСКОЙ

**КНИЖНОЕ ДЕЛО
ПЕТЕРБУРГА—
ПЕТРОГРАДА—
ЛЕНИНГРАДА**

ЛЕНИНГРАД
1981

415310

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ имени Н. К. КРУПСКОЙ

КНИЖНОЕ ДЕЛО

ПЕТЕРБУРГА — ПЕТРОГРАДА — ЛЕНИНГРАДА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЛЕНИНГРАД
1981

Редколлегия 58-го тома научных трудов:

Е. Я. Зазерский (отв. ред.), *Н. И. Сергеева* (зам. отв. ред.),
И. В. Гудовщикова, *А. Н. Ванеев*, *Г. М. Михайлова*, *Г. И. Позд-
някова*, *Г. М. Шарпило* (отв. секретарь).

Научный редактор тома:

доктор филолог. наук, профессор *И. Е. БАРЕНБАУМ*.

Рецензенты:

канд. историч. наук *Н. Н. Каретникова*,
декан факультета редактирования и экономики полиграфи-
ческой промышленности Ленинградского филиала Московского
полиграфического института канд. филологич. наук

Н. П. Лавров,

заведующая учебно-методической секции редактирования
И. А. Ушакова

Мы обязаны книге почти всем в нашей жизни. Книга—самое изумительное и самое действенное явление культуры человечества. Она дала возможность закреплять и накапливать опыт культуры, передавать его из поколения в поколение и только благодаря этому двигаться вперед. Изучение книжного дела—это изучение корней нашей культуры, ее демократических и просветительных традиций, ее прекрасных памятников.

Институт культуры им. Н. К. Крупской выступает с замечательным начинанием—чтениями, справедливо названными именем крупнейшего издателя Александра Филипповича Смирдина. Сегодня мы имеем первый книжный же результат этих Чтений—сборник научных трудов «Книжное дело Петербурга—Петрограда—Ленинграда».

Д. С. Лихачев,
академик

И. Е. БАРЕНБАУМ

**ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ КНИЖНОГО ДЕЛА
ПЕТЕРБУРГА — ПЕТРОГРАДА — ЛЕНИНГРАДА
В ЛЕНИНГРАДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
ИНСТИТУТЕ КУЛЬТУРЫ имени Н. К. КРУПСКОЙ**

Ленинград является крупнейшим книжным центром страны. Здесь сосредоточены многие издательства, крупнейшие в Союзе книжные магазины во главе с Домом книги, богатейшие книгохранилища, в том числе всемирно известные Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотека Академии наук СССР, библиотеки Эрмитажа, Университета, других крупнейших учебных заведений и научно-исследовательских институтов, не говоря уже о массовых, профсоюзных и прочих библиотечных учреждениях.

С того времени, как возник Петербург — столица Российской державы, наш город стал средоточием бесценных книжных сокровищ. Здесь жили и трудились люди с именами которых тесно сплетена вся история книжной культуры нашей страны — Ломоносов и Новиков, Радищев и Крылов, Пушкин и декабристы, Некрасов и Чернышевский, «чистые» книжники — Смирдин, Павленков, Поляков, Сойкин и десятки других. В Петербурге — Ленинграде жил и творил, созидал пролетарскую литературу и книжную культуру Горький. Наконец с нашим городом тесно связали свою жизнь и революционную борьбу Плеханов и Ленин, многие выдающиеся деятели большевистской партии, с которыми связана вся история большевистской, марксистской печати, большевистского книжного дела, советской книги, книгоиздания и книгораспространения.

Изучение истории книжного дела Петербурга — Петрограда — Ленинграда — почетный долг и высокая научная обязанность всех нас — историков книги, библиотековедов и библиографоведов, живущих в Ленинграде и непосредственно занятых в тех или иных сферах книжного дела нашего великого города.

Книговеды Ленинградского Государственного института культуры им. Н. К. Крупской давно уже ведут изучение различных аспектов истории книжного дела Петербурга — Ленинграда. Написаны десятки книг, статей, диссертационных исследований, в которых освещаются те или иные стороны истории книгоиздательской деятельности и книжной торговли, библиотечного дела и библиографии дореволюционного Петербурга и

Ленинграда. Представляется интересным и поучительным более пристально рассмотреть, что же конкретно сделано нашими учеными в этой области, каковы здесь наши достижения, чему уделялось большее внимание, что исследовано еще недостаточно, на что мы должны обратить в дальнейшем внимание, каковы задачи, которые нам предстоит решать в связи с изучением истории книжного дела Петербурга — Ленинграда?

Начнем с исследования в области издательского дела и книжной торговли.

Следует прежде всего напомнить, что специального научного обобщающего монографического исследования по истории книжного дела Петербурга — Ленинграда все еще не существует. Это та перспектива, которая открывается перед нами. В то же время наиболее полно история книгоиздания и книгораспространения в Петербурге — Ленинграде освещена именно в трудах книговедов нашего института.

Так, например, автору этих строк принадлежат главы, посвященные книгопечатанию и книгоиздательству в Петербурге XIX и начала XX веков в коллективном юбилейном труде «400 лет русского книгопечатания», вышедшем в издательстве «Наука» в 1964 г.¹ В этих главах в сжатом виде охарактеризованы все ведущие издательства и книготорговые фирмы Петербурга XIX—XX вв., при этом особое внимание уделено прогрессивным, просветительным, демократическим и большевистским издательствам и издателям. Для этого же юбилейного труда нами была написана глава о нелегальных типографиях 70-х и начала 80-х годов и об издательской деятельности марксистских революционных организаций, в которых значительное место отведено Петербургу. В 1980 г. вышли популярные очерки «Книжный Петербург» (М., Изд-во «Книга»)

Петербургская «тема», а также история издательского дела и книгораспространения в Ленинграде после революции, нашла достаточно полное освещение в учебнике и учебных пособиях по истории книги,² написанных автором статьи совместно с Т. Е. Давыдовой. Этим вопросам уделено много места и в новом издании учебника, который в настоящее время готовится к печати.

Помимо работ общего характера книговедами института написаны специальные монографии, диссертации, статьи, освещающие историю книгоиздания и книгораспространения в Петербурге и Ленинграде в отдельные периоды истории, по направлениям, а также посвященные отдельным издательствам и книгоиздателям.

Книжный Петербург XVIII в. нашел отражение в исследованиях И. Е. Баренбаума, А. В. Блюма, И. Ф. Мартынова, Е. П. Приваловой, С. А. Рейсера.

Исследование С. А. Рейсера «Книги политические, которые продаются в Гааге»³ посвящено изданию 1723 г., в редактиво-

вании которого принимал непосредственное участие Петр I. Брошюра в течение долгого времени оставалась непонятой, ее принимали даже за подлинный каталог продававшихся книг. С. А. Рейсер впервые установил, что это политический памфлет, автор которого незаурядный мастер сатиры и патриот, тонко высмеивал различные политические события современной ему Европы, враждебные выпады против России.

И. Е. Баренбаум обратился к изучению издания переводной французской книги в России в XVIII в. Исследование это, носящее монографический характер, ставит своей задачей проследить начало и эволюцию издания французской книги в России и русском переводе, независимо от ее тематики, степень популярности отдельных авторов и сочинений, отношение к ним русского общества. Работа еще не завершена, опубликованы статьи, относящиеся к первой половине XVIII в. В них охарактеризована деятельность петербургских типографий петровского времени и Академии наук во второй четверти XVIII в.⁴

Об «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова писал И. Ф. Мартынов.⁵ Ему же принадлежит исследование о книгоиздательской деятельности литератора и библиографа XVIII в. П. И. Богдановича.⁶

Известный историк русской детской книги Е. П. Привалова по новому осветила историю созданного Н. И. Новиковым первого в России детского журнала «Детское чтение для сердца и разума».⁷

Работ, посвященных книгоиздательскому делу и книжной торговле первой половины XIX в., не много (если не считать отдельных глав и разделов в трудах общего характера). Можно назвать представляющую для нас участников «Смирдинских чтений», особый интерес статью Н. Г. Чагиной «Выдающийся русский книгопродавец-издатель», приуроченную к 100-летию со дня смерти А. Ф. Смирдина.⁸

Более разнообразен «спектр» исследований, связанных с изучением издательского дела и книгораспространения в Петербурге во второй половине XIX в. Можно смело сказать, что в этой области книговеды института «лидируют», хотя, естественно, немало сделано и делается и в этом плане историками книги и книжного дела других городов страны.

Внимание исследователей привлекают в первую очередь прогрессивные явления русской книги и книгоиздания. Изучается история демократических издательств, издателей и книгопродавцов, деятельность на книжном поприще революционных демократов, первых марксистских и рабочих организаций, нелегальных революционных типографий и изданий.

Обстоятельно изучена книгоиздательская и книготорговая деятельность революционных демократов 60-х годов XIX в. Написаны и опубликованы исследования о Н. Г. Чернышевском, Н. А. Серно-Соловьевиче, И. П. Огрызко, Н. Л. Тиблене,

А. Ф. Потосском, В. О. Ковалевском, Ф. С. Сущинском; М. А. Куколь-Яснопольском и других участниках освободительного движения 60-х годов, создателях «идейного» революционно-демократического книжного дела в Петербурге.⁹ Первые получили освещение в научной литературе такие значительные центры «идейного» книжного дела 60-х годов, как «Женская издательская артель» М. В. Трубниковой и Н. В. Стасовой, «Издательская артель» И. А. Рождественского и П. В. Михайлова.¹⁰

Докторская диссертация И. Е. Баренбаума была посвящена демократическому книжному делу 60—70-х годов.¹¹ В ней на обширном материале в значительной мере почерпнутом из архивных источников, а также на основании изучения всего «корпуса» изданий, предпринятых «идейными» издателями, освещена роль революционных демократов, участников освободительного движения 60-х годов в издании и распространении книг с целью революционной пропаганды и подготовки народных масс к борьбе с самодержавием.

Историков книги интересовала деятельность нелегальных революционных типографий в Петербурге, история первых петербургских прокламаций и листовок.¹² В ряде исследований освещена история знаменитой прокламации «Барским крестьянам» Н. Г. Чернышевского, вопросы ее атрибуции, текстологии, распространения.¹³ Новый фактический материал, а также новое толкование известных ранее фактов содержится и в ряде чисто исторических и историко-литературных монографий, в публикациях и статьях С. А. Рейсера, И. Е. Баренбаума, которые также следует учитывать в историографии истории книжного дела Петербурга.¹⁴

Историко-читателеведческий характер носят исследования Н. А. Костылевой о марксистской книге 70-х—90-х годов XIX в. и ее читателях в России,¹⁵ и З. П. Оленевой о книге в жизни народовольцев-узников Шлиссельбурга.¹⁶ В этих трудах много нового, свежего, связанного с историей книги и книжного дела разночинского этапа освободительного движения в Петербурге.

Следует назвать также исследования Н. А. Кужелевой о дореволюционных изданиях для детей Н. А. Некрасова.¹⁷ История детской книги и книги для детей — особая область исторического книговедения. Книговеды института уделяют этому серьезное внимание. Сказанным не исчерпывается интерес книговедов института к истории петербургского издательского дела второй половины XIX в. Так, А. В. Блюма увлекала широкая проблема издания книги для народа, исследуя которую он большое внимание уделяет Петербургу — издательской деятельности «Петербургского комитета грамотности», издательству «Общественная польза», другим «народным» предприятиям книжного дела. Характер исследований А. В. Блюма

позволяет перекинуть «мост» в XX век, так как немало изысканий осуществлено им именно по этому периоду (упомянем хотя бы его статью «Из истории чтения «Знаниевской литературы»).¹⁸

В историографии «книжного Петербурга» XX века выделяются монографические очерки об А. А. Блоке и В. Я. Брюсове, в жизни которых книге и чтению было отведено огромное место.¹⁹

Завершая обзор исследований, посвященных издательскому делу и книгораспространению в Петербурге, укажем на статью «В. И. Ленин — организатор и руководитель большевистского книгоиздательского дела», в которой раскрыта выдающаяся роль Ленина в организации и руководстве первыми большевистскими легальными издательствами в Петербурге.²⁰

Историей книгоиздательского дела и книгораспространения в Ленинграде после Октябрьской революции, в советское время, занимались И. А. Шомракова, Н. А. Зубкова, Т. Е. Давыдова.

Диссертация Т. Е. Давыдовой была посвящена одному из первых советских издательств — Литературно-издательскому отделу Наркомпроса.²¹ Это было вообще одно из первых серьезных исследований о советском книгоиздательском деле, написанное на обширном материале с привлечением архивных источников. В нем была раскрыта роль ЛИО Наркомпроса в создании новой советской народной массовой книги, в разработке принципов советского книгоиздания.

Много сделала для изучения книгоиздательского дела Ленинграда 20-х годов И. А. Шомракова. Совместно с Е. Г. Салитой она является автором монографического очерка «Лениздат», выпущенного отдельным изданием в 1967 г. к юбилею издательства.²² И сегодня этот краткий исторический очерк, остается наиболее полной работой о ведущем и старейшем ленинградском издательстве.

И. А. Шомраковой принадлежат также статьи и публикации о ленинградских издательствах «Всемирная литература», «Время», «Прибой». ²³ Издательству «Прибой» посвятила свое диссертационное исследование Н. А. Зубкова, опубликовала на эту тему ряд статей.²⁴

Все же в изучении издательского дела и книгораспространения в Ленинграде немало лакун. Не исследована история издательств 30-х годов, периода Великой Отечественной войны и блокады, послевоенного времени. Здесь обширное поле деятельности. Наш долг восполнить эти пробелы, создать обобщающий труд по истории издательского дела и книжной торговли в Ленинграде за годы советской власти.

Книговедов института привлекает история библиофильства в нашем городе. Пальма первенства принадлежит здесь

А. В. Блюму, опубликовавшему ряд статей на эту тему в «Альманахе библиофила» и в некоторых научно-популярных журналах.²⁵

История библиотечного дела в Петербурге, до революции, не стала предметом систематического изучения наших библиотекведов. Исследования в этой области носят спорадический характер. В первую очередь здесь следует назвать работы А. А. Громовой, Б. В. Банка, Е. И. Кужельковой. Выделяются статьи А. А. Громовой о деятельности первого библиотечного общества в России и о состоянии сети массовых библиотек Петербурга — Петрограда накануне Октябрьской революции.²⁶ Б. В. Банк в своей известной монографии «Изучение читателей в России (XIX в.)» немало места отводит постановке изучения читателей в Петербурге, деятельности крупнейших издательств для народа, библиотек и просветительных организаций, выдающихся библиотекведов и библиографов.

Отметим также статью Е. И. Кужельковой «В. И. Ленин и библиотеки Петербурга — Петрограда», представляющей нам серьезной заявкой на освещение этой значительной темы.²⁷ И все же, повторяем, история библиотечного дела Петербурга не определяет исследовательские интересы библиотекведов института.

Более систематично, глубоко и разносторонне изучается в нашем институте история библиотечного дела Ленинграда после революции: Достижения в этой области несомненны.

Хотелось бы прежде всего назвать здесь докторскую диссертацию А. Н. Ванеева о развитии библиотекведческой мысли в СССР. В опубликованных автором пособиях и статьях по теме диссертации прослеживается история библиотекведческих идей, теоретических взглядов, принадлежащих в том числе и ленинградским библиотековедам. Для создания истории библиотечного дела Ленинграда исследование Ванеева представляет несомненный интерес.²⁸

Библиотечное дело в Ленинграде в первые годы советской власти нашло отражение в диссертациях и статьях Е. А. Горш, В. Ф. Сахарова, Л. А. Соловьевой, Н. И. Карповой, М. А. Чусовитиной.

Старейший библиотечный деятель Ленинграда Е. А. Горш многие годы плодотворно изучает теоретическое наследие Н. К. Крупской, ее вклад в развитие советского библиотечного дела, в частности, в Ленинграде. Горш принадлежит исследование о советских библиотеках в годы восстановления народного хозяйства, а также очерк о видном организаторе советского библиотечного дела О. И. Чачиной.²⁹

Диссертация и публикации Н. И. Карповой посвящены истории массовых библиотек Ленинграда в 20- и 30-е годы.³⁰

История применения открытого доступа в массовых библиотеках Ленинграда в 1928—1937 гг. обстоятельно освещена в исследованиях В. Ф. Сахарова.³¹

О профсоюзных и массовых библиотеках Ленинграда 20-х начала годов пишет Л. А. Соловьева, диссертация которой также была посвящена этим вопросам.³²

Не обошли своим вниманием наши библиотековеды историю детских библиотек Ленинграда. Этой проблеме посвятила свою диссертацию М. А. Чусовитина. Ей же принадлежит ряд статей о развитии сети детских библиотек Ленинграда, среди которых мы хотели бы выделить статью «Детские библиотеки Ленинграда» за 50 лет.³³

История библиотек города Ленина в годы Великой Отечественной войны освещена в статьях М. П. Бронштейн и Н. И. Карповой.³⁴

Много и плодотворно работают библиотековеды института над историей библиотечного дела в Ленинграде в послевоенный период. В исследованиях этого рода история тесно переплетается с актуальными задачами библиотечного строительства в нашем городе. Именно такой характер носят исследования Т. В. Крюгер и З. И. Ривлина о состоянии, размещении и планировании библиотечной сети в Ленинграде.³⁵ Вопросы теории и практики каталогизации применительно к Ленинградским библиотекам получили отражение в статьях Г. Г. Фирсова, Н. П. Сироткиной, М. К. Архиповой и Г. М. Михайловой (Кореневской).³⁶ Г. Г. Фирсов, много лет проработавший в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ряд своих статей посвятил различным аспектам деятельности этой крупнейшей библиотеки страны.³⁷ Отметим также его статью о содружестве Библиотеки Академии наук с Ленинградским Государственным институтом культуры им. Н. К. Крупской.³⁸

Изучение деятельности ленинградских детских библиотек, а также читательских интересов молодежи Ленинграда нашло отражение в диссертациях и статьях Л. В. Казанцевой, Н. В. Лепниновой, Н. Д. Голубевой, М. А. Чусовитиной, Г. Н. Горевой.³⁹

Перу библиотековедов института принадлежит ряд библиографических очерков о видных деятелях советского библиотековедения, долгие годы работавших в нашем городе — К. И. Шафрановскому, Е. А. Горш, Н. Н. Житомировой, чьи имена также тесно связаны с историей нашего института.⁴⁰

Как видим библиотековеды института внесли немалый вклад в изучение истории библиотечного дела и библиотечной мысли Ленинграда. Работа эта продолжается и остается лишь пожелать, чтобы она приобрела еще более широкий ха-

ракти, охватывая проблемы и вопросы, которые все еще остаются недостаточно изученными.

Остановимся вкратце на работах по истории библиографического дела в Ленинграде.

В отличие от истории библиотечного дела, где, как мы видели, упор сделан на изучение советского периода, библиографоведы вопросам истории дореволюционной библиографии уделяют значительное внимание. В результате в той или иной степени исследованы все периоды истории библиографической деятельности в Петербурге — Ленинграде. Этому способствовало, несомненно, то обстоятельство, что наши библиографоведы (Н. Г. Чагина, Л. М. Равич, Ю. П. Антипина, М. А. Брискман) серьезно и глубоко разрабатывали историю русской и советской библиографии работая над учебником «Библиография, Общий курс», посвящая истории библиографии свои диссертационные исследования. Глубокому изучению истории библиографии способствовал также выход в свет «Хрестоматии по русской библиографии с XI по 1917 г.», составленной С. А. Рейсером при участии Ю. П. Антипиной.⁴¹

Под руководством опытных исследователей работали молодые ученые, аспиранты. К истории русской библиографии XVIII в. обратился уже упоминавшийся выше И. Ф. Мартынов. Исследуя историю возникновения и становления библиографии в русских периодических изданиях XVIII в. он осветил в своих трудах ряд малоизвестных страниц истории библиографии Петербурга этого времени.⁴²

Событием в историко-библиографической литературе явилась публикация монографии М. А. Брискмана о В. Г. Анастасевиче,⁴³ написанной на высоком теоретическом уровне с присущим М. А. Брискману литературным мастерством.⁴⁴ Впервые деятельность выдающегося книговеда и библиографа начала XIX в. была обрисована столь полно и глубоко. Библиография первой половины XIX века нашла обстоятельное освещение в трудах Л. М. Равич. Этому посвящена ее диссертация и ряд статей.⁴⁵ Знаток русской библиографической журналистики, Л. М. Равич сосредоточила также свое внимание на изучении деятельности петербургских библиографов и библиофилов, внесших заметный вклад в развитие отечественной библиографии (А. Н. Афанасьев, М. Л. Михайлов, Е. И. Якушкин, Г. Н. Геннади). Статьи Равич, написанные остро, дискуссионно, привлекли к себе внимание книговедческой общественности, вызвали полемику.⁴⁶

Вообще библиографической «персоналии» повезло. Так, В. В. Крамер изучила деятельность С. Д. Полторацкого, используя его личный богатейший архив.⁴⁷ Музыкально-библиографическая деятельность Н. М. Лисовского нашла подробное и основательное освещение в диссертации и статьях Г. П. Дмитриевой.⁴⁸

Фундаментальная разработка истории русской библиографии (в значительной мере на петербургском материале) содействовала изучению истории библиографии советской.

Историей библиографического дела в Ленинграде занимались в разное время М. А. Брискман, Н. Г. Чагина, М. Д. Эльзон, В. П. Томина, Н. Н. Гутман.

Внимание библиографической общественности привлекла статья М. А. Брискмана «Советская теория библиографии в 20—30-е годы», опубликованная в 1961 г.⁴⁹ В ней получили освещение взгляды многих советских библиографоведов, в том числе и ленинградских. Не все оценки и положения Брискмана могут быть признаны бесспорными, но бесспорно и то, что названная статья стала заметным этапом в изучении истории советской библиографии, ее теории и практики.

Библиографическая «персоналия» пополнилась трудами о жизни и деятельности видных советских библиографов — А. Г. Фомина,⁵⁰ М. К. Азадовского,⁵¹ И. В. Владиславлева.⁵² Отметим также статью А. И. Барсука «Вклад ученого в отечественную библиографию», посвященную библиографической деятельности Н. К. Пиксанова.⁵³

Библиографоведы института (Н. Г. Чагина, Г. Н. Водка) изучали библиографическую журналистику Ленинграда.¹⁴

Конечно, далеко еще не все существенные аспекты и проблемы истории библиографического дела в Ленинграде нами изучены (как, впрочем и истории советской библиографии в целом). Должны быть созданы работы по истории библиографии отдельных периодов, смелее и глубже необходимо исследовать деятельность видных ленинградских библиографов и библиографоведов. Предстоит написать и общий очерк истории библиографического дела в Ленинграде как части истории советской библиографии. Такая работа уже начата. Подготовлен сборник статей по истории советской библиографии, пишутся новые диссертации и иные исследования. Наша задача заключалась в том, чтобы показать что сделано в этом отношении учеными нашего института, каков их реальный вклад в это общее большое дело.

Итак мы обозрели труды книговедов ЛГИК им. Н. К. Крупской по истории книжного дела Петербурга — Ленинграда. Отметим достижения в этой области и недостатки, наметили некоторые задачи, стоящие перед нашими историками книги, библиотековедами и библиографоведами.

Достойным завершением всей этой многолетней научно-творческой деятельности могло бы и должно, как нам представляется, явиться создание коллективного обобщающего труда по истории книжного дела Петербурга — Ленинграда. В создании этого труда могли бы принять участие не только книговеды нашего института, но также сотрудники Библиотеки Академии наук, Государственной публичной библиотеки,

книговеды Москвы, занимающиеся историей книжного дела в СССР.

В настоящее время мы работаем над составлением проспекта будущей коллективной монографии. В нем должна найти место история не только книгоиздательского дела и книжной торговли, но также полно и всесторонне освещенная история библиотечного дела и библиографии.

Хронологические рамки будущей монографии охватят период с 1703 — по наши дни. Возможно, следует планировать монографию в нескольких томах — двух или трех, выделив особо феодальный этап, капиталистический и советский.

Монография должна подвести итог проделанному, но также содержать новые материалы и факты, новое освещение ряда вопросов, деятельности издательств, отдельных лиц, библиотек, книготорговых предприятий и издательств. Методологической основой явятся труды В. И. Ленина, Н. К. Крупской руководителей партий и правительства, постановления о печати и книжном деле. Известным ориентиром могут быть обобщающие труды, типа «400 лет русского книгопечатания», учебники по истории книги, библиотечного дела и библиографии, издательского дела и книжной торговли. Известно, что Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина готовит выпуск многотомного труда по истории книжного дела в СССР. Опыт подготовки этого издания также может быть использован при работе над историей книжного дела Петербурга — Ленинграда. Несомненную ценность в этом смысле представляют и монографические исследования, проводимые сектором истории книги Библиотеки Академии наук под руководством С. П. Луппова, уже опубликованные и готовящиеся к изданию труды. Нам известно также, что сектор книговедения Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина предполагает заняться исследованием истории книги и книжного дела в России второй половины XIX и начала XX веков. Широкая продуманная кооперация исследовательских усилий всех этих учреждений может явиться залогом успешной реализации поставленной задачи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Баренбаум И. Е., Немировский Е. Л., Шицгал А. Г. Книгопечатание и книгоиздательство в Петербурге первой половины XXI в. — В кн.: 400 лет русского книгопечатания. Т. 1 Русское книгопечатание до 1917 года. М., 1964, с. 267—282; Баренбаум И. Е. Книгоиздательство в Петербурге 1861—1895 — Там же, с. 376—394; Баренбаум И. Е. Книгоиздательство в Петербурге 1895—1917 гг. — Там же, с. 499—507.

² Баренбаум И. Е., Давыдова Т. Е. История книги / Советский период / Материалы по курсу. Л., 1958; Они же История книги. Учеб. пособие. Часть I. Книга в России до 1917 г. М., 1960; Они же История книги. М., 1971.

³ Рейсер С. А. Книги политические, которые продаются в Гайге — В кн.: Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий гражданской печати. 1780 — январь 1725 гг. М — Л., 1955, с. 541—563.

⁴ Баренбаум И. Е. Начало издания французской переводной книги в России / первая четверть XVIII века / — «Книга. Исследования и материалы» М., 1976, сб. 32, с. 93—106; Он же. Издание французской переводной книги в России во второй четверти XVIII в. — В кн.: Книга в России до середины XIX века. Л., 1978, с. 87—95.

⁵ Мартынов И. Ф. «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова и литературная полемика 60—70-х годов XVIII века — «Русская литература», 1968, № 3, с. 184—191;

⁶ Он же. Книгоиздатель, литератор и библиограф XVIII Петр Иванович Богданович — «Книга. Исследования и материалы», М., 1970, сб. 21, с. 89—101.

⁷ Привалова Е. П. «Детское чтение для сердца и разума» в оценке читателей и критиков — В кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М. — Л., 1966, с. 254—260; Она же. О сотрудниках журнала «Детское чтение для сердца и разума». В кн.: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М. — Л., 1964, с. 258—268.

⁸ Чагина Н. Г. Выдающийся русский книгопродавец-издатель / К 100 летию со дня смерти А. Ф. Смирдина / — «Нева», 1957, № 9, с. 203—204.

⁹ Баренбаум И. Е., Н. А. Серно-Соловьевич (1834—1866). Очерк книготорговой и книгоиздательской деятельности. М., 1961: Он же Иосафат Огрызко. Очерк литературно-издательской деятельности. М., 1964; Он же Из истории русских прогрессивных издательств 60-х 70-х годов XIX века (Женская издательская артель М. В. Трубниковой и Н. В. Стасовой) — «Книга. Исследования и материалы». 1965, сб. 11, с. 223—241; Он же Из истории легальной пропаганды 60-х годов (книгоиздательская деятельность П. А. Гайдебурова и пропагандистская брошюра И. А. Худякова) — «Русская литература», 1967, № 3, с. 170—174; Он же. Литературно-издательская деятельность В. О. Ковалевского и русское революционное подполье 60—70-х годов XIX в. — Труды ЛГИК им. Н. К. Крупской. Л. — Вильнюс, 1967, т. 18, с. 259—282; Он же Народные журналы А. Ф. Погосского в годы революционной ситуации — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1961 гг. М., 1970, с. 196—215; Он же Книготорговец Е. П. Печаткин — «Книжная торговля», 1972, № 7, с. 60—61; Он же Издательская деятельность. Н. Л. Тиблена — В кн.: Книга и графика М., 1972, с. 179—187; Он же. Книгоиздательская деятельность Н. Г. Чернышевского в годы демократического подъема — «Книга. Исследования и материалы» М., 1973, сб. 26, с. 94—110; Он же К истории журнала «Современное обозрение» Н. Л. Тиблена — В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976, с. 144—154; Он же Типограф М. А. Куколь-Яснопольский и демократическое книжное дело 60-х годов XIX в. — В кн.: Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976, с. 276—291; Он же. Петербургский типограф 60-х гг. XIX в. Ф. С. Сущинский и издания его типографии. — В кн.: История книги и издательского дела. Л., 1977, с. 96—121.

¹⁰ Он же. «Издательская артель». И. А. Рождественского и П. В. Михайлова и революционное подполье середины 60-х гг. XIX в. — В кн.: Федоровские чтения. 1975. История революционной печати. Сб. науч. трудов. М., 1977, с. 77—86; Из истории русских прогрессивных издательств 60—70-х годов XIX века (Женская издательская артель М. В. Трубниковой и Н. В. Стасовой) — «Книга. Исследования и материалы». М., 1965, сб. II, с. 223—241.

¹¹ Он же. Легальное демократическое книжное дело в России (1856—1874). Автореферат дисс. на соиск. учен. степени доктора филологич. наук. М., 1967.

¹² Баренбаум И. Е. К истории издания первых революционных прокламаций в Петербурге в 1861—1863 гг. — Труды ЛГБИ, Л., 1957, т. 3, с. 151—180.

¹³ Баренбаум И. Е. К вопросу о распространении прокламации «Барским крестьянам...» в годы революционной ситуации — «Русская литература», 1966, № 2, с. 199—203; Рейсер С. А. Барским крестьянам от их доброжелателей поклон — В кн.: Дело Чернышевского. Саратов, 1968, с. 365—374, 623—626; Прокламация Н. Г. Чернышевского «Барским крестьянам» — «Прометей», М., 1968, с. 3, с. 212—216; Он же. Прокламация Н. Г. Чернышевского «Барским крестьянам» (Историография. Текстология) — Книга. Исследования и материалы, М., 1967, сб. 14, с. 206—235.

¹⁴ Рейсер С. А. Революционные демократы в Петербурге. Л., 1957; Революционная ситуация в России в середине XIX века. Коллективная монография. Под ред. акад. М. В. Нечкиной (главы: X, XIV и XXI принадлежат И. Е. Баренбауму) и др.

¹⁵ Костылева Н. А. Первый том «Капитала» Карла Маркса в среде русской учащейся молодежи 70-х годов XIX в. — История русского читателя. Вып. 1. Труды ЛГИК им. Н. К. Крупской Л., 1973, Т. 25, с. 93—107; Она же. Марксистская литература в среде российского пролетариата (70-е — начало 90-х гг. XIX вв.) — В кн.: История русского читателя. Сб. статей. Вып. 2. Труды ЛГИК им. Н. К. Крупской. Л., 1976, Т. 32, с. 52—66.

¹⁶ Оленева З. П. Книга в жизни народолюбцев-узников Шлиссельбурга — В кн.: История русского читателя. Вып. 1. Труды ЛГИК им. Н. К. Крупской. Л., 1973, Т. 25, с. 108—123.

¹⁷ Кужелева Н. А. Н. А. Некрасов в дореволюционных изданиях для детей (1849—1917) — Труды ЛГБИ им. Н. К. Крупской. Л., 1959, т. 5, с. 87—108).

¹⁸ Блюм А. В., Ф. М. Достоевский и «педагогическая цензура» — «Сов. архивы», 1971, № 15, с. 96—98; «Сибирский фонд им. М. Я. Салтыкова-Щедрина» (для издания народных комитетов в С.-Петербургском комитете грамотности) — «Сибирские огни», 1976, № 1, с. 161—166; Он же. Из истории чтения «знаниевской литературы» — В кн.: История русского читателя. Вып. 2. Труды ЛГИК им. Н. К. Крупской. Л., 1976, т. 32, с. 83—100.

¹⁹ Литвин Э. С. Книга в жизни и творчестве В. Я. Брюсова — Труды ЛГИК им. Н. К. Крупской. Л., 1956, т. 1, с. 159—184; Шомракова И. А. Блок как читатель — В кн.: История русского читателя. Вып. 1. Труды ЛГИК им. Н. К. Крупской. Л., 1973, т. 25, с. 124—140.

²⁰ Баренбаум И. Е. В. И. Ленин — организатор и руководитель большевистского книгоиздательского дела — Труды ЛГИК им. Н. К. Крупской Л., 1971, т. 22, с. 189—225.

²¹ Давыдова Т. Е. Литературно-издательский отдел Наркомпроса и его место в истории советской книги. Автореферат. Л., 1950.

²² Шомракова И. А. и Салита Е. Г. Лениздат. Краткий исторический очерк. Л., 1976.

²³ Шомракова И. А. Письма Э. Синклера в издательство «Прибой» — «Русская литература», 1965, № 2; Она же. Книгоиздательство «Всемирная литература» (1918—1924) — «Книга. Исследования и материалы». М., 1967, сб. 14, с. 175—193; Она же. Книгоиздательство. «Время» (1924—1932) — «Книга. Исследования и материалы». М., 1968, сб. 17, с. 199—214; Она же. Издательство «Прибой» (1922—1927) — Труды ЛГИК им. Н. К. Крупской. Л., 1967, т. 17, с. 247—264.

²⁴ Зубкова Н. А. Из истории рабочего партийного издательства «Прибой» в Ленинграде — В кн.: Проблемы истории и теории отечественного книговедения и библиографии. Сб. материалов по книговедению и библиографии. Л., 1976, вып. 5, с. 32—53; Она же. Рабочее партийно-кооперативное издательство «Прибой» (1922—1927 гг.) — Книга. Исследования и материалы. М., 1977, сб. 34, с. 78—91.

²⁵ Блюм А. В. Петроградские библиофилы. По страницам сатирических романов Константина Вагинова — В кн.: Альманах библиофила. М., 1977, вып. 4, с. 217—238.

²⁶ Громова А. А. Состояние сети массовых библиотек Петербурга — Петрограда накануне Октябрьской революции (краткий историч. обзор) — Труды ЛГБИ им. Н. К. Крупской, Л., 1958, с. 181—205; Она же. Деятельность первого библиотечного общества в России — Труды ЛГБИ им. Н. К. Крупской, Л., 1961, т. 8, с. 193—213.

²⁷ Кужелькова Е. И. Ленин и Библиотеки Петербурга-Петрограда — Труды ЛГБИ им. Н. К. Крупской, Л., 1958, т. 3, с. 29—43.

²⁸ Ванеев А. Н. Развитие библиотечной мысли в СССР. Учеб. пособие. Л., 1976.

²⁹ Горш Е. А. О. И. Ч а ч и н а — «Библиотекарь», 1967, № 10, с. 4—5.

³⁰ Карпова Н. И. Из истории развития кружков «Друзей книги» в массовых библиотеках Петрограда-Ленинграда 1917—1929 гг. — Труды ЛГИК им. Н. К. Крупской, Л., 1968, т. 19, с. 117—137; Она же. Развитие Передвижной книгоношеской работы в массовых библиотеках Петрограда-Ленинграда в 20-х гг. — Труды ЛГИК им. Н. К. Крупской, Л., 1970, т. 21, с. 177—199; Она же. Формирование читательского актива в массовых библиотеках Ленинграда (1917—1941 гг) Автореферат. Л., 1970 и др.

³¹ Сахаров В. Ф. Из истории применения открытого доступа в массовых библиотеках Ленинграда (1928—1937) — В кн.: За открытый доступ к фондам библиотек (Из опыта работы библиотек Ленинграда и Ленинградской области). М., 1959, с. 96—106.

³² Соловьева Л. А. Профсоюзные библиотеки Ленинграда в годы первой пятилетки (1928—1932 гг.) Автореферат дисс. Л., 1956; Она же. Профсоюзные библиотеки и их роль в обслуживании трудящихся книгой. (Из опыта перестройки профсоюзных библиотек Ленинграда в 1928—1932 года) — Труды ЛГБИ им. Н. К. Крупской, Л., 1968, т. 3, с. 103—113. Она же. Обслуживание населения массовыми библиотеками Ленинграда в первое десятилетие Советской власти. — Труды ЛГИК им. Н. К. Крупской, Л., 1964, т. 15, с. 141—160.

³³ Чусовитина М. А. Из истории развития сети детских библиотек Ленинграда — Труды ЛГИК им. Н. К. Крупской, Л., 1961, т. 8, с. 123—140; Она же. О сети детских библиотек Ленинграда и некоторых возможностях ее улучшения. — В кн.: Организация библиотечного обслуживания населения. Сб. статей. М., 1962, с. 189—197; Она же Развитие детских библиотек и основные проблемы их работы с читателями (На опыте государственных детских библиотек Ленинграда) Автореферат дисс. Л., 1968; Она же. Детские библиотеки Ленинграда за 50 лет. — Труды ЛГИК им. Н. К. Крупской, Л., 1968, т. 19, с.

³⁴ Бронштейн М. П. Библиотеки города Ленина в дни войны — «Библиотекарь», 1946, № 2—3, с. 24—30; Карпова Н. И. и Мартынов И. Ф. Массовые библиотеки Ленинграда в годы Великой Отечественной войны — «Библиотеки СССР», 1970.

³⁵ Крюгер Т. В. Развитие и состояние библиотечной сети Ленинграда — Труды ЛГБИ им. Н. К. Крупской, Л., 1958, т. 3, с. 85—102; Ривлин З. И. Обслуживание населения Ленинграда общедоступными культурно-просветительными библиотеками. Вопросы планирования и размещения библиотек. Автореферат дисс. Л., 1952; Он же. Планирование и размещение сети общедоступных библиотек Ленинграда. — Труды ЛГИК им. Н. К. Крупской, Л., 1956, т. 1, с. 67—102.

³⁶ Фирсов Г. Г. Вклад Ленинградских библиотек в развитие теории каталогизации — Труды ЛГИК им. Н. К. Крупской, Л., 1968, т. 19, с. 30—69; Сироткина Н. П. Система каталогов и картотек справочно-информационного фонда Ленинградского экономического района. — В кн.: Отчет по теме «Исследование функций научных и научно-технических библиотек в единой системе научно-технической информации страны (НИР

- 8) НИ-5 «Кактус» / Л., 1972, с. 3—23; Архипова М. К. и Кореневская А. М. О некоторых недостатках и каталогах Ленинградских библиотек — «Советская библиография», 1953, вып. 2(35), с. 23—28.
- ³⁷ Фирсов Г. Г. Печатная карточка Гос. Публ. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина — «Советская библиография», 1949, вып. 1—26, с. 32—35; Он же Расширение площади Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина — «Библиотекарь», 1951, № 3, с. 39—41; Он же. Государственная публичная библиотека в борьбе за технический прогресс — «Опыты работы (ГПБ)». Л., 1952, т. 3, с. 69—79.
- ³⁸ Фирсов Г. Г. Тесное содружество (О научных связях Библиотеки Академии наук СССР с Ленингр. Гос. институтом культуры им. Н. К. Крупской) — «Советская библиография», 1964, № 5, с. 22—24.
- ³⁹ Казанцева Л. В. Библиотечные классы средних школ г. Ленинграда. Доклад на пед. учениях в Институте производственного обучения. Акад. педагогических наук РСФСР. Л., 1963; Лепнинова Н. В. Организация библиотечного обслуживания детей в Калининском районе Ленинграда — Труды ЛГИК им. Н. К. Крупской. Л., 1962, т. 12, с. 38—55; Голубева Н. Д. и Лепнинова Н. В. О библиотечном обслуживании детей школьными и домовыми библиотеками (по материалам Дзержинского района Ленинграда. — В кн.: Тезисы докладов XI научно-теоретической и научно-практической конференции 24—26 декабря 1963 г.). Л., 1963, с. 38—40; Чусовитина М. А. Новое в традиционной пропаганде книг ленинской тематики — (Из опыта детских и школьных библиотек Ленинграда) — «Библиотекарь», 1970, № 8, с. 36—37; Она же. Детям о Ленине (Из опыта детских библиотек Ленинграда и Ленингр. области). — Труды ЛГИК им. Н. К. Крупской. Л., 1971, т. 22, с. 300—313; Морозова Н. Н. и Чусовитина М. А. О координации деятельности детских и школьных библиотек (Из опыта библиотек Ленинграда) — В помощь детским и школьным библиотекам, 1976 год. М., 1976, с. 47—50; Горева Г. Н. Художественная литература в чтении молодых рабочих на рубеже 60-х—70-х годов XX века. — История русского читателя. Вып. 1. Труды ЛГИК им. Н. К. Крупской. Л., 1973, т. 25, с. 176—191.
- ⁴⁰ Фирсов Г. Г. 70 лет со дня рождения и 50 лет трудовой деятельности Екатерины Аркадьевны Горш. — «Советская библиография», 1966, № 2, с. 114—115; Фирсов Г. Г., Скрипкина Т. И., Ласкеев Н. А., К. И. Шафрановский (К 70-летию со дня рождения) — «Научные и технические библиотеки СССР», 1970, вып. 8(90), с. 57—58; (Фирсов Г. Г.) Юбилей видного библиотековеда (К 70-летию Н. Н. Житомирового) — «Библиотекарь», 1971, № 2, с. 56.
- ⁴¹ Рейсер С. А. Хрестоматия по истории русской библиографии с XI века по 1917 г. М., 1956.
- ⁴² Мартынов И. Ф. Критико-библиографическая информация в русских периодических изданиях XVIII века (1725—1800 гг.). Автореферат дисс. Л., 1969, Он же. К истории возникновения и становления библиографии в русских периодических изданиях XVIII века — Труды ЛГИК им. Н. К. Крупской, Л., 1969, т. 21, с. 113—136.
- ⁴³ Брискман М. А., В. Г. Анастасевич (1775—1845). М., 1956; Он же В. Г. Анастасевич и вопросы теории библиографии — Труды ЛГБИ. Л., 1956, Т. 1, с. 135—158;
- ⁴⁴ Он же. Новые материалы о В. Г. Анастасевиче — «Книга. Исследования и материалы». М., 1974, т. 30, с. 195—205.
- ⁴⁵ Равич Л. М. Из истории государственной регистрации произведений печати в дореволюционной России. — Труды ЛГБИ. Л., 1958, т. 3, с. 207—225. Она же. Материалы к истории «Книжной летописи» — Труды ЛГБИ. Л., 1958, т. 4, с. 297—307; Она же. Текущая библиографическая информация в русских журналах первой половины XIX века — Труды ЛГБИ. Л., 1961, т. 9, с. 127—143; Она же. М. Л. Михайлов и его место в истории русской библиографии — «Советская библиография», 1969, № 2, с. 50—67; Она же. Библиография в «Журнале Министерства народного

просвещения» — Труды ЛГИК им. Н. К. Крупской. Л., 1969, т. 5, с. 47—67; Она же Г. Н. Геннади и проблемы репертуара русской книги — Труды ЛГИК им. Н. К. Крупской. Л., 1970, т. XXI, с. 81—112; Она же. А. Н. Афанасьев и его журнал «Библиографические записки» — «Советская библиография», 1971, № 6, с. 45—60.

⁴⁶ Барсук А. И. История библиографии и книговедение. — «Книга», М., 1972, сб. 24, с. 33—34.

⁴⁷ Крамер В. В. С. Д. Полторацкий и русско-французские библиографические связи в середине XIX в. Автореферат дисс. Л., 1975; Она же. С. Д. Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина. — В кн.: Временник пушкинской комиссии. 1967—1968. Л., 1970, с. 58—75; Она же. О литературной деятельности С. Д. Полторацкого в 1830-е годы — «Русская литература», 1974, № 2, с. 155—164.

⁴⁸ Дмитриева Г. П. Библиографические труды Н. М. Лисовского в области театра и музыки — В кн.: Вопросы библиотековедения и библиографии. Сб. аспирантских работ. Л., 1974, вып. 4, с. 93—117; Она же. Музыкально-библиографическая деятельность Н. М. Лисовского. Автореф. дисс. Л., 1975.

⁴⁹ Брискман М. А. Советская теория библиографии в 20—30-е годы. — Труды ЛГБИ им. Н. К. Крупской. Л., 1961, т. 9, с. 97—125.

⁵⁰ Эльзон М. Д. «Путеводитель по библиографии литературы» А. Г. Фомина и его роль в возникновении типа библиографического путеводителя. — В кн.: Методические материалы и помощь библиотекам, работающим над составлением библиографии второй степени. Л., 1971, вып. 19, с. 5—28; Он же: Puschkiniana А. Г. Фомина (1929—1937) — Труды ЛГИК им. Н. К. Крупской. Л., 1972, т. 24, с. 116—130; Он же А. Г. Фомин. (1888—1939). Жизнь и библиографическая деятельность. Автореф. Дисс. Л., 1972.

⁵¹ Томина В. П. М. К. Азадовский (1888—1954) Библиографическая деятельность. Автореф. дисс. Л., 1975; Она же Библиографическая деятельность М. К. Азадовского — «Советская библиография», 1975, № 2, с. 45—57.

⁵² Гутман Н. Н. Проблемы библиографии детской литературы и руководства чтением детей в деятельности выдающегося русского библиографа И. В. Владиславлева. Автореф. дисс. Л., 1977.

⁵³ Барсук А. И. Вклад ученого в отечественную библиографию — «Советская библиография», 1963, № 2, с. 67—75.

⁵⁴ Чагина Н. Г. Библиографическая деятельность Института библиотековедения и рекомендательной библиографии — «Советская библиография», 1958, вып. 51, с. 56—62; Водка Г. Н. Критико-библиографический журнал «Книга и революция» (1920—1923 гг.) и его роль в становлении советской библиографии. Автореф. дисс. Л., 1972; Она же. Из истории журнала «Книга и революция», (1920—1923) — Труды ЛГИК им. Н. К. Крупской. Л., 1971, т. 24, с. 72—93.

**СТАНОВЛЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО АППАРАТА
В СТРУКТУРЕ СУХОПУТНОГО ШЛЯХЕТСКОГО
КАДЕТСКОГО КОРПУСА (XVIII в.)**

Постановка данной темы определена ее источниковедческим характером по отношению к проблеме становления профессионального книгоиздания в России XVIII в., исследование которой предпринимается группой старопечатных отечественных книг отдела редких книг Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Изучая возникновение и формирование частноиздательского дела в России XVIII в., необходимо рассмотреть чисто профессиональные предпосылки, предопределившие его зарождение и развитие. В качестве таковых можно представить ростки будущего издательского аппарата в недрах рукописных мастерских и государственных типографий. Это нарастание шло в течение нескольких веков, поэтому необходимо изучать как его зрелые черты в общественной жизни XVII—XVIII вв., так и едва обозначившиеся элементы в XV—XVI вв. Данный аспект темы неотделим от проблемы соотношения частноиздательской и государственной, частноиздательской и ведомственной продукции в рамках книжного репертуара изучаемых книгоиздательских предприятий. Как правило, исследователями допускается подмена понятий издательство и типография, издательская и типографская продукция и т. д. Это происходит из общей неизученности методологически важного вопроса о сущности понятий «издатель, издательство XVIII в. в России».

Изучение материалов, связанных с историей типографии Сухопутного шляхетского кадетского корпуса, позволяет дать убедительный пример возникновения «модели» издательского аппарата в структуре ведомственной типографии XVIII в.

Как известно, типография корпуса начала функционировать в 1757 г. Существовала она на своих доходах; это видно из документов данного учреждения, в частности — из «штата» его типографии: «... содержа оную (типографию) всегда на собственных ее доходах»¹.

Издания, специально предназначенные для корпуса, им же и оплачивались через посредство канцелярии². Однако они

не составляли всего объема печатной продукции типографии: в этой последней почти с самого начала выполнялись заказы на полиграфическое исполнение внекорпусных изданий. Впервые о стабильной цене за частные заказы говорилось уже в 1759 г.³ Начиная подобную практику, устроители типографии, несомненно, рассчитывали на прибыль; так, в ответ на запрос вновь организованной в 1759 г. типографии Артиллерийского кадетского корпуса было сообщено: «получаемые за продажу и за печатание партикулярным людям на их кошт книг деньги употребляются на содержание типографии...»⁴ Однако надежды на прибыль не оправдались; видимо, это объяснялось не слишком дальновидной в финансовом отношении организацией системы принятия частных заказов в типографии корпуса. Издатель, внося в задаток ничтожный процент стоимости своего заказа (по 2 копейки с 10 листов), мог отложить срок платежа до момента реализации тиража. Так, в штате корпуса (от 1 сентября 1761 г.) говорилось: «Положенных денег за набор и за тиснение с печатающих на своем коште вперед платить не принуждать, кроме заработных с каждых десяти тиснутых листов по две копейки, затем, что самая та книга в закладе остается...»⁵ Очень часто частные заказы так и оставались неоплаченными; интересной иллюстрацией в данном случае является известный список должников типографий корпуса, опубликованный в «Санктпетербургских ведомостях» в самом конце века (10 апреля 1797, № 29, с. 566).

Эти организационные просчеты не могли в конце концов не сказаться на делах типографии: уменьшилось число печатных станков, количество занятых рабочих, общий объем производства. А это в свою очередь повлекло уменьшение частных заказов и сужение издательского репертуара.

По всей вероятности, частные издатели действовали более инициативно и осмотрительно. Интересно в этой связи привести здесь соображение типографщика и книгопродавца И. Я. Вейтбрехта по поводу значения частной инициативы в книгоиздательском и типографском деле того времени, высказанное им в прошении на имя императрицы Екатерины II от 28 февраля 1791 г.: «сие есть единое средство к извлечению сего художества из его небрежения»⁶.

Издательская деятельность Сухопутного шляхетского кадетского корпуса имела отчетливо выраженную учебную направленность; однако не исключались и общепросветительские цели. Издательская программа корпуса наиболее полно изложена в документе от 14 октября 1759 г. в ответ на запрос администрации Артиллерийского кадетского корпуса: «при оном (Сухопутном) кадетском корпусе учреждена типография... на таком основании, чтоб нужные для обучения кадет и к пользе общества служащие книги во оной печатать»⁷.

Учебный характер издательского репертуара сознательно формировался администрацией корпуса: заказывались оригинальные учебные пособия, переводы таковых с иностранных языков⁸.

Надобность в собственной типографии корпуса для производства подобной литературы чувствовалась и раньше. Так, в 1756 г. администрацией корпуса было поручено написать «Начальное основание геометрии и тригонометрии» «кондуктору», учителю геометрии С. Назарову и «Арифметическое основание» капитану К. фон Людевику; учебники были подготовлены, однако, никаких способов их размножить в корпусе не было⁹.

Авторами и переводчиками изданий корпуса, как правило, были служащие этого учреждения; например, И. М. Греч — оберпрофессор, глава конференции корпуса, Л. Бетхе — учитель славянского языка, С. Назаров — инженер-подпоручик, учитель геометрии, Л. Бужо — «кондуктор», адъютант; А. Голостенков — ротмистр, учитель фортификации, И. Румянцев — капитан, учитель фортификации, С. Ф. Наковальнин — капитан, учитель славянского языка, Е. С. Харламов — капитан, директор типографии корпуса, С. Болотников — поручик, преподаватель математики и др. В документе от 14 октября 1759 г., уже упомянутом выше, сообщалось: «книги в оной типографии печатались и печатаются из сочиняемых и переводимых при оном корпусе (разрядка моя — Т. К.), а притом и разных партикулярных людей на их кошт»¹⁰.

Предопределенность издательского репертуара, обусловленная характером корпуса — одного из крупнейших учебных заведений России своего времени — происходила и из состава его цензурного комитета, состоящего из преподавателей корпуса.¹¹ И хотя право окончательного разрешения или veto оставалось за администрацией, сам факт научного и издательского рецензирования рукописей преподавателями имел в значительной степени определяющее значение.

Общая масса печатного материала изучаемой типографии распадается на две части: собственно издательскую продукцию Сухопутного корпуса и частные издания (о практике выполнения заказов на полиграфическое исполнение внекорпусных изданий см. выше). Естественно, что только в первой части воплощена издательская программа корпуса (257 единиц). Более половины наименований здесь составляет учебная литература — общепедагогическая, а также учебники по всем преподаваемым в корпусе предметам, переводные и оригинальные (например, работы Л. Эйлера, Г. В. Крафта, Д. Локка, Л. Линнея, Ф. Е. Ангальта, М. Е. Головина, С. Назарова, Я. П. Козельского, А. В. Колмакова, Евгения (Е. Романова), В. Бунина, И. Ю. Вельщина, Н. Г. Курганова, И. И. Завали-

шина, М. Я. Клевещкого, С. Ф. Наковальнина, В. Г. Рубана, И. И. Георги). Публиковались исторические документы (труды Плиния Младшего, Фридриха II), книги военной тематики, беллетристика (в числе лучших изданий — «Сугубое блаженство» И. Богдановича, «Приключения Телемака» Ф. Фенелона, басни А. П. Сумарокова и Ж. де Лафонтена), внутриведомственные материалы.

Почти половину частных изданий, напечатанных в типографии корпуса (256 единиц), составляла переводная беллетристическая литература развлекательного характера; однако были здесь и подлинные шедевры мировой классики — произведения М. Т. Цицерона, Плутарха, Ф. М. Вольтера, Д. Дидро, первое на русском языке издание «Дон-Кихота» М. Сервантеса, «Амфитрион» Ж. Б. Мольера, два романа Г. Филдинга. Оригинальная русская литература была представлена именами М. Д. Чулкова, Ф. А. Эмина, М. М. Хераскова, Б. Е. Ельчанинова, А. И. Перепечина, Н. В. Леонтьева, И. Владыкина, И. Я. Соколова, П. П. Острогорского, Ф. Я. Козельского, М. Н. Муравьева, В. Т. Золотницкого, М. П. Попова. По заказу новиковского Общества, старающегося о напечатании книг, в типографии корпуса были напечатаны «... Описание Китайской империи...» Ж. Б. дю Гальда, «О полезном... чтении» И. Г. Зульцера, «Золотые часы государей» А. И. Гевары. Сотрудничая с корпусом, Н. И. Новиков издал здесь «Скифскую историю» А. И. Лызлова, «Дух пифагоров», три журнала. Среди частноиздательской продукции, напечатанной в типографии корпуса, были исторические (М. М. Щерба-тов, В. Н. Татищев), искусствоведческие (П. П. Чекалёвский), экономические (С. В. Друковцев), естественно-научные (Н. М. Максимович-Амбодик, Х. Пекен) сочинения; по заказу Берг — коллегии вышел ряд книг по химии и горному делу. Здесь печатался ряд интересных периодических изданий, два литературных журнала преподавателей и учащихся самого корпуса, Санктпетербургские врачебные ведомости (И. Герстенберга), Труды Вольного экономического общества, Журнал о земледелии. Кроме того, оперные и балетные либретто, регламентирующие документы, религиозно-назидательная литература и т. д.

В качестве частных издателей в корпусе, как правило, выступали люди небогатые, мелкие служащие. Льготные условия для издающих «на своем коште», имевшие место в типографии корпуса (о чем см. выше), позволили опубликовать целый ряд книг разночинных авторов¹².

В типографии (фактически — издательстве) Сухопутного шляхетского кадетского корпуса сформировался собственный коллектив авторов, переводчиков, редакторов и корректоров. Зафиксированы стабильные расценки их труда в издатель-

стве; гонорар, как правило, выплачивается книгами, но были случаи и денежного расчета.

В «Покорнейшем доношении» А. Мельгунова князю Б. Г. Юсупову от 19 октября 1758 г. значилось. «Для пользы общества и казенной прибыли, равным образом в ободрение трудившихся при Шляхетном кадетском корпусе в сочинениях и переводах для издания в печать, не соизволит ли ваше сиятельство определить, чтоб тем, которые будут уволены от положенных каких должностей для сочинения или для перевода, давать по двенадцати.

Тем, кои будут в свободные часы в том трудится, также и посторонним людям, которые отдадут своему обществу полезные сочинения или переводы для печати, на казенном коште, в типографию Шляхетного кадетского корпуса, и естли оные авторы или переводчики сами поведут корректуру, давать по сту экземпляров; а когда не возмущат сами выправлять, то давать им только по осьмидесяти экземпляров, а остальные двадцать, кто будет исправлять оную корректуру;

Кто сочиняет какую книгу на французском или немецком языке, оная книга будучи переведена на российский язык, на оном российском языке печатана будет, то чтоб казне не иметь убытка, оное положенное автору или переводчику число делит им автору и переводчику пополам»¹³.

21 февраля 1760 г. переводчику Л. Бетхе был определен гонорар в 100 экземпляров переведенной им книги. В заключение в ведомости говорилось: «... как при сей книге, так и при других на казенной кошт впредь печатаемых книг...»¹⁴ 2 июля 1770 г. было «заплачено за перевод ротмистру Голостену по определению Совета триста рублев...»¹⁵

По 8-му пункту типографского штата был определен гонорар «пересматривающим книги», т. е. цензорам — по 12 экземпляров¹⁶.

В поле зрения издательства была литературная обработка и рукописи, и готового печатного текста.

«По силе типографского штата» был «положен один корректор»¹⁷. Иногда авторы и переводчики сами вели корректуру; если же корректуру вел кто-либо иной, то этот последний получал 20 экземпляров из 100 авторских¹⁸. Корректуре придавалось большое значение; кроме издательской, велась также авторская корректура (когда шло частное издание)¹⁹.

В издательстве возникает специальная работа редактора. В качестве «разсмотрителей», как правило, выступали опытные преподаватели корпуса²⁰. Имелись случаи выплаты гонорара за собственно редакторскую работу²¹.

Канцелярия корпуса занималась организацией издательского процесса.

Сбыт готовой книжной продукции Сухопутный кадетский корпус осуществлял через свою книжную лавку и через переплетчиков²².

Впервые вопрос о торговле книгами корпуса поставил А. Мельгунов в 1759 г. в его «покорнейшем доношении» князю Б. Г. Юсупову «в разсуждении того, что оне к немалой и обществу пользе быть могут...»²³

Однако торговля книгами шла плохо; часто корпус вынужден был производить понижение цен²⁴. Это, видимо, может быть объяснено узостью отечественного книжного рынка, низкой покупательной способностью населения; кроме того, несовершенством организации собственно торговли и рекламы, недостаточностью материальных средств; наконец, неоправданной завышенностью тиражей.

Резюмируя сказанное, можно констатировать следующее. В Сухопутном шляхетном кадетском корпусе в XVIII в. существовало сформировавшееся издательство. Отчетливо видны следующие его черты: финансирование изданий; четкая издательская программа; организация редакционного аппарата (отбор, редактирование и корректура выпускаемой литературы); стабилизация круга авторов, переводчиков и частных издателей; выплата гонораров всем участникам редакционно-издательского процесса; сбыт готовой печатной продукции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦГВИА, ф. 314, оп. 1, т. 2, № 3132, л. 8 об.; см. также № 3389, л. 6 об.

² Там же, оп. 1, т. 2, №№ 2899, 3132, 3412.

³ Там же, оп. 1, т. 2, № 3005, л. 31 об.

⁴ Там же, оп. 1, т. 2, № 3005, л. 78 об.; см. также № 3005, л. 57; № 3258, л. 67 об.

⁵ Там же, оп. 1, т. 2, № 3132, л. 3; см. также оп. 1, т. 1, № 2944, л. 61 об.; оп. 1, т. 2, № 3044, л. 1; оп. 1, т. 2, № 3258, л. 67 об.; № 3389, л. 15, 25; № 3471, л. 65.

⁶ ЦГАДА, ф. Гос. архива, разд. XVI, д. 197, л. 11.

⁷ ЦГВИА, ф. 314, оп. 1, т. 2, № 3005, л. 78; см. также оп. 1, т. 1, № 2899, л. 36.

⁸ Там же, оп. 1, т. 1, № 2899, л. 71, оп. 1, т. 2, № 3380, л. 120.

⁹ Там же, оп. 1, т. 1, № 2790, л. 1—11.

¹⁰ Там же, оп. 1, т. 2, № 1005, л. 78 об.

¹¹ См.: Шамрай Д. Д. Цензурный надзор над типографией Сухопутного шляхетного кадетского корпуса. — XVIII век, 1940, сб. 2, с. 293—239, ГПБ ОР. ф. 1104, № 20, л. 73—74; ЦГВИА, ф. 314, оп. 1, т. 1, № 2944, л. 21; № 2911, л. 32; № 2899, л. 116, 118; оп. 1, т. 2, № 3132, л. 2 об.; № 3005, л. 78 об.; № 3258, л. 67; № 3389, л. 61.

¹² См.: Штрэнге М. М. Русское общество и французская революция 1789—1794 гг. — М.: изд. АН СССР, 1956; Столпянский П. Из прошлого Рыцарской Академии. — Педагогический сборник, 1915, № 1, с. 38—60.

¹³ ЦГВИА, ф. 314, оп. 1, т. 1, № 2899, л. 115—115 об.

¹⁴ Там же, оп. 1, т. 2, № 3044, л. 13—14.

¹⁵ Там же, оп. 1, т. 2, № 3458, л. 84.

¹⁶ Там же, оп. 1, т. 1, № 2911, л. 32.

¹⁷ Там же, оп. 1, т. 2, № 3593, л. 6—10 марта 1775 г., см. также — № 3132, л. 1.

¹⁸ Там же, оп. 1, т. 1, № 2899, л. 115 об.

¹⁹ Там же, оп. 1, т. 2, № 3005, л. 52—52 об.; см. также № 3380, л. 120 об.

²⁰ Там же, оп. 1, т. 2, № 3380, л. 123.

²¹ Там же, оп. 1, т. 2, № 3389, л. 65—66.

²² Столпянский П. Из прошлого Рыцарской академии..., с. 57; ЦГВИА, ф. 314, оп. 1, т. 2, № 3133, л. 32, 42 и др.: оп. 1, т. 2, № 3258, л. 19.

²³ Там же, оп. 1, т. 1, № 2899, л. 361.

²⁴ Там же, оп. 1, т. 2, № 3380, л. 102; № 3258, л. 106; см. также многочисленные материалы в фонде Д. Д. Шамрая (№ 1105) в ОР ГПБ.

И. Ф. МАРТЫНОВ

НОВОЕ О В. С. СОПИКОВЕ

Почти сто лет назад Ю. Н. Верховский — биограф замечательного русского издателя и книговеда, автора «Опыта российской библиографии» Василия Степановича Сопикова горько сетовал на скудость материалов о раннем периоде его жизни.¹ Как видно из новейших исследований и публикаций, посвященных истории русской книги и библиографии, их авторам так и не удалось найти достоверных сведений о времени и месте рождения, происхождении и дате приезда в Петербург этого незаурядного человека.² Поиски материалов о русских типографах и книготорговцах XVIII в. привели нас к «личному делу» В. С. Сопикова, сохранившемуся в фондах Петербургского городского депутатского собрания — высшего органа самоуправления столичного купечества и мещанства.³

Как видно из этих документов, 13 января 1788 г. Суздальский городской магистрат выдал местному уроженцу, мещанину В. С. Сопикову паспорт, позволявший ему выехать в столицу «для случившихся надобностей» сроком на три года. Здесь же приводился его краткий «словесный портрет»: «Ростом двух аршин, шести вершков (приблизительно 1 м 68 см — И. М.); волосом светлорус, лицом бел, рябоват, глаза серые». К этому времени Сопикову исполнилось 25 лет, следовательно, дата рождения (1765 г.), приводимая во всех биографиях автора «Опыта российской библиографии», неверна. Нам неизвестно, каким промыслом занимался он в Суздале, кто были его родители, учителя, друзья. Напомним только, что издревле многие жители этого города торговали по всей Руси лубочными картинками, которые в XVIII в. даже называли «суздальскими»⁴. В середине 1780-х гг. Н. И. Новиков имел здесь своего комиссионера, а один из родственников Сопикова — суздальский мещанин Алимпий Иванович Панин⁵ несколько лет служил приказчиком у новиковского «сидельца» Т. А. Полежаева. Разгром московских и провинциальных книжных лавок полицией, искавшей осенью 1787 г., по приказу Екатерины II, масонские сочинения, побудил многих сподвижников Новикова покинуть насиженные места. Спасаясь от преследований ретивого губернатора графа

Я. А. Брюса, в Петербург переехали Н. Н. Кольчугин⁶ и Т. А. Полежаев,⁷ заблаговременно основавшие на втором этаже знаменитого Аничкова дома филиалы своих торговых предприятий. Вполне вероятно, что те же причины вынудили Сопикова навсегда распрощаться с Суздалью.

Прибыв на берега Невы, он нанялся приказчиком в книжную лавку И. П. Глазунова (дом Венкера на Невском проспекте, подле главной аптеки, напротив Суконной линии Гостинного двора),⁸ а неделю спустя подал прошение о зачислении его в петербургское купечество. Судя по заполненной им анкете, суздальский мещанин был тогда холост, «жительство» имел в «3-й Адмиралтейской части, в доме купца Дмитрия Бармина» и располагал для начала неплохим капиталом в 1010 руб. «Объявленный» капитал и поручительство двух крупнейших книготорговцев Петербурга — М. К. Овчинникова и И. П. Глазунова — открыли перед Сопиковым двери столичного «цеха». 28 апреля 1788 г. его приняли в санктпетербургские «иногородние гости» 3-й гильдии, а спустя девять месяцев он стал уже владельцем собственной «новозаведенной» книжной лавки № 19 в Аничковом доме, по соседству с И. П. Глазуновым, Н. Н. Кольчугиным и М. К. Овчинниковым.⁹

Начав, как и его патроны, с торговли новиновскими изданиями, Сопиков вскоре завязал тесные деловые отношения со многими петербургскими типографиями, среди которых были столь яркие и оригинальные личности, как И. Г. Рахманинов и П. И. Богданович. Образованный и энергичный купец изыскивал все новые и новые способы к расширению своего дела: открывает вторую в Петербурге (после М. К. Овчинникова) платную библиотеку для чтения русских книг,¹⁰ принимает «пренумерацию» на лучшие столичные журналы («Муза» И. И. Мартынова и др.), выписывает из-за границы новейшее издание «Oeuvres complètes» Ж. Ж. Руссо в 30-ти томах и «редкие агглинские эстампы»,¹¹ а у своих московских друзей приобретает книжный антиквариат.¹² Именно здесь крупнейший библиофил екатерининского времени граф А. И. Мусин-Пушкин приобрел вместе с «кучей бумаг» 37 томов «черного (т. е. черногого) журнала о делах Петра Великого» П. Н. Крещина — любопытный, но, к сожалению, утраченный для потомства памятник отечественной истории.¹³

Подобно другим богатым книготорговцам, Сопиков не преминул попытать счастья на поприще издателя. Среди полутора десятков книг, напечатанных его «иждивением», можно найти двухтомное описание «Странствований» землепроходца Г. И. Шелехова (1791—1792), «Летописец келейный» Дмитрия Ростовского (1796), первый русский перевод «Сентиментального путешествия» Л. Стерна (1793), справочные пособия и наставления по домоводству. Время сохранило для нас ред-

костный юридический документ конца XVIII в., зафиксировавший акт передачи Петром Кильдюшевским прав на издание переведенной им с французского языка книги Ж. Ф. де Лагарпа «Слово похвальное Фенелону». «1791 года нижеподписавшийся сим уступил, — читаем мы на форзаце этого так и не увидевшего свет перевода, — санктпетербургскому купцу Василию Сопикову совершенное право собственности на подлинник сей рукописи... с тем, чтобы по силе оного права волен он, Сопиков, сию книгу печатать или продать, как ему угодно; я же (Кильдюшевский), напротив, как сам не должен печатать, так и никому другому позволения на то не давать, ибо оная книга принадлежит единственному означенному Сопикову».¹⁴ Русское книжное дело вступило в новую эпоху, и вся многогранная деятельность В. С. Сопикова стала одним из связующих звеньев соединивших волюнтаристские планы Петра I и высокие мечтания просветителей с энергией и трезвым расчетом частного предпринимательства.

Хочется надеяться, что книголюбцы и краеведы Суздаля — земляки этого замечательного человека, купца, ученого и просветителя, помогут историкам книги раскрыть новые, неизвестные страницы его биографии, проследить процесс формирования характера и духовных интересов «мещанского сына» Василия Сопикова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Верховский Ю. Н., Сопиков В. С. — Русский библиографический словарь. Т. «Смеловский — Суворина». СПб. 1909, с. 112.

² Публикатором завещания В. С. Сопикова (1 июля 1818 г.) А. П. Толстяковым выказано подтвердившееся предположение о его суздальском происхождении. «Советская библиография», 1973, № 6, с. 42.

³ Ленинградский государственный исторический архив (ЛГИА), ф. 781, оп. 2, д. 334, лл. 1—2.

⁴ Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция. (книжная лавка А. Ф. Смирдина). М., 1929, с. 16.

⁵ См. документы о записи суздальского мещанина Алимпия Ивановича Панина в московское купечество, 10 сентября 1790 г. (Центральный государственный архив г. Москвы, ф. 16, оп. 3, т. 2, д. 54866). После ареста Новикова Панин открыл самостоятельную книжную торговлю на никольской улице, сначала один, а с 1794 г. в компании с Семеном Никифоровым.

⁶ Получив паспорт на выезд из Москвы 22 октября 1787 г. Кольчугин уже через месяц (29 ноября) был зачислен в санктпетербургские «иногородние гости» и начал торговать в книжной лавке № 21 Аничкова дома, открытой три с половиной года тому назад его комиссионером (или приказчиком) Федором Артамоновым (ЛГИА, ф. 781, оп. 2, д. 187, лл. 1—3; «С.-Петербургские ведомости», 1784, № 53, 2 июля, с. 490).

⁷ Отпущенный из Москвы 29 декабря 1788 г. «Московский третьей гильдии купец Сыромятной слободы» Т. А. Полежаев Эр. 1758) «вновь» записался в санктпетербургские «иногородние гости» (в 1785 г. он торговал несколько месяцев в лавке № 22 Аничкова дома) и открыл совместно с Г. К. Зотовым две книжные лавки (№№ 15 и 16 в Суконной линии Гостинного двора (ЛГИА, ф. 781, оп. 2, д. 780, лл. 1—3; «С.-Петербургские

ведомости», 1785, № 38, 13 мая, с. 392; 1788, № 23, 21 марта, с. 299; № 67, 22 августа, с. 990).

⁸ Книжная лавка в доме Венкера была открыта И. П. Глазуновым в 1785 г. («С.-Петербургские ведомости», 1785, № 101, 19 декабря, с. 1059—1060; 1788, № 33, 25 апреля, с. 446).

⁹ «С.-Петербургские ведомости», 1789, № 17, 27 февраля, с. 248. В 1791 г. Сопиков перекупил у Полежаева и Зотова их лавку № 16 в Су-конной линии Гостинного двора, незадолго до того прославившуюся тем, что здесь продавалось радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву».

¹⁰ Там же, 1791, № 17, 28 февраля, с. 285; 1792, № 55, 9 июля, с. 1064—1065.

¹¹ Там же, 1796, № 13, 12 февраля, с. 261.

¹² Там же, 1789, № 95, 27 ноября, с. 1508—1509.

¹³ Впоследствии его перекупил у Мусина-Пушкина за 300 руб. П. И. Богданович и увез с собой в Полтаву (Государственный архив Ярославской области, Коллекция рукописей, № 135, лл. 4 об—5).

¹⁴ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, XV.0.26, л. 1 об. Бумага с филигранью 1787 г. До настоящего времени был известен всего лишь один документ подобного рода — договор Ф. А. Эмина с петербургским купцом С. Л. Ко-пиным (Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. XVIII век. Сб. 11. Л., 1976, с. 202—203).

Н. Н. РОЗОВ

**ГОРНЫЙ ИНЖЕНЕР П. К. ФРОЛОВ —
СОБИРАТЕЛЬ РУССКОЙ РУКОПИСНОЙ КНИГИ**

«Живой и разнообразно проявивший себя интерес к историческому прошлому составляет весьма существенную черту общеевропейской умственной жизни первых десятилетий XIX в. В русском обществе он сказался с неменьшей силой, чем на Западе... Любопытство к книгам документально-исторического содержания и к историческим памятникам разного рода становилось тогда всеобщим и глубоко укоренилось в самом быту... В этот стихийно развившийся процесс вовлекались не только представители... русского дворянства, но и разночинной интеллигенции» — писал академик М. П. Алексеев.¹ Однако среди перечисленных им имен собирателей рукописной старины отсутствует имя одного из первых представителей русской разночинной интеллигенции — Петра Кузьмича Фролова.

Жизнь и деятельность П. К. Фролова (1775—1839) — талантливого инженера-изобретателя и энергичного организатора русской горной промышленности — в наши дни привлекала достаточное внимание историков русской техники. В начале 1950-х гг. одна за другой, в Новосибирске и Москве вышли две книги о нем,² через 16 лет появилась третья. И во всех говорится о его культурно-просветительной деятельности — о создании им в Барнауле библиотеки и музея, об организации того, что в наше время называется художественной самодеятельностью. Кратко сообщается и о его собирательстве.

«Еще в 1817—1818 гг. Фролов начал собирать коллекцию древностей — археологических находок, старинных рукописей и книг».³ При этом автор ссылается на свидетельство дерптского профессора К.-Ф. Ледебера, посетившего барнаульский музей в 1826 г. Однако последний пишет лишь о восточных — монгольских, тибетских и персидских рукописях, а также о коранах.⁴ Кроме того — и это главное — в эти годы П. К. Фролов не «начал», а закончил определенный период собирания, продав для Публичной библиотеки более двух сот «старинных рукописных книг и свитков на многих Европейских и Восточных языках», а также «214 названий печатных книг как Русских и Словенских, так и на иностранных языках, 4 старинных гео-

графических атласа и 7 таких же карт и планов, касающихся до России; наконец, 135 памятников искусства разных Азиатских народов и других достойных примечания вещей».⁵

Коллекция Фролова была вторым — после знаменитой коллекции П. П. Дубровского — собранием рукописных материалов, поступивших в Публичную библиотеку в первое десятилетие ее существования. Но если в коллекции Дубровского преобладали зарубежные, преимущественно западно-европейские материалы, то в собрании Фролова — русские. И так же, как в коллекции Дубровского, в собрании Фролова были не только «старинные рукописные свитки и книги», но и листовой архивный материал. В числе «25-ти свитков граммат и прочих любопытных писмен» в цитированном источнике отмечен «Портфель с 22-мя разными письмами или подписями знаменитых особ».

По количественным показателям собрания Дубровского и Фролова трудно сопоставимы: у первого было более 600 рукописных книг и свыше 14-ти тысяч единиц хранения архивных материалов; у второго — всего около двух сот и тех и других. Однако по своему составу эти коллекции можно сравнить; и обе они послужили созданию главного отличительного качества Отдела рукописей Публичной библиотеки — универсальности содержания его фондов.

Оставляя для специального обзора восточные и западно-европейские рукописи собрания П. К. Фролова, рассмотрим его русскую часть.

В цитированном выше Отчете ИРБ за 1813 г. даны сведения о 7-ми пергаментных рукописных книгах собрания Фролова (из них одна греческая), 9-ти русских книгах XV в. и о 14-ти последующих столетий до XVIII-го включительно. При записи в 1840-х годах в инвентарный каталог Отдела рукописей они попали почти во все 17 его тематических разделов.⁶ Больше всего найдревнейших русских книг, в том числе 15 пергаментных, было записано в 1-й раздел. И среди них книги не только богослужебные, но и четьи; в числе последних — два экземпляра «Пчелы» — сборника, в котором изречения отцов церкви перемешаны с сентенциями античных авторов. Что же касается книг богослужебных, то многие из них являются ценнейшими памятниками русского искусства — изображениями и музыкального. Их орнаментированные вставки и инициалы, а также миниатюры давно уже привлекают внимание искусствоведов, а на одну редкостную «крюковую» рукопись XVII в. недавно обратили внимание и музыковеды.⁷ Для истории русской книги собрание Фролова служит в первую очередь экземплярами с выходными записями, содержащими сведения о заказчиках и мастерах книги, об окружавшем их быте, о купле-продаже и миграции книги, о книгообмене.

В остальные разделы «Оленинской системы» попали немногочисленные и позднейшие русские рукописные книги собрания П. К. Фролова. Так, например, во 2-м разделе — «Правоведение» оказались: две Кормчих XVI и XVII вв., список XVI в. Стоглава и список XVII в. Уложения 1649 года. Здесь же — два переводных памятника: сочинения испанского политического деятеля и писателя XVII в. Диего Сааведры — с дарственной надписью — автографом Феофана Прокоповича Петру I и сочинения известного филолога XVI—XVII в. Юстуса Липсия. Книга последнего, содержащая тексты из Тацита, была переведена в 1721 г. «флотским иеромонахом» Симоном Кохановским если не с ведома Петра, то по «благословению» того же Феофана, в доме которого жил переводчик. Но менее чем через 20 лет она стала одиозной и фигурировала в числе обвинений в деле Артемия Волянского: в описании походов Мессалины был усмотрен намек на императрицу Анну Иоанновну.⁸

В следующий раздел попали два черновых автографа писателя и переводчика конца XVIII — начала XIX в. А. А. Нартова — основателя Вольноэкономического общества и президента Российской академии.

22 русские рукописные книги самого разнообразного содержания были записаны в отделение истории. Среди них — Новгородская летопись в списке XVI в., три Хронографа XVI и XVII вв., памятники переводной историографии, начиная с древнейших — византийских хроник. Среди последних — хроника XII в. Константина Манасии в переводе Антиоха Кантемира. Из памятников собственно XVIII в. здесь следует отметить «Гисторическое и географическое описание» Сибири Ф. И. Страленберга — человека интересной судьбы. Офицер шведской армии, взятый в плен под Полтавой, он был сослан в Сибирь, где составил подробную ее карту, заинтересовавшую Петра I. Книгу Страленберга, вышедшую в Любеке в 1730 г., перевели — как это значится на титульном листе экземпляра собрания Фролова — в 1738 г. в Самаре для В. Н. Татищева.

Из документальных материалов XVIII в. собрания П. К. Фролова можно назвать два, относящихся к началу и концу этого столетия. Массивный, в 546 листов, фолиант «Книги записных всяких дел и случайных ведомостей» содержит копии дипломатической переписки посольства А. А. Матвеева в 1709—11 гг. с Гаагой; рукопись «О начале яицких неспокойств и ежедневная записка во время Оренбургской осады 1773 г.» — о начале крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Эти и многие другие материалы по истории нашей страны XVIII в. привлекают постоянное внимание советских историков, равно как и материалы по

истории медицины, математики, артиллерии, кораблестроения и навигации.

Не менее ценные материалы были собраны П. К. Фроловым и по истории русской филологии. Это — древнерусские словари — Алфавиты и риторики, литературные сборники, преимущественно также XVIII в., отражающие репертуар рукописной книжности и читательские интересы своего времени. В этих сборниках находятся тексты многих памятников древнерусской литературы, как оригинальных, так и переводных, а также памятники рукописной книжности и сочинения писателей XVIII в.

После всего сказанного о богатстве и разнообразии репертуара русских рукописных книг собрания П. К. Фролова, естественно возникает вопрос: как он мог составить такое великолепное собрание. Для ответа обратимся к биографии П. К. Фролова.

Он был сыном талантливого изобретателя-самоучки Козьмы Дмитриевича Фролова, прошедшего путь от «горного ученика» золотых промыслов до офицерского чина шихтмейстера, Екатерина II считала его «отличными талантами подобным Ползунову». Получив сам только начальное образование, К. Д. Фролов трех своих сыновей послал учиться в Петербург, в Горный кадетский корпус, который П. К. Фролов окончил в 1793. Свою службу он начал также в чине шихтмейстера на казенных Алтайских заводах, где также прославился как изобретатель и умелый руководитель предприятий горно-добывающей и металлургической промышленности; он построил, например, первый в России рельсовый путь для доставки руды с шахты на завод. По делам службы П. К. Фролов часто ездил в Петербург, а в 1811 г. обосновался в нем: его перевели на службу в Департамент горных и соляных дел. Отсюда он также совершал поездки с различными ответственными поручениями — на Волгу и Каму, в Старую Руссу. В 1817 г. он был назначен начальником Колывано-Воскресенских казенных заводов, через пять лет становится Томским гражданским губернатором. Еще через пять лет он возвращается в Петербург — на сей раз окончательно; он получает чин тайного советника и назначается в Сенат. В Петербурге он и умер в 1839 г.

Судя по собственноручным владельческим пометам П. К. Фролова, датированным 1804—1817 гг., он начал собирать старинные книги еще в первый «сибирский» период своей деятельности, а продолжил в Петербурге. Уезжая в 1817 г. вновь в Сибирь, он продал свое собрание в Публичную библиотеку, но не прекратил собирательство: в письме от 19 июня 1819 г. он сообщает А. Н. Оленину, что его собрание восточных рукописей «день ото дня умножается».⁹

Таким образом намечаются три периода собирательской деятельности П. К. Фролова: два «сибирских» и один «петербургский». Специальное исследование, с привлечением новых источников, должно добавить к ним и четвертый, второй «петербургский», т. к. невозможно предположить, что занимаясь собиранием смолоду, будучи еще сравнительно мало обеспеченным человеком, он мог прекратить это занятие в конце жизни, став уже полностью материально обеспеченным. Все эти периоды связаны с этапами и возможностями его служебной карьеры.

Собирательскую деятельность П. К. Фролова можно сравнить с такой же деятельностью П. П. Дубровского. И тот и другой имели возможности собирания книжных древностей и архивных материалов в своих служебных поездках: первый — по Западной Европе, второй — по России. И оба они были не только собирателями, но и авторитетными в свое время знаатоками книжной старины. В подтверждение этого в отношении П. К. Фролова сошлюсь на его переписку с А. Н. Олениным.

Препровождая в Публичную библиотеку три рукописные и одну старопечатную русские книги, он пишет, что одну из первых — Милятино евангелие XIII в. он сверял с Остромировым.¹⁰ В свою очередь Оленин, в письме к Н. П. Румянцеву того же, 1813-го года пишет, что прочел одно неразборчивое место в древнерусской грамоте «с помощью двух истинных любителей русских древностей гг. Ермолаева и Фролова».¹¹ В данном случае имя П. К. Фролова оказалось рядом с основоположником русской палеографии, учившего читать древнерусские рукописи не только Оленина, но и самого Н. М. Карамзина. Нетрудно предположить и близкое знакомство П. К. Фролова с А. И. Ермолаевым: только этим можно объяснить, почему Фролов мог столь подробно познакомиться с Остромировым евангелием уже на первой стадии его изучения, еще до работы над ним основоположника и классика русского языкознания А. Х. Востокова — ученика и преемника Ермолаева на посту хранителя Отдела рукописей Публичной библиотеки. Ермолаев же в свою очередь был на том же посту преемником Дубровского.

Приведенные в изложенном сообщении факты до сих пор мало исследованной стороны биографии П. К. Фролова следует рассматривать на фоне широкого общественного интереса к памятникам отечественной старины, который проявился в первую четверть прошлого столетия в Петербурге. И имя П. К. Фролова, доняне известного советскому читателю лишь в качестве талантливого инженера и организатора русской горной промышленности, должно быть поставлено в один ряд с А. И. Мусин-Пушкиным, Н. П. Румянцевым, А. Н. Олениным, А. И. Ермолаевым и А. Х. Востоковым. Всех их — пред-

ставителей петербургской интеллигенции той поры, выходцев из высших и «низших» слоев общества — объединяла и вдохновляла не страсть к коллекционированию, а патриотическое стремление сохранить для потомков памятники русской старины. Поэтому все они были не только собирателями, но и исследователями — зачинателями изучения истории русской книги, плоды деятельности которых успешно пожинают теперь советские книговеды.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Алексеев М. П. Из истории русских рукописных собраний. — В кн.: Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX вв. из ленинградских рукописных собраний. М.—Л., 1960, стр. 28—29, 92.

² Савельев Н. Я. Петр Козмич Фролов. Новосибирск, 1951; В. С. Виргинский. Замечательные русские изобретатели Фроловы. М., 1952.

³ Виргинский В. С. Петр Козмич Фролов. М., 1968, стр. 156. Об «азиатских рукописях» пишет и автор большой статьи о Фролове в Русском библиографическом словаре (СПб, 1901, стр. 240).

⁴ Carl Fridrich von Ledebour's Reise durch das Altai — Gebirge und die soongorische Kirgisen — Steppe. Berlin, 1829, s. 373—374.

⁵ Отчет в управлении ИПБ за 1816 год. СПб., 1818, стр. 47—48.

⁶ Из названных в Отчете 200 рукописных книг собрания Фролова в инвентарном каталоге отмечены как происходящие из него лишь немногим более ста. Вероятно, на остальных не было владельческих помет.

⁷ Нотация в ней не традиционная — унисонная, а трехголосая.

⁸ Записка об Артемии Волинском. — ЧОИДР, 1852, кн. 2, стр. 147—168.

⁹ Письмо цитируется во второй книге В. С. Виргинского (см. сн. 3) — стр. 161.

¹⁰ Архив ГПБ, 1813 г., дело № 7, л. 25. Письмо было опубликовано мною к юбилею Остромирова евангелия. — Труды ГПБ, т. V(8), 1958, стр. 29. Два письма Фролова к Оленину цитируются во второй книге В. С. Виргинского (см. сн. 3), стр. 161—163; публикуются и факсимиле второго из них.

¹¹ Письмо опубликовано в Сборнике Отделения русского языка и словесности А. Н., т. V, вып. 1, 1868, стр. 93—94.

М. А. АНТИФЕЕВА

ЖУРНАЛ А. СМИРДИНА «БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ»

С именем Александра Филипповича Смирдина, известного русского издателя и книгопродавца, связано появление в свет первого в России массового журнала «Библиотека для чтения».

Название этого журнала мы встречаем в книгах и статьях по истории русской литературы 19 века, в исследованиях, посвященных творчеству А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского и многих других русских писателей и поэтов. «Библиотека для чтения» знакома литературоведу и историку, востоковеду и этнографу.

Первым, кто обратил внимание и занялся серьезным изучением этого журнала, был В. Г. Белинский. В своих статьях «Литературные мечтания»¹, «Ничто о ничем»² и других, он отвел «Библиотеке для чтения» значительное место. Сведения о журнале мы можем почерпнуть в работах А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, А. В. Никитенко и др.

Среди работ советских авторов, в той или иной мере затрагивающих историю издания и существования «Библиотеки для чтения», следует отметить книгу Т. Грица, В. Тренина и М. Никитина «Словестность и коммерция»³ и очерк Н. Смирного-Сокольского «Книжная лавка А. Ф. Смирдина»⁴. Общая характеристика журнала дана в «Очерках по истории русской журналистики и критики» (Л., 1950) и в «Истории русской журналистики XVIII—XIX веков» (М., 1966).

Появление в 1834 году нового периодического издания стало событием в книжном мире, и событием тем более значительным, что российская читающая публика в ту пору привыкла больше к закрытию журналов, чем к их возникновению.

Подавив восстания 14 декабря 1825 года, правительство Николая I прилагало все усилия для того, чтобы не допустить повторения декабрьских событий. Считая печать рассадником «вредных» идей, правительство поспешило привести ее в «надлежащий порядок». Уже в 1826 году принимается новый цензурный устав, получивший название «чугунного». Новый устав предусматривал сложную цензурную систему, состоявшую из

многочисленных цензурных «комитетов». Параграфы устава целиком направлены на борьбу с «вольнодумными» сочинениями. Уставом запрещалось обсуждать в печати вопросы политические и государственные.

Недовольство уставом 1826 года вынудило правительство внести некоторые изменения и в 1828 году выпустить новый цензурный устав, предоставляющий большую свободу цензорам.

Но так, как по новому уставу в состав членов Главного управления цензуры вошел управляющий Третьим отделением собственной его императорского величества канцелярии граф Бенкендорф, то фактически все действия цензоров оказались под контролем Третьего отделения. Что же касалось вопросов политики и государства, то они по-прежнему оставались запретными для печати. В связи с развитием революционных событий за границей и волнениями в самой России, царское правительство усиливает контроль над периодической печатью. Журнальные статьи просматриваются с особой тщательностью. Создается благоприятная почва для доносов и сведения счетов. На издателей наиболее прогрессивных органов посылались обвинения в неблагонадежности. Журналы исчезали один за другим: в конце 1830 г. приостановлена «Литературная газета» А. Л. Дельвига, в 1832 г. запрещен журнал И. В. Киреевского «Европеец», в 1834 г. — журнал Н. А. Полевого «Московский телеграф», в 1836 г. — журнал «Телескоп» и газета «Молва» Н. И. Надеждина.

С провозглашением уваровской «теории официальной народности», когда общественная жизнь стала подчиняться жестокой системе государственной опеки, положение русской журналистики еще более осложнилось. Особенно трудно приходилось частным издателям, которые страдали не только от строжайших цензурных запретов, но и от слабой материальной базы: они были не в силах конкурировать с официальными органами печати, субсидированными правительством.

Поэтому издание нового журнала было связано с немалыми трудностями как материального, так и морального характера. Быть интересным для читателя и постоянно «угрожать» Бенкендорфу — задача нелегкая.

Какие же задачи ставил перед собой новый журнал А. Ф. Смирдина? Вот что писала об этом сама «Библиотека для чтения»: «... главной мыслию плана и всех усилий этого журнала было умножение числа способных читателей для русской литературы. «Библиотека» начата с целью постепенно умножить в публике число способных читателей посредством занимательности и не чувствительного перехода к предметам более и более важным, основательным, ученым. Мы думали, и не без причины, что наша словесность и вообще вся литература тогда только подымется на ноги и получит быт прочный и

самостоятельный, когда читатели сделаются труднейшими к удовлетворению и перестанут рукоплескать наглому невежеству или забавничающей посредственности...⁵

Первый том «Библиотеки для чтения» вышел в январе 1834 года. Этот журнал «словесности, художеств, промышленности, наук, новостей и мод» состоял из следующих отделов: I. Русская словесность. Стихотворения. Проза. II. Иностранная словесность. III. Науки и искусства. IV. Промышленность и сельское хозяйство. V. Критика. VI. Литературная летопись. VII. Смесь. Это был первый в России журнал энциклопедического характера.

В первом томе «Библиотеки» были помещены стихотворения Жуковского, Пушкина, Козлова, статья Сенковского «Скандинавские саги», исследование Максимовича «О составных частях почв» и другие материалы. Первая же книга «Библиотеки для чтения» продемонстрировала то разнообразие тем, которому она останется верна на протяжении всего своего существования.

Появившись на свет, «Библиотека для чтения» удивила многим: числом подписчиков (в 1835 году их насчитывалось пять, а в 1837 году до семи тысяч), высокими гонорами, разнообразием публикуемых материалов и, наконец, тем, что во главе журнала встали два талантливых и в то же время совершенно различных по духу человека — А. Ф. Смирдин и О. И. Сенковский.

Если до сих пор в русской журналистике издатель и редактор, т. е. коммерческий хозяин и литературный руководитель объединялись в одном лице, то в «Библиотеке для чтения» эти функции разделились: издателем журнала явился А. Ф. Смирдин, а редакторами были официально назначены Н. И. Греч и О. И. Сенковский. Фактически же О. И. Сенковский с самого начала становится единовластным редактором журнала.

А. Ф. Смирдин, «коммерческий директор» «Библиотеки для чтения», находился тогда в зените славы.

Расцвет издательской деятельности Смирдина был тесно связан с повышением читательского спроса на книгу. В свою очередь расширение читающего круга было вызвано изменениями в экономической и культурной жизни России. Рост внутренней и внешней торговли, увеличение числа промышленных предприятий и, в связи с этим, рост городского населения, проникновение ростков капиталистических отношений в помещичье хозяйство оказывали влияние на общественную жизнь России. Несмотря на репрессивные меры царского правительства, на многочисленные запреты и уставы, жила и развивалась творческая мысль русского народа. Восстание декабристов, крестьянские волнения, польское восстание, Французская революция 1830 года — все эти события не про-

шли бесследно. Они поставили перед русским обществом новые проблемы. Ответы на волнующие их вопросы люди искали всюду, в том числе и в литературе.

Эту жажду знаний и общения, увеличение спроса на печатную продукцию хорошо чувствовал и А. Ф. Смирдин. Страстный пропагандист русской литературы, талантливый и честный издатель, он пользовался всеобщим уважением и любовью. Общение с видными литераторами и учеными, прекрасное знание книжного рынка натолкнули Смирдина на мысль создать такой печатный орган, который объединил бы лучшие литературные и научные силы, и был доступен и по содержанию, и по цене широкому кругу читателей. Известность Смирдина во многом способствовала тому, что участвовать в новом журнале согласились крупные литераторы и ученые. Не последним было и то обстоятельство, что Смирдин платил высокие гонорары.

На долгие годы редактором нового журнала Смирдина становится О. И. Сенковский. Поляк по происхождению, человек, получивший европейское образование, О. Сенковский пришел в русскую журналистику несколько необычными путями. Ко времени основания «Библиотеки для чтения» он был уже видным ученым — ориенталистом, автором нескольких известных работ по истории и культуре Востока, профессором Петербургского университета, переводчиком.

Педагогическая деятельность Сенковскому уже успела наскучить, а надеяться на успех чиновничьей карьеры ему, знакомому со многими деятелями польского восстания 1830—1831 годов, не приходилось — для Николая I он благонадежен не был. Участие в журнале сулило Сенковскому новое интересное занятие и в случае успеха, доход и положение в обществе. Опыт журнальной работы у Сенковского уже был. Он сотрудничал в некоторых русских и польских журналах.

Сейчас трудно определить всю сложность взаимоотношений между издателем «Библиотеки для чтения» А. Ф. Смирдиным и ее редактором О. И. Сенковским. Многие исследователи, пишущие на эту тему, ссылаются на анонимного автора «Краткого обзора книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет», который рассказывает, что «О. И. Сенковский, присоветовавший Смирдину издавать журнал «Библиотека для чтения» в 1834 году не пользовался расположением Смирдина, вследствие того, что обращался с ним как-то грубо: входил, например, в магазин и разговаривал со Смирдиным не снимая шляпы, не давал при посетителях руки и вообще держал себя неприлично»⁶.

Однако, какими бы ни были личные взаимоотношения между Сенковским и Смирдиным, по деловым качествам они подходили друг к другу. Талантливый издатель, хорошо изучивший книжный рынок, Смирдин не мог быть литературным

руководителем, Сенковский же с его темпераментом и энциклопедичностью знаний, в то же время не хуже Смирдина чувствовал дух времени, сумевший понять запросы определенной читательской среды, подходил для задуманного Смирдиным издания. С жаром взявшись за дело, Сенковский не мало сделал для пропаганды журнала и для увеличения числа подписчиков. Программа «Библиотеки для чтения» была полностью составлена им.

Появление «Библиотеки для чтения» вызвало горячие споры в литературной среде. Обсуждалось все — толщина журнала (каждая его книжка составляла 25—30 печатных листов), введение стандартной полистой оплаты (200 рублей за лист оригинального сочинения и 75 рублей за лист перевода), необыкновенная точность выхода (первого числа каждого месяца). Острые разногласия возникали по поводу введения в «Библиотеку для чтения» твердой оплаты писательского труда. Вопрос о журнальном гонораре расколол литераторов на два враждебных лагеря — сторонников и противников «торгового направления». Первым на Смирдина и Сенковского обрушился С. Шевырев со знаменитой своей статьей «Словесность и торговля», в которой резко осуждал смирдинские нововведения⁷.

Непримиримую позицию к изданию Смирдина занял и Н. В. Гоголь.

В защиту «Библиотеки для чтения» выступил В. Г. Белинский. Еще до появления статьи Шевырева в 1834 году он писал: «Есть люди, которые утверждают, что будто г. Смирдин убил нашу литературу, соблазнив барышами ее талантливых представителей. Нужно ли доказывать, что это люди злонамеренные и враждебные всякому бескорыстному предприятию, имеющему целью оживление какой бы то ни было ветви народной промышленности. Я не принадлежу к таким людям...»⁸

30-е годы — время проникновения буржуазных отношений в литературу и издательское дело, время профессионализации писательского труда. Литература становится профессией, и, нередко, хорошо оплачиваемой. И «Библиотека для чтения» явилась первым журналом, в котором выплата гонорара становится не исключением, а правилом. Придавая большое значение влиянию капитала на издательское дело, А. Ф. Смирдин в прошении, поданном в Петербургский цензурный комитет по поводу выхода журнала, указывал на отсутствие материальных средств как на одну из причин падения русской журналистики: «... Долговременное наблюдение и торговый опыт удостоверили меня, что главную причину как посредственности отечественных литературных изданий, так и непрочности их существования следует приписать тому обстоятельству, что до сих пор они обыкновенно предпринимались от-

дельными лицами, основывавшими расчеты свои в успехе более на собственном трудолюбии, чем на правильном содействии постоянных и известных в ученом свете сотрудников, и предпринимались без нужных денежных средств к упрочению своего быта и к приобретению важных материалов и к приличному вознаграждению писателей за труды, коими сии последние могли бы украшать подобные издания и поддерживать их славу. . . »⁹

Позже, в 1845 г. В. Г. Белинский напишет: «...С появлением «Библиотеки для чтения» литературных труд сделался капиталом»¹⁰.

В 30-е годы журнал А. Смирдина становится самым популярным органом печати. Его читают во всех уголках России. Особенным успехом «Библиотека для чтения» пользовалась у провинциальной публики, привлеченной громкими именами, разнообразием публикуемых статей и легкой манерой изложения. В журнале можно было получить сведения о новых книгах по истории и литературе, о новой постановке балета и парижских модах, узнать о том, чем лучше удобрять землю, и прочитать о различных способах употребления резины. Словом, для провинции журнал А. Смирдина был бесценным кладом.

В 40-е годы, годы нового идейного подъема, годы расцвета русской художественной литературы и литературной критики «Библиотека для чтения» начала клониться к упадку. Читателей перестал удовлетворять тот метод подачи материалов, который был свойственен редакции журнала. «Библиотека для чтения» должна была уступить дорогу более передовым органам печати, таким как «Отечественные записки» и «Современник». Произошло то, о чем «Библиотека для чтения» когда-то мечтала: русский читатель, научившийся оценивать качество публикуемой литературы, отдал предпочтение лучшим в художественном отношении изданиям, наиболее соответствующим духу времени. Но то новое, что принесла с собой в русскую журналистику «Библиотека для чтения», не пропало даром. Опыт журнала А. Ф. Смирдина был использован последующими органами русской периодической печати.

Если вопрос о писательском труде, о гонораре, стал ясен еще современникам «Библиотеки для чтения», то вопрос о значении журнала, о его роли в истории журналистики остается не до конца решенным и по сей день.

Направление «Библиотеки для чтения» вызвала многочисленные споры и у современников, и у позднейших исследователей. Некоторые из них (например, Лисовский)¹¹, считали «Библиотеку для чтения» коммерческим предприятием, лишенным идейной направленности. Другие (их большинство) заявляли о реакционной позиции журнала, о правительствен-

ной ориентации, о благонамеренности и благонадежности его редактора О. Сенковского.

В литературе по истории русской журналистики «Библиотека для чтения» редко упоминается в одиночестве. Обычно рядом с ней мы встречаем названия журналов «Сын отечества» и «Северный архив» и имена их издателей И. Греча и Ф. Булгарина. Печально знаменитый триумвират — Греч, Булгарин и Сенковский вошел в историю как нечто целое, навечно связанное. Их имена стали синонимами реакционной журналистики.

А как же быть с популярностью «Библиотеки для чтения»?

«Сенковский основал свой журнал, как основывают торговое предприятие, — писал А. И. Герцен, — мы не разделяем все же мнения тех, кто усматривал в журнале какую-либо правительственную тенденцию. Его с жадностью читали по всей России, чего никогда не случилось бы с газетой или книгой, написанной в интересах власти»¹².

Извлечь «Библиотеку для чтения» из лагеря реакционной журналистики, к которому принадлежали в ту пору «Сын отечества» и «Северный архив», задача чрезвычайно трудная, ибо передовым, прогрессивным органом она, в полном смысле слова, была, пожалуй, лишь в постановке журнального дела. Но с какими журналами мы сравниваем ее? Или с теми, которые ко времени появления «Библиотеки» перестали существовать, или с теми, чья слава еще впереди. Может быть, стоит еще раз вспомнить то время, когда она начала издаваться?

«Библиотека для чтения» сумела появиться на свет в период николаевской реакции и идейного застоя, с одной стороны, а с другой — причиной ее появления стало прогрессивное для России явление — проникновение буржуазных отношений в экономику и общественную жизнь и увеличение вследствие этого числа читающей публики. Капиталистический способ производства и связанные с ним общественные отношения появились в России самодержавной, России крепостнической. И это несоответствие способа производства способу управления накладывало характерный отпечаток на всю общественную жизнь России, в том числе и на жизнь литературную. Эта извращенность должна была проявиться и в любом печатном органе, способном существовать в условиях николаевской цензуры и в то же время пользоваться успехом у читателей.

Царская цензура, зорко следившая за всей выходившей в свет литературой, не делала исключения и для «Библиотеки». А. В. Никитенко, цензор «Библиотеки для чтения», писал: «С этим журналом мне много забот. Правительство смотрит на него во все глаза..., а редакция так и рвется вперед со своими нападками на всех и на все...»¹³. «На Сенковского,

воздвиглась политическая буря, — пишет тот же А. В. Никитенко 16 января 1834 года. — Я получил от министра приказание смотреть как можно строже за духом и направлением «Библиотеки для чтения». Приказание это такого рода, что если исполнять его в точности, то Сенковскому лучше идти куда-нибудь в писари, чем оставаться в литературе...»¹⁴. Что и говорить: трудно было в таких условиях проводить в жизнь прогрессивные идеи.

В своей статье «Ничто о ничем, или отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835 г.) русской литературы» В. Г. Белинский начинает свой обзор с «Библиотеки для чтения»:

«У меня есть причина, и причина очень достаточная, для этого предпочтения в пользу «Библиотеки для чтения», — пишет Белинский, — *журнал владеющий большим* против своих собратий *числом подписчиков* и в продолжение не одного уже года поддерживаемый постоянным вниманием публики, такой журнал, говорю я, может быть, не лучший, но без сомнения, должен быть важнейший; потому что все, что пользуется авторитетом, заслуженным или незаслуженным, все, что имеет на публику большое влияние, хорошее или вредное, все то важно и достойно внимания и прилежного исследования; а «Библиотека для чтения», во всех этих отношениях, есть первый и важнейший в России журнал...»¹⁵

Итак, В. Г. Белинский считал журнал Смирдина важнейшим в России журналом. Он называл «Библиотеку для чтения» журналом для провинции, т. е. журналом для среднего, массового читателя, видя в этом и положительные, и отрицательные стороны. «Я сказал, что тайна постоянного успеха «Библиотеки» заключается в том, что этот журнал есть по преимуществу провинциальный, и в этом отношении невозможно не удивляться той ловкости, тому умению, тому искусству, с каким он принаравливается и подделывается к провинции...»¹⁶

Несмотря на недостатки, на провинциальный дух журнала, Белинский все же положительно оценивал роль «Библиотеки для чтения» в истории журналистики. «Появление этого журнала, — писал он, — истинная эпоха в русской литературе. До него наша журналистика существовала только для немногих, только для избранных, только для любителей, но не для общества»¹⁷.

«Мефистофелем николаевской эпохи» называл редактора смирдинского журнала О. Сенковского Герцен. «... Поднимая на смех все самое святое для человека, Сенковский невольно разрушал в умах идею монархии. Проповедуя комфорт и чувственные удовольствия, он наводил людей на весьма простую мысль, что невозможно наслаждаться жизнью, непрестанно думая о жандармах, доносах и Сибири, что страх — не ком-

фортабелен и что нет человека, который мог бы с аппетитом пообедать, если он не знает, где будет спать»¹⁸.

В 1901 г., выступая на Чтениях в Обществе любителей русской словесности при Казанском университете, профессор Д. А. Корсаков оценивал значение «Библиотеки для чтения» следующим образом: «... Успех журнала был колоссальный, и в течение шести лет, с 1834 по 1840 «Библиотека для чтения» была в буквальном смысле слова законодательницей в области русской литературы, а ее редактор... достиг небывалого до него значения журнального редактора... «Библиотека для чтения» под редакцией Сенковского имела весьма серьезное значение как в истории русской образованности вообще, так и в истории русской журналистики в частности. Кроме уже указанного выше, значение это кратко может быть сформулировано в следующих чертах: 1) «Библиотека для чтения» действительно соединила в себе всю тогдашнюю русскую литературу, начиная с крупных ее представителей и кончая только что начинающими прозаиками и поэтами; 2) она воспитала охоту к чтению в русской публике, преимущественно провинциальной; 3) она распространяла среди нее массу самых разнообразных сведений по всем отраслям знаний, теоретических и прикладных, популяризируя их в общедоступном, легком и нередко даже в фельетонном изложении; 4) она придавала большое значение критическому отделу и библиографии...; 5) «Библиотека для чтения» в статьях Сенковского много способствовала дальнейшему после Карамзина и Пушкина усовершенствованию нашего литературного языка...»¹⁹. «Что касается до, так называемого, направления «Библиотеки для чтения», — говорил Корсаков, — то оно всегда было строго консервативно, и в политическом, и в научно-литературном отношении; но вместе с тем консерватизм Сенковского никогда не отличался пошлостью и общественным цинизмом консерватизма Булгарина...»²⁰

Среди немногочисленных советских исследователей, кто в своей работе упоминал «Библиотеку для чтения», следует выделить известного советского писателя В. Каверина, посвятившего свою книгу редактору «Библиотеки» О. Сенковскому. Касаясь позиции Сенковского — редактора, В. Каверин пишет: «Позиция, которую занял Сенковский с первого номера «Библиотеки для чтения», была неблагонадежна в 30-х годах. Эпоха торжественная и лицемерная, шедшая под высокопарным знаменем «самодержавия, православия и народности», не могла примириться с иронией, пронизывавшей весь журнал и составлявшей его истинный смысл...»²¹

Следует отметить, что «Библиотекой для чтения» как предметом исследования интересовались, главным образом, филологи и журналисты. Естественно, что филологов занимали вопросы истории литературы и литературной критики,

а журналистов постановка дела в целом. И так сложилось, что наиболее исследованными оказались материалы, связанные с историей отечественной и иностранной художественной литературы и литературной критики. Между тем «Библиотека для чтения» была журналом универсального содержания, чем в свое время и прославилась. В «Указателе к статьям серьезного содержания...»²², изданном Бенардаки и Богушевичем, мы находим 162 статьи по истории, 261 — по географии, 223 статьи посвященные вопросам государственного и частного хозяйства и др. Среди тех, кто писал в «Библиотеке» по вопросам истории — Н. Полевой, М. Погодин, С. Шевырев, А. Кавелин, Т. Грановский, А. Тюрин, А. Терещенко, М. Куторга, по вопросам промышленности и сельского хозяйства — Д. Шелехов, Н. Филипов, П. Небольсин и др.

Если такие отделы журнала, как «Наука и искусство», «Критика», «Литературная летопись», тщательно изучались литературоведами и критиками, то историки, к примеру, этих отделов почти не касались. А в «Библиотеке для чтения» печатались статьи Д. Давыдова «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году»²³, и «Воспоминания о сражении в Прейсш-Эйлау»²⁴, исторические работы Н. Полевого и М. Погодина. «Литературная летопись» не упускала случая сообщить своим читателям о новых книгах по русской и зарубежной истории. Среди книг, которые нашли отклик в «Библиотеке для чтения» — «Записки Василия Александровича Нащокина», «История России с древнейших времен» С. Соловьева, «Историческое обозрение Ойратов или Калмыков» монаха Иакинфа, «Борис Федорович Годунов» Краевского и др.

Изучение этих публикаций могло бы дать дополнительные материалы для определения значимости того вклада в русскую культуру, который был сделан «Библиотекой для чтения».

В заключение хотелось бы отметить следующее: журнал «Библиотека для чтения», который обязан своим появлением и существованием двум известным деятелям русской культуры А. Ф. Смирдину и О. И. Сенковскому, оставил заметный след в истории русской журналистики. Появившись в трудное для русской литературы время — период многочисленных цензурных запретов, преследования передовой общественной мысли, «Библиотека для чтения» на продолжительный срок стала самым распространенным и читаемым органом печати. Причины популярности журнала заключались прежде всего в том, что редакция журнала ориентировалась на средние читательские слои, на провинциального читателя — самого неискушенного читателя той поры. «Библиотека для чтения» долгое время не имела достойных соперников, так как не было издателей, способных вести дело так, как вел его А. Ф. Смирдин, и не

было возможности смотреть на должность редактора иначе, чем это делал О. И. Сенковский.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что «Библиотека для чтения» придавала большое значение пропаганде отечественной и зарубежной книги. Нам кажется, что дальнейшее Изучение репертуара книг, получивших отклик в «Библиотеке», было бы полезно как для оценки значения самого журнала А. Смирдина, так и для истории отечественного книговедения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., Изд-во АН СССР, Т. 1, 1953, с. 20—104.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 2, с. 7—50.

³ Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция. М., «Федерация», 1929, с. 375.

⁴ Смирнов-Сокольский Н. П. Книжная лавка А. Ф. Смирдина. М., 1957, с. 80.

⁵ «Библиотека для чтения», 1835, т. П, отд. V, с. 31—33.

⁶ Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет. Спб., 1903, с. 55.

⁷ Шевырев С. Словесность и торговля. — Московский наблюдатель. 1835, кн. 1, с. 10.

⁸ Белинский В. Г. Литературные мечтания. — Полн. собр. соч., т. 1, с. 98.

⁹ «Русская старина», 1903, март, с. 574. («Цензура в царствование Николая I»).

¹⁰ Белинский В. Г. Сто русских литераторов. — Полн. собр. соч., т. 9, с. 245.

¹¹ Лисовский Н. Периодическая печать в России 1703—1903 гг. «Литературный вестник», 1903, с. 281—306.

¹² Герцен А. И. О развитии революционных идей в России. — Собр. соч. в 30-ти томах. М., 1956, т. VII, с. 220.

¹³ Никитенко А. В. Дневник, т. 1. М.-Л., Гослитиздат, 1955, с. 133—135.

¹⁴ Никитенко А. В. Дневник т. 1, с. 134.

¹⁵ Белинский В. Г. Ничто о ничем... — Полн. собр. соч. т. 2, с. 16.

¹⁶ Белинский В. Г. То же, с. 19.

¹⁷ Белинский В. Г. Сто русских литераторов. — Полн. собр. соч. т. 9, с. 244.

¹⁸ Герцен А. И. О развитии революционных идей в России. — Собр. соч. в 30-ти томах, т. VII, М., 1956, с. 220—221.

¹⁹ Корсаков Д. А. О. И. Сенковский и М. П. Погодин как журналисты. Казань, 1902, с. 8—9.

²⁰ Там же, с. 10.

²¹ Каверин В. Барон Брамбеус, М., «Наука», 1966, с. 55.

²² Бенардаки Н., Богусевич Ю. Указатель к статьям серьезного содержания, помещенных в русских журналах прежних лет. Вып. 2. Библиотека для чтения, 1834—1854. Спб., 1858.

²³ «Библиотека для чтения», 1835, X, с. 28—54.

²⁴ «Библиотека для чтения», 1835, XII, с. 77.

В. А. ДМИТРИЕВА

**ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИЗДАТЕЛЬ М. О. ВОЛЬФ
И ЕГО ФРАНЦУЗСКИЕ СВЯЗИ**

Во второй половине XIX века в силу целого ряда причин создались особенно благоприятные условия для взаимодействия русской и французской культур. В этот период был заложен прочный фундамент русско-французских связей в сфере литературно-издательских отношений, чему в немалой степени способствовала деятельность крупных петербургских издателей М. О. Вольфа и С. В. Звонарева.

Маврикий Осипович Вольф (1825—1883) — высокообразованный человек, прошедший школу в крупной парижской книжной фирме Брокгауза и Боссанжа и возглавлявший в начале своей карьеры французское отделение книжного магазина Я. А. Исакова, организовал собственное дело по образцу передовых европейских издательств. Он сыграл видную роль как «один из важных посредников по распространению произведений иностранных литератур в России, значительно способствовавший духовному сближению Франции и Германии с Россией. Львиная доля всего количества французских книг, разошедшихся в России в течение 30 лет, прошла через руки Вольфа и частью ему была обязана своим сбытом. Неменьше его заслуги по распространению трудов французских ученых, беллетристов и детских писателей в русском переводе.¹

Литература для детей и юношества, которая превращалась в крупную самостоятельную ветвь книжного дела, пользовалась особым вниманием Вольфа и занимала одно из ведущих мест в его каталогах. В 1868 г. Вольф посетил Париж и договорился с известным французским издателем П.-Ж. Этцелем * о приобретении ряда произведений Ж. Верна для выпуска их на русском языке в своем издательстве.

Первые контакты Вольфа с Этцелем относятся еще к 1862 г., когда Этцель через французского консула в России

* Этцель, Пьер-Жюль (1814—1886) — крупнейший издатель Франции, писатель, политический деятель, оставивший заметный след в истории национальной французской культуры. Был издателем, в ряде случаев первоиздателем выдающихся писателей Франции (Бальзака, Гюго, Жорж Санд, Ж. Верна) и России (И. С. Тургенева, Марко Вовчка), с которыми он был связан на протяжении многих лет узами дружбы и сотрудничества.

К. Депре направил И. С. Тургеневу письмо с предложением перевести «Сказки» Ш. Перро, поставив непременно условием, чтобы они вышли в издательстве Вольфа.² По ряду причин выпуск книги задержался до 1867 г. Это было богатое издание, отпечатанное в Лейпциге, в типографии Гизеке и Девриена, иллюстрированное 40 рисунками Г. Дорэ с оригинальных клише Этцеля, в красном переплете с золотым тиснением. В предисловии И. С. Тургенев следующим образом охарактеризовал эту книгу: «... Что касается до настоящего издания — то подобного ему не было еще не только у нас в России, но и за границей».³

Успех «Сказок» Ш. Перро в России открыл новые перспективы для дальнейшего сотрудничества двух издательств и предопределил продвижение на русский рынок книжной продукции, выходящей у Этцеля. В фокусе взаимных интересов издателей оказалось основное периодическое издание Этцеля «Журнал воспитания и развлечения».

«Журнал воспитания и развлечения» явился важной вехой в истории прогрессивной детской и юношеской книги. К участию в журнале Этцель привлек многих педагогов, ученых, писателей и в их числе автора популярных научно-фантастических и приключенческих произведений Ж. Верна. Журнал оказался единственным периодическим изданием, удостоенным премии Французской Академии в области литературы для детей и юношества. Основная цель его создателей и руководителей (Этцель, Ж. Верн, Ж. Массе) состояла в том, чтобы проложить путь высокогуманной и богатой в познавательном отношении литературе, формирующей духовный облик юного читателя и доносящей до его сознания новейшие достижения научной мысли эпохи.

Появление «Журнала воспитания и развлечения» сразу было отмечено Вольфом в издававшемся им «Заграничном вестнике»: «Судя по всем отзывам серьезных критиков, подобного детского журнала еще не бывало».⁴ Вольф высоко оценил этот журнал и включил его в свой каталог.

Следующий этап в сотрудничестве Вольфа и Этцеля связан с именем украинской и русской писательницы М. А. Маркович, печатавшейся под псевдонимом Марко Вовчок. В 60—70-х годах Марко Вовчок активно работала в «Журнале воспитания и развлечения» и являлась его постоянным сотрудником. Этцель предложил Марко Вовчку, блестяще владевшей французским языком, заняться переводами на русский язык произведений, выходивших в его издательстве. С этим предложением он письменно обратился к Вольфу, рекомендуя ему Марко Вовчку в качестве переводчика.⁵

В переводе Марко Вовчка у Вольфа вышло только одно издание Этцеля «Приключения маленького парижанина» А. де Бреа (1869). Хотя Этцель стремился к тому, чтобы при по-

средничестве Марко Вовчка направлять переводы своих изданий к Вольфу, писательница, со своей стороны, предпочла иметь дело не с Вольфом, а с другим петербургским издателем С. В. Звонаревым.

Тем не менее Вольф не отказывается от своих планов сотрудничества с Этцелем. «Вольф мне написал, что он хотел бы купить у меня все клише 7 томов «Журнала воспитания и развлечения» — пишет Этцель Марко Вовчку. — Я ему ответил, что поскольку я уже продал клише «Капитана Гаттераса» и «Капитана Гранта» — то могу располагать только оставшимися. Но, может быть, ваш издатель, если он не очень в них заинтересован, мог бы уступить их Вольфу?»⁶

Этцель продал Вольфу два романа Ж. Верна — «Пять недель на аэростате» и «От земли до луны», которые были изданы в 1870 г. Другие романы Ж. Верна, последовательно появлявшиеся в «Журнале воспитания и развлечения» с 1870 по 1873 гг., в переводах Марко Вовчка вышли в издательстве С. В. Звонарева, но и они были полностью или частично закуплены по комиссии Вольфом.⁷

После смерти Звонарева (1874 г.) и последующего прекращения работы Марко Вовчка над переводами (1878 г.) произведения Ж. Верна издавались в России почти исключительно у Вольфа. Прочный и длительный союз Вольфа и Этцеля окончательно сложился в 1879 г. после того как Этцель, по свидетельству С. Ф. Либровича,⁸ посетил Санкт-Петербург. До 1886 г. (год смерти Этцеля) было выпущено девять новых романов (не считая многочисленных переизданий старых), благодаря чему русские читатели получили возможность практически полностью ознакомиться с творчеством выдающегося французского романиста.

Сотрудничество Вольфа и Этцеля не ограничилось только изданием романов Ж. Верна. Целый ряд других произведений из «Журнала воспитания и развлечения», а также из серий Этцеля: «Библиотека воспитания и развлечения», «Библиотека воспитания» «Маленькая белая библиотека» был включен Вольфом в русские серии «Библиотека путешествий и приключений», «Золотая библиотека», «Зеленая библиотека» и прочно вошел в круг чтения юношества России. Сюда относятся произведения самого Этцеля и переводы произведений французских авторов научно-популярного и приключенческого характера, выпущенных в его издательстве (А. де Бреа, Ж. Массе, М. Фарадей, Л. Биар, Ж. Неро, де Шервиль, Г. Мало, А. Бертран и др.)

Произведения В. Гюго, почти монопольно издававшиеся у Этцеля, Вольф также включил в свой каталог. В 1883 г. издательство Вольфа заключило договор с переводчиком Э. К. Ватсоном⁹ на перевод прозаических произведений В. Гюго по издававшемуся Этцелем 56-томному собранию со-

чинений писателя, выполненному и выверенному по оригинальным рукописям автора. Было выпущено всего два тома. Издание остальных томов не состоялось.

Связь между издательствами не прервалась и после смерти Вольфа. Сотрудничество продолжил его сын А. М. Вольф, посетивший Этцеля в 1884 г. в Париже. «Я видел сына Вольфа из Петербурга, — писал Этцель Марко Вовчку, — он приехал меня навестить несколько дней тому назад. Он вместе со своим шурином возглавил дело вместо отца, который уже почти два года как умер».¹⁰

После смерти Этцеля издательство Вольфа выпустило в 1889—1890 гг. полное иллюстрированное собрание сочинений Ж. Верна в 8 томах в качестве бесплатного приложения к «Календарю Вольфа для учащихся». Тома выпускались большим форматом, в три столбца убористой четкой печати, с рисунками французских художников, причем каждый том составлял законченное целое.

Это издание как бы подводило итог почти двадцатилетнему сотрудничеству французского и русского издательств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Либрович С. В. На книжном посту. Воспоминания. Записки. Документы. Пг. — М., 1916, с. 493.

² Parmenise A., Bonnier de La Chapelle C. Histoire d'un éditeur et de ses auteurs. P.-J. Hetzel (Stahl). Paris, 1953, p. 397—398.

³ Тургенев И. С. Предисловие. — Ш. Перро. Сказки. Спб. 1867, с. 1.

⁴ Детский журнал Массе и Сталя. — Заграничный вестник. 1864, Т. 2, с. 572—573.

⁵ (Письмо то 21 июля 1861 г.) — ИРЛИ 9586, VI б. 91. Письма (105) Ж. Гетцеля к Маркович М. А. 1865—1886.

⁶ (Письмо от 17 октября 1867 г.) — Там же.

⁷ Каталог-перечень изданий т-ва М. О. Вольф, а также книг, приобретенных целыми изданиями. Спб. — М., 1853—1913, с. 38, 41—42, 69.

⁸ Либрович С. Ф. Ук. соч., с. 143—144.

⁹ ИРЛИ. Ф. 402 оп. 5, № 18. Архив М. В. Ватсон. «Домашнее условие», заключенное между Э. К. Ватсон и т-вом М. О. Вольф, на перевод с французск. яз. на русский язык прозаических произведений В. Гюго. 5 июня 1883 г.

¹⁰ (Письмо от 13 июня 1884 г.) — ИРЛИ. 9586. VI б. 91. Письма (105) Ж. Гетцеля к Маркович М. А. 1865—1886.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО А. Ф. МАРКСА

**(Его роль и значение в развитии русского книгоиздания
последней четверти XIX века)**

Издательская деятельность Адольфа Федоровича Маркса продолжалась почти три с половиной десятка лет. За все это время им было выпущено примерно 200 названий книг. Если бы мы ограничивались лишь этими статистическими сведениями, то вряд ли была какая-нибудь необходимость вспоминать об этом в наши дни. Между тем, выпущенные им издания оставили заметный след в истории русской культуры, а развитие его фирмы в значительной мере предопределило вступление книгопроизводства в России в монополистическую фазу развития.

Если ограничиться перечислением наиболее значительного, что было им сделано, то в первую очередь следует указать на:

1. Издание первого в истории России массового журнала «Нива», тираж которого в начале нынешнего века достиг 250 тыс. экз.

2. Планомерный выпуск массовыми тиражами собраний сочинений крупнейших русских и зарубежных писателей по ценам, доступным широкому, в полном смысле этого слова, демократическому читателю.

3. Установление наиболее высоких гонораров в современной ему издательской практике.

4. Создание лучшего в России в техническом отношении картографического заведения, выпустившего образцовую для начала века систему географических атласов.

А. Ф. Маркс начинал свое дело на занятые деньги и очень небольшие собственные сбережения, обладая лишь значительным опытом работы, приобретенным в ряде немецких и русских книготорговых предприятий. За 10 лет жизни в России он успел глубоко ознакомиться с конъюнктурой ее книжного рынка и прийти к определенным выводам о его потенциальных возможностях. Приступая к изданию еженедельного журнала для семейного чтения, Маркс практически не экспериментировал. Он был глубоко убежден, что именно в таком журнале испытывается острая необходимость. Кстати говоря, у него и не было иного пути. Не имея ни имени, ни маломальных капиталов, он не мог надеяться даже на минимальный

кредит под собственную книжную торговлю. К тому же у него не было необходимых для этого деловых связей и какого-то определенного круга знакомых, на которых он мог рассчитывать как на потенциальных покупателей. В середине 60-х годов русский книжный рынок еще не ощущал потребности в широком ассортименте изданий. Новый читатель-разночинец еще только-только появлялся на исторической арене. «До какой степени не велика у нас потребность в чтении и как мало выходит хороших книг, — с грустью писал обозреватель «Книжного вестника», — многие тончайшие книжонки выходили вторым изданием; изданий же, заинтересовавших внимание публики, вышло всего ничего, вследствие ничтожного на них запроса, и долго, долго еще придется ожидать того благодатного времени, когда в России будет выходить в продолжении года не 1717, а несколько тысяч названий».¹

В ожидании этого времени не оставалось ничего другого, как обратиться к изданию журнала. Но и в этом случае приходилось учитывать то обстоятельство, что толстые журналы стоили дорого и имели весьма ограниченное число подписчиков. Так, например, годовая подписка на журнал «Отечественные записки» составляла 16 руб. 50 коп., на журнал «Дело» и «Русский вестник» — 15 руб., детский журнал «Семейные вечера» — 12 руб. Остро ощущалась необходимость в дешевых журналах (еженедельных), содержащих, как бы мы сейчас сказали, разностороннюю информацию, способную заинтересовать широкие читательские круги. Подобные журналы появились к тому времени в Германии, такого рода журнал и стал издавать А. Ф. Маркс.

Отмена крепостного права, последовавшее затем быстрое промышленное развитие страны и, как следствие этого, ускорение строительства железных дорог, способствовали росту городского населения, усилению связи и культурных контактов между столичными и провинциальными городами, прежде оторванными от них тысячами верст российского бездорожья. Маркс отлично понимал, что капитализм, породивший в свое время на Западе массу «полуинтеллигентов» из среды мелких служащих, рабочей аристократии, провинциального чиновничества и учительства, рано или поздно заявит о себе и в России. И тогда обыватель невольно начнет чувствовать свою связь с действительностью, даже, если волею судеб он окажется не в Петербурге или в Москве, а в Ельце или Конотопе. Стремление жить во времени неизбежно должно вызвать отностительный рост образованности, желание лучше познать окружающий мир.

Казалось бы, что проще всего эту задачу может решить газета. Но при всей своей оперативности газета содержала лишь очень краткие сообщения о событиях дня, еще не знала иллюстрации, не давала материала для «легкого чтения»,

кроме фельетона (в нашем понимании — очерка), и поэтому не могла заполнить досуга. Тонкий иллюстрированный журнал лучше всего подходил для этой цели.

Программа «Нивы» была утверждена начальником Главного управления по делам печати 21 августа 1869 г.² Незамедлительно, без всякой раскачки А. Ф. Маркс приступил к подготовке издания. Через 4 месяца — 18 декабря вышел первый номер журнала за 1870 г., что дало возможность собрать в первый же год издания 9 тысяч подписчиков. Дело явно оправдывало возлагавшиеся на него надежды, ведь самые популярные в то время петербургские газеты и журналы имели не намного больше, если не меньше подписчиков: «Сын отечества» — 10.921, «Голос» — 8.801, «Отечественные записки» — 5.787 и т. д. В отличие от них, массовый тираж являлся основным условием существования «Нивы», т. к. подписная плата на нее составляла всего 4 руб.

Первые три-четыре года истории «Нивы» — годы борьбы за читателя, стремление прельстить его такими необычными для того времени средствами как разнообразные приложения и премии. В издательском деле, как и повсюду, чем меньше издержки, тем больше прибыль. Но величина издержек в данном случае зависит от тиража. Чем выше тираж, тем выгоднее издавать книгу или журнал. Чем больше прибыль, тем больше возможностей у издателя привлекать лучших авторов, художников, красочнее издать то или иное произведение. Наконец, большой тираж позволяет снизить номинал и тем самым увеличить круг покупателей. А раз больше покупателей, то выше тираж и т. д. Получается как бы замкнутый круг, из которого уже нельзя вырваться. А. Ф. Маркс одним из первых в издательском деле понял, что не повышением номинала, а наоборот, уменьшением цены можно добиться успеха. Но, вступив на этот путь, он вынужден был из года в год увеличивать тираж своего журнала, для чего ему пришлось не только приноравливаться к вкусу подписчика, но и учитывать его материальные возможности, т. к. контингент читателей мог расширяться лишь за счет менее обеспеченных слоев населения.

Однако издатель не может бесконечно снижать номинал, не сокращая производственных расходов. Поэтому Марксу постоянно приходилось расширять и модернизировать свое производство. Одновременно с неуклонной последовательностью увеличивался и тираж журнала — 9 тыс. экз. — в 1870 г., 30 тыс. экз. — в 1877 г., 70 тыс. экз. — в 1882 г., 102 тыс. экз. — в 1886 г., 115 тыс. экз. — в 1891 г., 250 тыс. экз. — в год смерти его издателя (1904). Если учесть, что кроме журнала ежемесячно выходило еще 700 тыс. экз. различных приложений, то станет понятно, почему А. Ф. Марксу пришлось в 1898 г. начать строительство самой крупной в России типографии. Уже в год ее открытия (1901) в ней в две смены работало около

700 рабочих (а во всей фирме было занято около 1000 человек).

Несмотря на громадную популярность «Нивы», многие историки культуры весьма скептически оценивали ее художественные достоинства. Для этого были, бесспорно, свои основания, хотя в целом создавшееся представление о журнале следует признать пристрастным. Не следует забывать, что на его страницах впервые были напечатаны произведения таких писателей, как И. А. Гончаров, Д. В. Григорович, Н. С. Лесков, А. Н. Майков, Д. С. Мережковский, Вас. и Вл. Немировичи-Данченко, А. Н. Плещеев, Я. П. Полонский, И. Н. Потапенко, К. К. Случевский, С. Н. Терпигорев (С. Атава), Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, Ф. Ф. Тютчев, Н. В. Успенский, А. А. Фет, А. П. Чехов и др. Воспроизведены картины и иллюстрации таких русских художников, как И. К. Айвазовский, А. Н. Бенуа, В. Л. Верещагин, К. Е., В. Е. и Н. Е. Маковские, М. В. Нестеров, В. Д. Орловский, И. Е. Репин, Н. А. Самокиш, Г. И. Семинский, К. А. Трутовский, А. И. Шерлемань, И. И. Шишкин и др.

Однако аполитичность журнала, стремление касаться общественных проблем лишь с позиций «благонамеренности и аккуратности» исключало сотрудничество в нем писателей демократического лагеря от М. Е. Салтыкова-Щедрина до М. Горького. Зато широтой тематики «Нива» явно могла похвастаться. За 30 лет на ее страницах было напечатано почти 1 500 романов, повестей и рассказов, около 800 исторических очерков, около 1 000 описаний различных изобретений, помещено около 1 500 различных материалов по естественно-научной тематике, свыше 1 500 — по географии и 2 500 — по краеведению, опубликовано более 1 900 библиографических заметок и т. д.

Главная же заслуга А. Ф. Маркса заключается в том, что он на громадные доходы, полученные от журнала, сумел скупить авторские права (на условиях разового или многолетнего их использования) у наследников или самих писателей и выпустить целый ряд собраний сочинений в виде бесплатных приложений к журналу. Таким образом, у подписчиков «Нивы» с течением времени образовывалась целая библиотека, весьма представительная отражающая отечественную литературу. Подготавливались эти издания литераторами-профессионалами или самими авторами, поэтому уровень их текстологической подготовки был несомненно более высоким, чем у многих конкурентов «Нивы».

Мы уже имели возможность достаточно подробно осветить взаимосвязи А. Ф. Маркса с крупнейшими русскими писателями.³ Поэтому сейчас следует указать лишь на два чрезвычайно важных момента:

1. А. Ф. Маркс приступил в начале 90-х годов к изданию собраний сочинений русских и зарубежных писателей в виде приложений к журналу не потому, что кто-то подсказал ему эту счастливую идею. Просто к этому времени он получил возможность оперировать значительными суммами и приобрел значительный опыт в издании многотомных собраний сочинений русских классиков и современных ему писателей (например, А. Майкова, Я. Полонского). Только благодаря этим обстоятельствам, он смог реализовать давний проект своего бывшего «хозяина» М. О. Вольфа, мечтавшего выпустить целую серию собраний сочинений крупнейших отечественных писателей. А. Ф. Маркс встал на этот путь возможно и потому, что был вынужден опережать своих конкурентов в битве за подписчиков и мог, не боясь за судьбу фирмы, выплачивать баснословные для того времени гонорары держателям авторских прав.

2. Маркс считал себя обязанным поделиться с читателями некоторой долей своего дохода и пускал часть своих изданий в виде дешевых (явно не рентабельных) серий. Так было с выпуском целой гоголевской библиотеки, такой должна была быть серия чеховских произведений. К сожалению, план этой серии, набросанный рукой самого издателя, остался не осуществленным.⁴

Здесь, кстати, уместно сказать, что легенда о марксовских миллионах если и не миф, то все же несколько преувеличивает размеры его состояния. После смерти Маркса все его дело: типография, служебные здания, авторские права и рукописи и т. п. были оценены в три миллиона рублей. Свободные полмиллиона рублей, вложенные в один из частных банков, были завещаны на благотворительные цели. Некоторую ценность представляло его небольшое собрание картин и легковой выезд, приобретенный им незадолго до смерти, но когда речь идет о миллионах, такие вещи не считают.

Нельзя забывать и того, что оснастив свою типографию самым современным оборудованием, Маркс чрезвычайно умело и продуманно организовал весь производственный процесс, добившись за счет детальнейшего разделения труда, работы предприятия с точностью часового механизма. Несмотря на высокую интенсификацию труда, условия работы в его типографии считались наилучшими в России. Только в 1904 г. в результате забастовки во всех остальных типографиях страны был установлен 10-часовой рабочий день, тогда как в его типографии таким он был изначально. Он один из первых ввел страхование рабочих на случай смерти или увечья за счет фирмы и бесплатное медицинское обслуживание (лекарства также выдавались рабочим типографии бесплатно). Зато высокоорганизованное производство давало наибольший экономический эффект.

В учебных курсах, в литературе вопроса можно столкнуться с мнением, что просветительская деятельность в жизни Маркса являлась чем-то случайным, в крайнем случае производной от чисто экономической. Ведь даже И. Н. Потапенко, чрезвычайно высоко ее оценивавший, писал, что «А. Ф. Маркс сыграл выдающуюся роль в деле просвещения (...) нежданно-негаданно для самого себя» и «ни одного мгновения не думал о просвещении русской публики».⁵ Подобного рода критики забывают, что А. Ф. Маркс имел все возможности приложить свои капиталы к более выгодным в коммерческом отношении областям, чем книгоиздание, но ничем кроме книгопроизводства (даже книготорговлей) не занимался. Да и издавать он мог книги более ходкие. И уже совсем ни к чему было ему выпускать такие издания (а он выпускал их немало), о которых заранее было известно, что они принесут убыток, а не прибыль. Честолюбие или бескорыстие двигало А. Ф. Марксом, когда он создавал свое грандиозное предприятие — сказать трудно, но одно несомненно: в издательской деятельности он видел свое призвание и жизненный долг. И совсем не случайно вышло так, что в один прекрасный день он «перестал быть издателем «Нивы» с бесплатными приложениями» и «сделался издателем приложений, а бесплатной премией при них была «Нива». Да, она казалась такой и ни на что не нужной перед такими колоссами, как «Полное собрание сочинений Достоевского, полный Гоголь, полный Тургенев, полный Чехов и т. д.»⁶ В этот момент А. Ф. Маркс и стал, как образно назвал его известный журналист, «фабрикантом читателей».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М-тин И. Сведения о книгах, вышедших в 1864 г. — «Книжный вестник», 1865, № , с. 489.

² ЦГАЛИ, ф. 33, оп. 1, д. 1, л. 1.

³ Дииерштейн Е. А. А. Ф. Маркс и русские писатели. — «Книга. Исследования и материалы», Сб. 33, М., 1977, с.

⁴ Видуэцкая И. П. А. П. Чехов и его издатель Маркс А. Ф. М., «Наука», 1977, с. 102—103.

⁵ Фингал (И. Н. Потапенко) Общественная польза. — «Русь», 1904, 31 октября (13 ноября).

⁶ Аббодона (А. В. Амфитеатров) Из зарубежных откликов. — «С.-Петербургские ведомости», 1904, № 318, 19 ноября (2 декабря)

К ВОПРОСУ О КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРОДНИКОВ 1870-х ГОДОВ

(Издания редакции журнала «ЗНАНИЕ»)

Легальная издательская деятельность народников 1870-х годов не получила в литературе достаточно полного освещения. В исследованиях по истории народнической печати этого периода основное внимание уделялось нелегальным изданиям народников и значительно меньше места отводилось изучению произведений, выпущенных ими легально¹. Между тем легальная издательская деятельность народников, тесно связанная с их революционно-просветительной работой, оставила заметный след в истории русской книги второй половины XIX века и была намного шире, чем это может показаться при ознакомлении с литературой вопроса. Об этом свидетельствует история народнического журнала «Знание», который до сих пор не привлекал внимание исследователей.

Журнал «Знание» выходил в Петербурге с 1870 по 1877 год во время наибольшего подъема народнического движения. Его фактическими редакторами и издателями были И. А. Гольдсмит и ученый-антрополог Д. А. Коропчевский, близкие к революционным народническим кружкам 1870-х годов. Журнал подвергался постоянным гонениям цензуры, обвинявшей его в «проповеди материализма и пропаганде социалистических идей».

Спустя шесть лет после закрытия «Знания», в августе 1883 года, незадолго до запрещения «Отечественных записок», Александру III был представлен краткий очерк истории «неблагонамеренной» легальной печати в России за 1848—1883 годы. Этот документ был составлен на основании следственных дел Третьего отделения и сменившего его позднее Департамента полиции. Анализируя деятельность некоторых журналов, «издатели и сотрудники коих оказались в непосредственном общении с вожаками крамолы», автор очерка сообщал о журнале «Знание» следующее: «Издателем «Знания» был литератор Гольдсмит, женатый на одной из цюрихских студенток, подруге Веры Фигнер: в то время как в его журнале находили себе помещение исключительно статьи материалистического содержания, контора редакции была сборным пунктом всех выдающихся деятелей народнического сообщества и

служила им конторой посреднических услуг для сношений с провинциальными группами»².

В «Знании» сотрудничали видные русские ученые, историки, этнографы, социологи, экономисты: В. В. Берви-Флеровский, Н. Зибер, М. Драгоманов, И. Лучицкий, В. Майнов. Здесь печатались переводы из сочинений известных зарубежных ученых — Ч. Дарвина, Г. Спенсера, Э. Тайлора, Д. Леббока, Г. Модсли и др. В журнале приняли участие такие представители народнического движения 1870-х годов, как Д. А. Клеменц, братья А. А. и П. А. Кропоткины, Н. Г. Кулябко-Корецкий. С редакцией журнала поддерживали связь видные деятели народнического движения — Г. А. Лопатин, В. Н. Фигнер, Н. А. Морозов.

Одним из постоянных сотрудников «Знания» на протяжении почти всего периода его существования был теоретик революционного народничества П. Л. Лавров. Находясь в близких отношениях с редакцией, он получал от нее различные заказы, «хлопотал», по его словам, «о доставлении ей сотрудников». Во время своей активной деятельности за границей, связанной с изданием журнала «Вперед!», он опубликовал на страницах «Знания» многие из своих работ³.

Взгляды П. Л. Лаврова оказали большое влияние на направление журнала. Благодаря участию П. Л. Лаврова, журнал «Знание» сыграл большую роль в распространении в России научной книги, посвященной вопросам естествознания, социологии, психологии, истории культуры и адресованной читателю, не получившему специальной подготовки. В деятельности редакции журнала отчетливо обозначилось стремление приблизить научное знание к демократическому, читателю путем приобщения его к соответствующей книге.

Пропаганда знаний на страницах народнического журнала сочеталась с активной рекомендацией прогрессивной литературы, рецензированием, реферированием произведений, выборной публикацией их отдельных частей. Способы и методы ознакомления читателей с книгой у народников были многообразны, серьезно продуманы, тщательно разработаны. Не случайно редакция «Знания» много внимания уделяла и книгоиздательской деятельности.

За семилетний период существования «Знания» было выпущено 25 произведений естественнонаучной, общественно-политической и социально-экономической тематики, принадлежавших перу отечественных и зарубежных авторов. Среди них первый том значительного философского труда П. Л. Лаврова «Опыт истории мысли», который, по словам участника народнического движения Ф. В. Волховского, оказал могущественное влияние на рост и развитие русской общественной мысли»⁴. По цензурным соображениям книга вышла в свет без указания автора. Редакцией «Знания» были изданы пере-

воды произведений крупных зарубежных ученых: «Происхождение человека» Ч. Дарвина, «Первобытная культура» Э. Тайлора, «Начало цивилизации» Д. Леббока, «Вопросы о жизни и духе» Дж. Г. Льюиса, «Древнейшая история учреждений» С. Мэна и другие, оказавшие заметное влияние на формирование взглядов участников народнического движения.

Прогрессивная печать 70-х годов положительно отзывалась об этих изданиях. Рецензенты журналов «Отечественные записки», «Дело» отметили, с одной стороны, большой интерес к этим книгам читателей, с другой — их нужность и полезность «для русской публики». Как положительный момент, подчеркивалась популярность изложения при строгой научности содержания этих произведений⁵.

В 1873 году редакция журнала «Знание» приняла участие в значительном международном издательском предприятии, которое заключалось в выпуске серии научно-популярных книг под общим названием «Международная научная библиотека». Ее составили труды наиболее известных передовых ученых различных стран по многим отраслям науки. Это было прогрессивное начинание в зарубежном книгоиздательстве второй половины XIX века. Основная его цель состояла в пропаганде и популяризации передовых достижений науки.

Серия выходила одновременно на английском, немецком, французском и итальянском языках. Ее издавали владельцы крупных издательских фирм: Ф. А. Брокгауз — в Лейпциге; Г. Кинг — в Лондоне; В. Эплтон — в Нью-Йорке; Ж. Бальером, а затем Ф. Алькан — в Париже; братья Дюмолар — в Милане. В течение 1870—1880-х годов в Лондоне вышло в свет 67, а в Лейпциге — 68 томов этого собрания. Жизнь французской серии оказалась наиболее продолжительной. В Париже в период с 1873 по 1914 год вышло 120 томов. Нью-Йоркское издание целиком повторило лондонское. Многие крупные ученые Европы и Америки внесли свой вклад в это предприятие публикацией какого-либо из своих сочинений⁶.

В отечественных исследованиях по истории русской и зарубежной книги деятельность, связанная с изданием «Международной научной библиотеки», не получила освещения. Сведения об этой серии содержатся в общих иностранных библиографических указателях, где под ее названием можно найти перечень всех входивших в нее томов. В фондах Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранятся 56 томов английского, 68 томов немецкого и 116 томов французского собраний этой серии. В каталоге библиотеки описания книг, входивших в это издание, стоят каждое отдельно и под названием серии не собраны.

«Международная научная библиотека» появилась по инициативе американского профессора Юманса, который в начале 1870-х годов приезжал в Англию с целью осуществить

задуманное дело. Выдающиеся ученые Англии, а затем и Германии, Франции, Америки поддержали это начинание. В 1871 году на съезде Британской Ассоциации для развития наук в Эдинбурге впервые был предложен план издания «Международной научной библиотеки», которая должна была появляться одновременно на английском, французском и немецком языках. Позднее сюда примкнули и итальянские ученые.

Раньше всех к выпуску серии приступили лондонские книгоиздатели. В своем обращении к читателям они сообщали, что под общим заглавием «Международная научная библиотека» они выпустят собрание популярных научных сочинений о самых последних исследованиях в различных областях современной науки. Предназначенные для тех, кто не получил специального образования, все книги, по словам издателей, должны быть написаны доступным языком и свободны от специальной терминологии. Цель каждого автора, как отмечали издатели, будет состоять в том, чтобы приблизить свой предмет к «среднему» читателю⁷.

Книгоиздательская фирма Ф. А. Брокгауза в Лейпциге, приступившая к выпуску серии в следующем, 1873 году, извещала, что «Международную научную библиотеку» составят в основном произведения из области социологии и естествознания. Авторы их — компетентные специалисты. Книги выпустят по возможности одновременно авторитетные издательства упомянутых стран. Книги будут иметь одинаковый формат, обстоятельные комментарии, иллюстрации, таблицы, планы, карты и т. д.⁸

В издательском объявлении, приложенном к французскому собранию, сообщалось, что «Международная научная библиотека» не станет предприятием обыкновенного книгоиздательства. Изданием будут руководить сами авторы в зависимости от интересов науки, чтобы популяризировать ее во всех ее формах и быстро знакомить со значительными открытиями, появляющимися во всех странах. Для этой цели в каждой стране был избран комитет известных ученых, куда вошли: Г. Спенсер, Д. Тиндаль и Т. Гексли (Англия), К. Бернар и С. К. Девиль (Франция), И. Розенталь и О. Шмидт (Германия). В объявлении отмечалось также, что благодаря высокому научному характеру этого собрания, оно будет все время пересматриваться, чтобы остаться доступным всем образованным людям⁹.

Редакция журнала «Знание» вступила в соглашение с издателями «Международной научной библиотеки» в Германии, Англии и Франции на тех же основаниях, какие существовали между ними. Она получила возможность выпускать произведения, входящие в эту серию, в русском переводе одновременно с появлением их в свет в оригинале, в том же формате

и с теми же рисунками. При этом она оставляла за собой право выбора и возможность издавать только те из них, которые, по ее мнению, больше всего соответствовали потребностям русского общества.

Присоединение редакции народнического журнала к выпуску серии «Международная научная библиотека» на русском языке имело немаловажное значение, так как было связано с популяризацией в России передовых естественнонаучных и социальных учений. Включившись в это предприятие, редакция «Знания» стремилась придать буржуазно-просветительному направлению «Международной научной библиотеки» более прогрессивный характер, рассматривая издание и распространение передовой естественнонаучной и общественно-политической литературы как одно из важных средств просвещения народа¹⁰.

В период с 1874 по 1876 год редакция «Знания» выпустила в русском переводе 12 книг серии по вопросам естествознания, социологии, психологии тиражами от 1000 до 2000 экземпляров. Среди них произведения известных зарубежных ученых Г. Спенсера «Изучение социологии», В. Беджгота «Естествознание и политика», О. Шмидта «Учение о развитии органического мира», Д. Дрэпера «История отношений между католицизмом и наукой» и другие, получившие широкое распространение среди передовой молодежи 1870-х годов. Книги серии были изданы в одинаковом формате, с грифом «Международная научная библиотека» и указанием порядкового номера издания. Они выходили под редакцией крупных ученых и видных специалистов А. П. Пыпина, А. М. Бутлерова, Д. А. Коропчевского, О. А. Чечотта и других.

Редакция журнала «Знание» стремилась отобрать и выпустить в русском переводе такие книги серии «Международная научная библиотека», которые принадлежали перу наиболее прогрессивных ученых и соответствовали интересам демократического читателя. В 1875 году она издала перевод книги знаменитого английского психиатра и философа, последователя Ч. Дарвина, Г. Модсли «Ответственность при душевных болезнях», автор которой выступил против теологического и метафизического взгляда на психическую жизнь человека. Демократический журнал «Дело» одобрил появление книги, назвав ее «весьма дельным и полезным сочинением, выбор которого делает честь литературному вкусу... редакции». Касаясь центральной проблемы произведения Г. Модсли — вопроса о юридической ответственности душевнобольных, рецензент отмечал его «громадную важность для целей правосудия и еще большую для водворения в самом обществе трезвых понятий о гуманности и справедливости»¹¹. Предварительная публикация глав из этой книги на страницах «Знания» вызвала резкие нарекания цензуры и повлекла за собой пре-

дупреждение журналу. Несмотря на это, редакция «Знания» выпустила книгу Г. Модсли отдельным изданием.

Ярко выраженной антиклерикальной направленностью отличался труд известного английского физиолога и историка Д. Дрэпера «История конфликта между религией и наукой». Русский перевод его вышел в серии «Международная научная библиотека» под несколько завуалированным названием «История отношений между католицизмом и наукой». Журнал «Дело», стремясь дать своим читателям более полное представление об этой книге и вместе с тем не имея возможности по цензурным соображениям открыто высказать свое мнение о ней, поместил на своих страницах не рецензию, а подробный реферат этого произведения под выразительным заглавием «Борьба непогрешимого с погрешимым». Проследивая историю продолжительной борьбы «непогрешимого католицизма» с «погрешимой наукой», автор реферата приходит к выводу, что никакие преследования не могут остановить развития прогрессивных идей¹².

Демократическая пресса 1870-х годов положительно отнеслась к новому начинанию редакции «Знания». Так, например, журнал «Дело» высоко оценивал популяризаторские задачи «Международной научной библиотеки», но вместе с тем отмечал и то, что считал ее недостатком. Непременное условие этой серии, по мысли ее организаторов, заключалось в том, чтобы все произведения были написаны известными учеными. Но, как утверждалось на страницах «Дела», не всякий специалист обладает популяризаторским даром. Поэтому журнал призывал участников этого издания не ограничиваться «светилами науки», а привлечь к делу талантливых публицистов. «... Лучше было бы, — писал рецензент, — если бы учредители «Международной научной библиотеки» пригласили к участию в деле популяризации всех желающих, причем программа могла бы быть выработана этими желающими сообща с учеными, а редакция поручена последним. Это имело бы большой смысл и принесло бы несомненную пользу публике»¹³.

Однако редакция «Знания» сознательно отстаивала значение научной книги в воздействии на общественное сознание. По ее мнению, именно такой книге, проникнутой передовыми взглядами, принадлежала ведущая роль в воспитании «критически мыслящей личности», пробуждении самостоятельности мысли в народе. Д. А. Коропьевский в одной из программных статей своего издания писал: «Иногда серьезные, строго научные книги, наполненные массой мелких фактов и цитат, и имеющие, по-видимому, в виду лишь специально-научные цели, способны навести читателя на такое раздумье, к какому никогда не приводят его самые страстные публицистические

рассуждения. . [Они показывают — И. Х.], какого рода ответы может давать наука на жизненные тревожные вопросы, и насколько эти ответы выше тех временных решений, которые так горячо и поспешно, хотя и непрочно, вырабатывает так называемая «литература дня»¹⁴. В целом рецензенты журнала «Дело» отмечали хороший перевод изданных произведений, их «безукоризненную внешность» (обилие «превосходно исполненных полиטיפажей», небольшое количество опечаток) и доступную стоимость книг.

Как уже было отмечено, «Международную научную библиотеку» составляли произведения по различным отраслям науки. Книги общественно-политической тематики были представлены в ней небольшим количеством названий. С целью усиления общественно-политической стороны этого издания, редакция журнала «Знание» предполагала осуществить открытие русского отдела «Международной научной библиотеки». Для этого был избран комитет в составе известных ученых А. М. Бутлерова, Н. И. Костомарова и И. М. Сеченова. Редакция «Знания» задумала издать в этой серии работы русских историков, социологов, этнографов, экономистов, популярных в рядах передовой молодежи 1870-х годов. Желая избежать нареканий цензуры, редакция журнала объясняла свой выбор тем, что русские ученые приняли участие в этом издании позднее западноевропейских, которые оставили за собою по многим отраслям точных наук наиболее важные темы, доступные популярному изложению. Поэтому она обратилась к тем русским ученым, «специальность которых касается отделов знаний, не представленных какими-либо работами в списке немецких, английских и французских сочинений «Международной научной библиотеки». По словам редакции, она преследовала этим две цели: с одной стороны, ознакомить зарубежных читателей с научной и общественной жизнью России, с другой — снабдить своих читателей общедоступными произведениями о многих неизвестных сторонах русской жизни¹⁵. На страницах «Знания» публиковался список этих сочинений, который, по предположению редакции, должен был быстро пополняться. В него входили исторические, социально-экономические произведения Н. И. Костомарова, И. В. Лучицкого, Е. В. Роберти, М. И. Венюкова, В. Н. Майнова, посвященные вопросам истории, международного права, истории раскола России, экономики, этнографии и другим. В список этих сочинений была включена книга неизвестного автора — В. Подковина — под названием «История нравственности». Как свидетельствуют письма П. Л. Лаврова к философу Г. Н. Вырубову, под этим псевдонимом редакция «Знания» предполагала выпустить книгу П. Л. Лаврова, заказанную ему для ее специального издания в серии «Международная научная библиотека»¹⁶.

Объявление об открытии русского отдела «Международной научной библиотеки» появилось и на страницах иностранных изданий этого собрания. Однако редакции «Знания» не удалось осуществить свой замысел. В 1880 году в составе французской серии вышло только одно произведение русского ученого — «Социология...» Е. В. Роберти. Это было единственное издание из тех, которые должны были составить русский отдел «Международной научной библиотеки».

Редакция журнала широко пропагандировала серию. Она публиковала списки иностранных сочинений, входивших в ее состав, а также тех из них, которые должны были появиться в русском переводе. Сообщалось, что этот список будет постоянно возрастать.

Книги серии, изданные редакцией «Знания», пользовались спросом читателей. Именно поэтому в журнале помещались сообщения о том, что «Международная научная библиотека» — издание неперiodическое, а потому подписка на него не может быть принята, что та или иная книга серии уже распродана.

Регулярному выходу «Международной научной библиотеки» на русском языке помешало закрытие «Знания» в 1877 году. Однако это начинание было поддержано другими издателями и книгопродавцами. Отдельные выпуски серии продолжали появляться в русском переводе до середины 1880-х годов XIX века. Но подготовленные разными издателями и книгопродавцами, они зачастую носили случайный характер и вскоре утратили черты систематического собрания, которые были характерны для изданий редакции «Знания».

С намерением участников журнала снабдить читателей возможно большим количеством литературы общественно-политического содержания связан еще один неосуществленный замысел редакции «Знания». В 1876 году она задумала, наряду с «Международной научной библиотекой», приступить к выпуску нового серийного издания под названием «Библиотека современных наук». Будущее собрание должно было включать переводы книг, составивших аналогичную серию, которая начала выходить в Париже.

Редакция сообщила, что под этим заглавием она выпустит сочинения по общественно-политическим вопросам «в виде законченных систематических трактатов». Она подчеркивала, что главной причиной этого начинания служит недостаток в русской литературе таких произведений, которые, будучи исключенными из круга школьного преподавания, между тем «необходимы для разумного понимания хода мысли и действительности настоящего времени». Поскольку такие проблемы, по мнению редакции, были особенно заметны в областях наук антропологических, общественных и исторических, издатели предполагали прежде всего обратить внимание на

эти отделы¹⁷. В перечне книг, которые готовились к изданию, были названы «Курс антропологии» П. Топинара, «Курс политической экономии» Е. Дюринга, «Финансовая наука» Л. Штейна и другие.

Недавно опубликованные материалы архива Международного института социальной истории в Амстердаме, включившие в себя обширную, ранее неизвестную переписку П. Л. Лаврова с Г. А. Лопатиным, позволяют предположить, что намерение редакции журнала «Знание» приступить к изданию новой серии возникло по рекомендации П. Л. Лаврова. В начале 1876 года П. Л. Лавров писал Г. А. Лопатину: «Прежде всего укажу Вам на издание, которое очень бы годилось для перевода и которое могут очень скоро перехватить. У книгопродавца Reinnald начала издаваться «*Bibliothèque des sciences contemporaines*» («Библиотека современных наук»), причем каждый предмет поручен специалисту, будет заключаться в одном томе и назначен для серьезной читающей публики. Вышло 3 тома, всего с датою 1876 г.: Биология, Лингвистика и Антропология. Выбор сотрудников лучший, какой можно сделать в Париже вне недоступных академических знаменитостей — основательно устаревших — и обещания на ближайшие томы весьма благонадежны... Это предприятие, имеющее все шансы на деловитость и успех. Сообщите скорее, кому следует и предложите взять на себя Антропологию Топинара, а не то, если бы нашелся издатель, то можно бы Вам взяться за перевод всего издания вообще с правом передавать перевод надежным лицам... Думаю, что надо поторопиться»¹⁸.

Приступая к выпуску новой серии, редакция журнала «Знание» не стремилась целиком повторить французское собрание. Она отмечала, что «материалами» для нового издания послужат «лучшие иностранные руководства, с изменениями и дополнениями специалистов, сообразно требованиям русских читателей»¹⁹. Кроме того, подобно русскому отделу «Международной научной библиотеки», она предполагала включить в серию произведения русских авторов. Среди книг, готовившихся к печати, были названы две части «Руководства к этнографии», составленные Д. Коропчевским и В. Майновым.

Как мы уже сказали, и этот замысел участников «Знания» остался неосуществленным. В 1879 году, после закрытия журнала, в Петербурге вышла «Антропология» П. Топинара в издании Л. Ф. Пантелеева, а в 1885— «Финансовая наука» Л. Штейна, но без указания их принадлежности к серии.

Издания редакции журнала «Знание» активно использовали народники 1870—1880-х годов в своей пропагандистской деятельности. Не случайно некоторые из них («Опыт истории мысли» П. Л. Лаврова, «Первобытная культура» Э. Тайлора,

«Вопросы о жизни и духе» Г. Льюиса и многие другие) были включены в рекомендательные библиографические указатели, известные под названием «одесского» и «челябинского» каталогов. Эти нелегально изданные народниками указатели широко распространились среди участников подпольных кружков. Обнаружение их при арестах считалось свидетельством революционных связей.

Издательская деятельность редакции журнала «Знание» имела большое историко-культурное значение. Она способствовала распространению в России прогрессивной научной книги, адресованной демократическому читателю. Участие народников в выпуске книг серии «Международная научная библиотека» было вызвано стремлением приобщить народ через посредника-пропагандиста к такой книге, которая помогла бы ему приобрести знания, необходимые для сознательного участия в борьбе за свое освобождение²⁰. Изучение издательской деятельности редакции журнала «Знание» имеет немаловажное значение не только для более полного освещения одного из существенных этапов революционно-освободительного движения в России, но и для решения важнейшей проблемы истории книги — «проблемы уточнения репертуара книг, созданных в ту или иную историческую эпоху»²¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Баренбаум И. Е. Нелегальные типографии 70-х и начала 80-х годов. — В кн.: 400 лет русского книгопечатания. 1564—1964. Т. 1. М., 1964, с. 355—364; Захарина В. Ф. Голос революционной России. Литература революционного подполья 70-х годов XIX в. «Издания для народа», М., Мысль, 1971; Антонов В. С. Революционная типография И. Мышкина в Москве (1873—1874). — Вopr. истории, 1974, № 12, с. 200—204; Покровская З. А. Типография газеты «Начало». (Из истории нелегальной печати в России конца 70-х годов XIX в.). — Левина С. С. Проблема народного читателя нелегальной революционной литературы в период «хождения в народ» (1873—1876). — Труды Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, 1978, т. 14, с. 76—129.

² Из истории литературной политики самодержавия. Как готовилось закрытие «Отечественных записок». Предисл. и публ. С. А. Макашина. — Лит. наследство, 1977, т. 87, с. 455—456.

³ Сотрудничеству П. Л. Лаврова в журнале «Знание» посвящена статья, автора, подготовленная к печати.

⁴ Речь Волховского. — В кн.: Памяти П. Л. Лаврова. Женева, 1900, с. 43.

⁵ См. рецензии в журналах «Дело», 1873, № 2, с. 46—52; 1874, № 12, с. 51—60, 1875, № 11, с. 100—101. (Без подписи); «Отечественные записки», 1877, № 3, с. 100—101; 1878, № 6, с. 447—448 (автор — С. Н. Кривенко).

⁶ *Dictionary of american biography*. Vol. 1. London—New York, 1928, с. 334—335.

⁷ (Издательское объявление). — В кн.: *The international scientific series*. T. 3. London. 1873.

⁸ Издательское объявление. — В кн.: *Internationale wissenschaftliche Bibliothek*. T. 4. Leipzig, 1874, 4-ая с. обл.

⁹ Издательское объявление. — В кн.: *Bibliothèque scientifique internationale*. T. 6. Paris, 1878.

⁹ О просветительной деятельности демократической интеллигенции, которая с помощью книги пыталась повысить общий культурный уровень народа, см. в кн.: Баренбаум И. Е. Легальное демократическое книжное дело в России (1856—1874). Автореф. дисс. на соиск. ученой степени д-ра филол. наук (по спец. «книговедение»). М., 1967, с. 51—52. (Моск. полиграфич. ин-т).

¹¹ [Б. п. Новые книги]. — Дело, 1874, № 12, с. 33, 2-ая паг.

¹² С. Ш. Борьба непогрешимого с погрешимым (Дж. У. Дрэпер. История отношений между католицизмом и наукой. Спб., 1876). — Дело, 1876, № 11, с. 327—359.

¹³ [Б. п. Рец. на кн.]: Б. Стюарт. Сохранение энергии. Спб., 1875. — Дело, 1874, № 12, с. 48—49.

¹⁴ Д. К-ский (Д. Коропчевский). Практическое значение исследований первобытной культуры. — Знание, 1872, № 11, с. 153, 154.

¹⁵ От редакции. — Знание, 1874, № 9, с. (1).

¹⁶ См. об этом письмо П. Л. Лаврова Г. Н. Вырубову от 24 апреля 1874 г. — Былое, 1925, № 2, с. 24.

¹⁷ Библиотека современных наук. (Издательское объявление). — В кн.: Мэн Г. Древнейшая история учреждений. Спб., 1876, 4-ая с обл.

¹⁸ П. Л. Лавров — Г. А. Лопатину. (Лондон, февраль 1876 г.). — В кн.: Лавров — годы эмиграции. Дордрехт, 1974, с. 360.

¹⁹ Библиотека современных наук. (Издательское объявление). — Указ. соч.

²⁰ О чтении передовыми рабочими 1870-х годов серьезной научной литературы см. указ. статью С. С. Левиной, с. 124—126.

²¹ Луппов С. П. Актуальные проблемы изучения истории книги в России периода феодализма. — В кн.: Книга в России до середины XIX века. Л., 1978, с. 12.

С. Б. ЛЮБЛИНСКИЙ

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ КНИГА В РОССИИ

(Очерк жизни и деятельности Е. Н. Водовозовой)

Вторая половина XIX — начала XX века важный и значительный период общественного движения в России. Начало его ознаменовалось демократическим подъемом, который привел к созданию в стране первой революционной ситуации. Это вызвало появление многотысячного читателя из демократических слоев общества, остро нуждавшегося в прогрессивной литературе. Выпуск ее, в то время, осуществляла целая плеяда издателей-просветителей, придавших невиданный размах русскому книжному делу. После Октябрьской революции многие из этих издателей отдали свои знания, опыт, талант строительству новой советской культуры.

Одним из наиболее видных представителей демократического книжного дела в России являлась Е. Н. Водовозова, писательница, талантливый публицист, блистательный мемуарист, известный педагог.

Елизавета Николаевна Водовозова, в девичестве Цявловская, родилась 17 августа 1844 г. в селе Поречье Смоленской губернии, в обедневшей дворянской семье.

Окончив в 1862 г. Смольнинский институт, она сразу оказалась в центре русской общественной и политической жизни.

Дом Водовозовых в эти годы превращается в один из известнейших литературно-политических салонов столицы, «... вокруг которого в течении многих десятилетий объединялась петербургская интеллигенция левого... направления»¹ и революционно настроенная молодежь. На вечерах, устраиваемых Водовозовыми присутствовали и часто выступали член исполкома тайной революционной организации «Народная воля» В. Н. Фигнер, переводчик первого тома «Капитала» К. Маркса Г. А. Лонатин, писатель-демократ В. А. Слепцов, поэт-сатирик и переводчик В. С. Курочкин, этнограф П. И. Якушкин, критик Н. К. Михайловский, идеолог революционного народничества П. Л. Лавров. Таково было окружение, в котором находилась молодая Водовозова.

Литературная деятельность Елизаветы Николаевны началась очень рано. Ей исполнилось всего 19 лет, когда напечатана была статья-рецензия Водовозовой, посвященная роману

Н. Г. Чернышевского «Что делать?» Редакция снабдила ее примечанием, в котором говорилось: «... как искреннее слово женщины, сказанное очень кстати, она (статья, — С. Л.) заслуживает, по нашему мнению, внимание читателей».²

Выбор этого, гениального произведения для рецензирования был совершен Водовозовой не случайно. Чернышевский в ее глазах являлся кумиром, «истолкователем стремлений и надежд, овладевших умами и сердцами новых людей».³ Идеи романа были чрезвычайно близки Елизавете Николаевне, потому что «... согревали юные сердца горячими демократическими чувствами, внушали пламенную любовь к ближнему... пробуждали горячее стремление к общественной деятельности».⁴

Ценность романа Водовозова видела и в том, что автор выступал за «самостоятельность женщины».⁵ В этом слове, указывала она, «... целая жизнь со своим особым развитием, деятельностью и правами».⁶ Задача школы, по ее мнению, заключалась в приготвлении женщины «... к обязанностям, которые ее ожидают».⁷

Эти прогрессивные идеалы были присущи произведениям Елизаветы Николаевны. Самым значительным среди них являются ее мемуары «На заре жизни». Начало им было положено еще в шестидесятые годы, когда в двух номерах газеты «Голос» был помещен очерк Водовозовой «Из записок старой пансионерки». Он сразу оказался в центре внимания демократических кругов русского общества. Это было вызвано тем, что в нем, по-существу, впервые беспощадно разоблачалась вся система женского образования в одном из самых привилегированных учебных заведений страны. Автор блистательно показал полную бездуховность, невежественность и необычайную узость взглядов учителей и классных дам, сумел передать затхлую, мертвящую атмосферу Смольного, казенный жестко-формальный строй институтской жизни. Цель этого воспитания, отмечала Водовозова, заключалась в том, чтобы превратить институт в людей слабых, беспомощных, совершенно бесполезных обществу.

Для того, чтобы побудить издателя «Голоса» А. А. Краевского продолжить опубликование записок Елизаветы Николаевны, оказавшихся неугодными властям, так как в то время «дозволялось описывать только традиционное институтское обожание, страстную любовь воспитанниц к институту»,⁸ В. И. Водовозов направил ему письмо. В нем говорилось: «Посылаю, Андрей Александрович, следующую статью моей жены «Воспоминания старой пансионерки»... Жена просила, если возможно, поместить ее скорей. Она уже заготовила материал еще на две, на три статьи... в них, по-прежнему... будут затронуты многие важные педагогические вопросы».⁹ Однако, продолжения ее воспоминаний Краевский не напеча-

тал. Впоследствии по этому поводу он сказал Водовозовой: «Вы... поступили совсем не корректно, под видом пансиона вы разоблачили институтские порядки, что строго преследуется цензурой. Вы, конечно, имели в виду, что редакторы, не воспитываясь в институтах, не догадуются о вашей проделке, следовательно, вы уже... подвели редакцию».¹⁰

Вновь возвратиться к работе над мемуарами ее заставила «... только настойчивая просьба... мужа», известного историка В. И. Семевского.¹¹ Начиная с 1908 года воспоминания Водовозовой стали регулярно появляться в журналах, а в 1911 году они вышли впервые отдельным изданием. В книге «На заре жизни», указывала Елизавета Николаевна, я считала своим долгом описывать... только то, что предчувствовала, испытала, видела и слышала».¹²

В этих мемуарах она с суровой правдивостью изображала тяжелую жизнь, задавленных беспросветной нуждой крестьян, дикий произвол помещиков, нарисовала яркие портреты участников радикально-демократического движения шестидесятых годов XIX века, рассказала о своих замечательных учителях — К. Д. Ушинском, В. И. Водовозове, М. И. Семевском. Ее воспоминания по глубине проникновения в суть событий, свидетелем которых она являлась, по широте охвата и изображению российской действительности могут быть поставлены в один ряд с «Семейной хроникой» С. Т. Аксакова, некоторыми произведениями И. С. Тургенева и М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Неудивительно поэтому, что мемуары получили высокую оценку в целом ряде статей и рецензий. В одной из них говорилось: «Настоящие воспоминания Е. Н. Водовозовой представляют большой интерес не только по важности и ценности исторического материала, заключающегося в них, но и по искренности и живости изложения, достигающего в иных местах прямо художественности. Было бы весьма желательно, чтобы Е. Н. Водовозова продолжала свои мемуары о дальнейшей жизни, богатой встречами и знакомствами со многими выдающимися деятелями русской общественности, науки, мира литературного и педагогического».¹³

В отзыве, помещенном в литературном приложении к «Ниве» указывалось, что «это автобиография... имеет неоспоримое общественное и историческое значение... Огромная книга читается с неослабевающим интересом, для любого читателя, она может заменить хороший роман, мыслителю она послужит источником серьезных размышлений и выводов, историку она даст ценный материал для изучения умственного роста русского общества и преемственной связи современности с недавним прошлым».¹⁴

Работу над своими мемуарами Водовозова-Семевская продолжала и дальше, буквально до последних дней своей жизни.

Уже на склоне лет она стала писать воспоминания о Н. К. Михайловском (они до нас не дошли), который, по словам В. Н. Ольгием-Цеховской, был «властителем дум» Елизаветы Николаевны.

В 1934 году появилось первое советское издание книги «На заре жизни». С 1939 года эта книга в переработанном для детей и юношества виде много раз переиздавалась и неизменно пользовалась огромным успехом у советского читателя.

Одним из важнейших трудов Елизаветы Николаевны является трехтомник «Жизнь европейских народов», впервые вышедший в свет в 1875—1889 гг. и с тех пор неоднократно переиздававшийся.

На основе этого труда, но социально более остро Водовозова написала и сама выпустила для широких народных масс 10 книжек по дешевой цене, под общим названием «Как люди на белом свете живут». Эти популярные, иллюстрированные В. М. Васнецовым издания знакомили читателя не только с бытом, обычаями и нравами народов разных стран, но и с их политической и общественной жизнью.

Целый ряд брошюр имел обличительный характер. В них была показана сущность буржуазии, основной «характерной чертой которой, — оказывается враждебное отношение к народу ... Фабриканты, ... дельцы смотрят на народ, как на средство своего обогащения».¹⁵ Власть капиталистам, указывал автор, необходима, главным образом, для того, чтобы «защищать свои имущественные интересы».¹⁶ В очерке «Французы» отмечалось, что сами «... рабочие считают... наиболее важными средствами для того, чтобы отстаивать себя в борьбе с капиталистами и хозяевами ... стачки и синдикаты».¹⁷

С большой симпатией характеризовала Елизавета Николаевна французских рабочих, справедливо считая, что они «... богато одарены от природы... умны, находчивы, остроумны».¹⁸ В книге достаточно ясно говорилось о том, что улучшить условия жизни и труда рабочих могут только они сами, если объединятся в профсоюзы, которые будут защищать их интересы с помощью стачек и забастовок. Эту брошюру она сумела выпустить в период жесточайшей столыпинской реакции.

Большое внимание в этом издании уделялось аграрному вопросу и прежде всего тяжелому положению крестьян. В очерке, посвященном Италии говорилось: «Большая часть земли в Сицилии до сих пор принадлежит аристократам».¹⁹ В то же время «... множество народа совсем не имеет земли или владеет крайне ничтожным земельным участком, — поэтому, — приходится брать землю в аренду и искать работы в качестве поденщика или батрака».²⁰ Много притеснений чи-

нит крестьянам местная администрация, представители которой «... берут с них взятки за всякий пустяк и прижимают их, где только возможно».²¹ Естественно, отмечает Водовозова-Семевская, что такое безотрадное положение приводит к тому, что крестьяне «Поджигают казенные здания, дворцы богачей и аристократов, убивают чиновников».²² Нарисованную автором картину читатель легко мог соотнести с российской действительностью.

На страницах сочинений Елизаветы Николаевны резко критиковалась оголтелая политика национализма и шовинизма, которую проводили буржуазные государства и особенно кайзеровская Германия накануне первой мировой войны. Она писала: «Прусское правительство употребляет всевозможные усилия, чтобы... онемечить польское население... Польский язык в Пруссии вытеснен почти совершенно из школ, судопроизводства и из всех административных учреждений. Преподавание на польском языке отменено не только в средних учебных заведениях, но и в начальных школах».²³

Остро саркастически рисует Водовозова немецкое дворянство и бюргерство, являющихся истинными носителями германского национального чванства, патриотичных «... до рабства, — приходящих, — в восторг даже от вещей весьма посредственных в своем отечестве».²⁴

Для того, чтобы читатель по контрасту мог сильнее почувствовать произвол самодержавия в России и ярче увидеть существующее в стране бесправие народных масс, Елизавета Николаевна подробно рассказывает о государственном устройстве наиболее развитых в то время европейских держав. Основными правами швейцарских граждан, отмечала она, являются «Равенство перед законом... Швейцарцы пользуются свободой совести и свободой вероисповедания, — у них существуют, — свобода печати, ... право ассоциаций, ... право петиций».²⁵

Боевой демократический характер изданий Водовозовой заключался и в том, что они имели ярко выраженную антиклерикальную направленность. Не имея возможности критиковать по цензурным соображениям православие, она в своих сочинениях обличала католическую церковь за ее борьбу против передовых демократических идей, а также за физическое уничтожение инакомыслящих. Она писала: «При папском владычестве последовательно изгоняли из Рима все живое, всех, кто хотел учиться, развиваться, мыслить... Людей иных взглядов сажали в тюрьмы и ссылали на каторгу».²⁶

Характерной, отличительной чертой священнослужителей, указывала Елизавета Николаевна, является лицемерие, безмерное вероломство, протекционизм, корыстолюбие «... Папы... открыто продавали высшие духовные должности... за-

пятнали себя убийствами, казнями и всевозможными преступлениями».²⁷

Елизавета Николаевна подробно анализировала в своих книгах системы народного образования, существовавшие в то время в различных странах Европы. «В Швеции, — рассказывала Водовозова, — нет безграмотных. Обучение в школах даровое и обязательное... наиболее бедным дают даром книги, учебные пособия... даровой завтрак и обед. Дети обязаны посещать школу от 7 до 14 лет».²⁸ Таким образом, русский читатель подводился к мысли о том, что в неграмотности большинства населения страны виноват царизм, панически боявшийся революции в России.

Воспитанная на идеях революционеров-демократов, выдвигавших в качестве одного из своих основных требований эмансипацию женщин, Елизавета Николаевна считала необходимым познакомить русского читателя с успехами женского движения в Западной Европе. Это, по ее мнению, должно было способствовать активизации борьбы женщин России, прежде всего за свои политические права. Водовозова писала: «Женщины в Англии... несравненно более, чем прежде, принимают участие в общественной жизни... С 1907 года они уже имеют право избирать и быть избранными... в учреждения местного самоуправления... В настоящее время в Англии три женщины-мэра».²⁹

Высокую оценку получили эти книги в русской прессе. Один из рецензентов отмечал: «Новые издания г-жи Водовозовой принадлежат к числу тех книжечек, которые давно стали крайней необходимостью в народной библиотеке... Г-жа Водовозова предприняла дешевое сокращенное и доступное более широкому кругу читателей издание известной своей книги «Жизнь европейских народов»... Автор понимает свою задачу весьма широко, — он задается целью описать возможно доступным языком не только быт и нравы, но и учреждения данного народа. Это последнее делает книжечки... особенно ценными для такой страны, где не только ничего не знают об учреждениях у других народов, но и о своих то собственных учреждениях судят с какой-то особенной, так сказать, мифологической точки зрения. Книжки... настолько содержательны и богаты весьма ценным материалом, что для читателей из народа полны захватывающего интереса».³⁰

Под влиянием общественного демократического движения 60-х годов Елизавета Николаевна создает целый ряд обличительных произведений, в которых резко критиковался произвол помещиков и капиталистов. Наиболее ярко бесчеловечное угнетение народных масс России раскрывалось в рассказе «Батрачка». Для помещика и кулака, отмечал автор, «батрачка хуже всякой свиньи... Только бы на ногах держалась, да спину гнула в рабочий день, с утра до поздней ночи».³¹

Но и в городе, на фабрике и заводе положение не лучше, «Там каждому найдут дело на 15—16 часов в сутки... К тому же... жди смерти, да калечества на каждом шагу».³² В таких тяжелых условиях труда виноваты капиталисты, которые «до чего алчны, ... так и подумать страшно. Машина в полном ходу, а они заставляют малого ребенка ее чистить, то оторвет ему руку, то ногу, они его сейчас с фабрики долой, там и пропадай как собака, ... тех, кто на машину не наткнется, в несколько лет загубит работа».³³ Этот рассказ был опубликован в виде отдельной книги издателем и книготорговцем демократического направления, членом тайного революционного общества 60-х годов А. А. Черкесовым.

В многогранном и разностороннем творчестве Водовозовой немаловажное место занимали рассказы для детей, собранные в двух книгах — «На отдых» и «Из русской жизни и природы». Они резко выделялись на фоне тогдашней сентиментально-слащавой детской литературы, старающейся скрыть от читателя противоречия, присущие буржуазному обществу, а также истинную жизнь трудового люда. Рассказы Елизаветы Николаевны имели гуманистический характер. В них были нарисованы яркие картины тяжелого подневольного труда детей и подростков.

В очерке «Слепой» рассказывалось: «Вот я по четырнадцатому году и отправился на фабрику... Сначала глаза-то у меня только слезились, да веки пухли, а потом... такая боль появилась, что руки и ноги тряслись, ... а как, — работу, — бросишь, — когда у матери, кроме меня, четверо ребят ... ну и ослеп».³⁴

О трудной судьбе английских детей, вынужденных работать с самого раннего возраста, чтобы не умереть с голода повествовалось в рассказе «Маленькая продавщица». Очень мягко, ненавязчиво объяснял автор своим юным читателям необходимость постоянно трудиться. Кроме того писательница старалась привить детям любовь к миру животных и растений.

Водовозова не только писала книги, но также, как уже говорилось, издавала и распространяла их. В XIX веке так сравнительно часто поступали писатели демократического направления. В то время это была единственная возможность не попасть в кабалу к капиталистическим фирмам, платившим совершенные гроши за литературный труд.

О начале издательской деятельности Водовозовой рассказывала Ольнем-Цеховская «... Е. Н., написав «Жизнь европейских народов» и нуждаясь в средствах к жизни (В. И. Водовозов... за крамольный образ мыслей тогда уже оставался не у дел) ... пожелала сама издавать свою книгу. И обратилась за бумагой к известному бумажному фабриканту Варгунину. Тот согласился открыть кредит. Книгу удалось напеча-

тать, она имела успех, и Е. Н. сделалась издательницей своих дальнейших трудов. Книги у нее — ходкие. Она и по сей день продолжает издавать их».³⁵

Книжный склад Водовозовой-Семевской помещался у нее на квартире, вначале в доме на 2-й, а затем 6-ой линии Васильевского Острова. Он являлся одним из центров распространения важнейшего экономического труда В. И. Ленина «Развитие капитализма в России»,³⁶ вышедшего в издательстве,³⁷ основанном ее невесткой и сыном — М. И. и Н. В. Водовозовыми³⁸ для пропаганды марксистских идей. Объявления о продаже книги в складе Е. Н. Водовозовой помещались в целом ряде петербургских прогрессивных журналов.

Через склад распространяла она свои книги и сочинения В. И. Водовозова. Всеми делами ведала сама Елизавета Николаевна, у которой была только одна помощница. Впоследствии она вспоминала: «Внешняя сторона моей жизни тесно связана с моим рукоеслом, т. е. с издательством. Я веду это дело кустарным образом, домашними средствами. Если его ведение передать книгопродавческой фирме, я буду получать от моего издательства половину того, что я получала, а так как за последнее пятилетие продажа книг подобных моим уменьшилась ровно на половину, то мой доход был бы еще того меньше».³⁹ И дальше: «Но и кустарное ведение издательского дела требует прежде всего увеличения штата служащих, а вместе с этим конечно и квартиры».⁴⁰ Моя помощница «... специально занята этим делом; бегаёт на почту, в библиотеки, книжные магазины, типографии, принимает, отпускает и продает книги, на что тратится по 4—5 часов ежедневно. Без горничной при этом деле обойтись тоже невозможно; днем в будни у нас постоянные звонки».⁴¹

Издательство и книжная торговля не приносили Елизавете Николаевне больших доходов, несмотря на то, что работала она буквально с утра до вечера. Она содержала огромную семью, а кроме того считала своим долгом помогать всякому, кто обращался к ней с просьбой, особенно знакомым литераторам, которые брали деньги... у Е. Н., весьма часто без отдачи».⁴² Она писала: «На себя я трачу прямо гроши... Меня могут спросить — не все же деньги уходят на покрытие по издательству. Ведь сидя за работой сутками до вечера, вы должны порядочно вырабатывать... Объяснить это как-то конфузю... У меня... трое внуков..., но разве только это».⁴³

Власти всегда преследовали ее близких за политическую, общественную, писательскую и издательскую деятельность. Лишен был права преподавать в казенных учебных заведениях В. И. Водовозов, подвергался аресту за политическую неблагонадежность В. И. Семевский, ссылались ее сыновья. Она писала: «... жизнь моей семьи... представляла чрезвычайно мало отрадного... аресты, тюрьмы, ссылка в отдален-

ные... местности, лишение педагогической и какой бы то ни было деятельности».⁴⁴ На ее книжном складе полиция постоянно проводила обыски. В письме к Ольгем-Цеховской Елизавета Николаевна рассказывала: «У нас на днях опять произошла неприятность — гости посетили». Это посещение не дало никаких результатов, но они всегда производят такое тяжелое впечатление».⁴⁵

В специальной справке, составленной Департаментом полиции о Е. Н. Водовозовой-Семевской указывалось, что ее сыновья обязаны «... революционным направлением своей матери и Семевскому».⁴⁶

Октябрьскую социалистическую революцию Водовозова-Семевская встретила немолодым человеком, и потому продолжать в новых условиях книжное дело у нее уже не хватало сил. Ввиду этого, ее основным занятием остается только литературный труд. Она готовит для кооперативного издательства писателей «Задруга» свои книги для народа, выходявшие под названием «Как люди на белом свете живут». По представлению советских властей Елизавета Николаевна получает академический паек и жалование. Заветное ее желание, даже в последние годы жизни, заключалось в том, чтобы «... наблюдать в широком объеме современную жизнь, о которой необходимо все, все записывать».⁴⁷

Умерла Е. Н. Водовозова-Семевская 23 марта 1923 года. В некрологе, помещенном в журнале «Голос минувшего», говорилось: «Среди русских женщин второй половины XIX и начала XX вв., потрудившихся на ниве русской культуры Елизавете Николаевне — принадлежит одно из видных и почетных мест».⁴⁸

Судьба этой замечательной женщины знаменательна тем, что в ней ярко отразились черты русской демократической интеллигенции, посвятившей себя благородному делу пропаганды передовых идей среди самых широких народных масс, использовавшей книгу для преобразования общества на подлинно демократических началах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Е. Н. Водовозова. Голос минувшего, 1923, № 3, с. 149.

² Библиотека для чтения, 1863, № 9, с. 1.

³ Водовозова Е. Н. На заре жизни, Т. 2, М., «Худ. лит.», с. 190.

⁴ Там же, с. 191.

⁵ Библиотека для чтения, 1863, № 9, с. 1.

⁶ Там же, с. 1.

⁷ Там же, с. 19.

⁸ Р. О. Г. П. В., ф. 391, д. 247, л. 1—1 об.

⁹ «Голос минувшего», 1923, № 1, с. 50.

¹⁰ Водовозова Е. Н. Указ. соч., т. 2, с. 242.

¹¹ ИРЛИ, ф. 7290. Письма к А. А. Луговому, л. 67. Семевский В. И., — второй муж Е. Н. Водовозовой.

- 12 Там же, л. 66 об.
- 13 Исторический вестник, 1913, № 5, с. 675.
- 14 Литературные и популярно-научные приложения «Нивы», 1911, № 12, с. 683.
- 15 Водовозова Е. Н. Французы. Спб., 1909, с. 50.
- 16 Там же, с. 54.
- 17 Там же, с. 138.
- 18 Там же, с. 160.
- 19 Е. Н. Водовозова. Итальянцы. Спб., 1912, с. 77.
- 20 Водовозова Е. Н. Итальянцы. Спб., 1912, с. 78.
- 21 Там же, с. 87.
- 22 Там же, с. 87.
- 23 Водовозова Е. Н. Чехи, Поляки, Русины. Спб., 1914, с. 105.
- 24 Водовозова Е. Н. Немцы. Спб., 1913, с. 101.
- 25 Водовозова Е. Н. Швейцарцы. Спб., 1914, с. 156.
- 26 Водовозова Е. Н. Итальянцы. Спб., 1912, с. 27.
- 27 Там же, с. 26.
- 28 Е. Н. Водовозова. Шведы и Норвежцы. Пгд., 1915, с. 105.
- 29 Е. Н. Водовозова. Англичане. Спб., 1914, с. 111.
- 30 «Русская мысль». 1894, № 12, с. 607—608.
- 31 Е. Н. Водовозова. Батрачка. Спб., 1871, с. 26.
- 32 Там же, с. 44—45.
- 33 Там же, с. 46.
- 34 Е. Н. Водовозова. На отдыхе. Спб., 1905, с. 101—102.
- 35 «Голос минувшего», 1923, № 3, с. 148—149.
- 36 В. И. Ленин. Соч., изд. 3-е, с. 561.
- 37 В 1898 году в этом издательстве вышла книга В. И. Ленина «Экономические этюды и статьи».
- 38 В 90-е годы в Самаре вместе с В. И. Лениным Н. В. Водовозов выступал против народников (А. А. Беляков «Юность вождя». М., 1958, с. 107).
- 39 РО ИРЛИ, ф. 123, д. 184, л. 16 об — 17.
- 40 Там же, л. 17.
- 41 Там же, л. 17—17 (об).
- 42 Голос минувшего, 1923, № 111, с. 153.
- 43 РО ИРЛИ, ф. 123, д. 184, лл 18—19 (об).
- 44 Голос минувшего, 1923, № 1, с. 45.
- 45 РО ИРЛИ, ф. 123, д. 184, л. 2 об.
- 46 ЦГАОР, ф. ДП, д. 976, л. 1.
- 47 Голос минувшего, 1923, № 3, с. 160.
- 48 Там же, 1923, № 2, с. 180.

Б. М. ТОЛОЧИНСКАЯ

**ИЗ ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ
ТЕАТРАЛЬНОЙ КНИГИ В РОССИИ**

конца XIX — начала XX вв.

Понятие «театральная книга» объединяет литературу двух планов — книгу для театра, т. е. драматические произведения, и книгу о театре, т. е. труды по истории, теории и практике театра (театроведение). Особое место театрального книжного репертуара принадлежит специальной периодике, которая служит своеобразным связующим звеном между живым театральным процессом и наукой о театре.

История театральной книги — совершенно неисследованная область в истории отечественной культуры. Нет ни слова об этом ни в одном из существующих очерков развития издательского дела в России в XIX—XX вв.

Вместе с тем изучение театральной книги представляет совершенно особенный интерес в связи с важной ролью театра в жизни общества. «Театр есть та область искусства, — писал Александр Блок, — о которой прежде других можно сказать: здесь искусство соприкасается с жизнью... рампа есть линия огня».¹

Без изучения истории театральной книги нельзя полностью воссоздать картину развития русской культуры в целом.

В настоящей работе сделана попытка рассмотреть театральную книгу на рубеже двух веков, основное внимание при этом уделяется изданию драматических произведений и деятельности издательств, целиком специализировавшихся на выпуске театральной литературы.

Русская драматургия конца XIX — начала XX вв. представляет собою весьма сложную и пеструю картину. Драматургия в тот период развивалась очень интенсивно; к проблемам театра, путям его развития наблюдался повышенный интерес. Период революции 1905—1907 гг., последовавшая за ней эпоха реакции, идеологическая борьба в предреволюционные годы определили остроту литературно-театральных, эстетических споров, определили многоплановость драматургии, ее идейное и стилистическое разнообразие.

Именно в эту эпоху — конец XIX — начало XX вв. — родился театр А. П. Чехова, театр М. Горького, театр Л. Андреева, театр А. Блока. В драматургию пришли новые имена —

А. В. Луначарский, А. А. Вермишев, А. С. Серафимович и др. Театральное искусство этого времени связано с именами К. С. Станиславского, В. И. Немировича-Данченко, Ф. Ф. Комиссаржевского, В. Э. Мейерхольда, деятельность которых составила эпоху в истории русского театра.

Анализ драматургии не входит в наши задачи, но и сказанного достаточно, чтобы понять, как богата и сложна была театральная действительность конца XIX — начала XX вв.

Театральная жизнь этого периода, особенно это относится к провинции, требовала большого количества пьес. Чтобы зрительный зал был полон, иными словами, чтобы спектакли давали сбор, необходимо было часто обновлять репертуар.

Пьес сочиняли множество. «Писание пьес, — справедливо отмечал журнал «Театр и искусство», — принимает совершенно эпидемический характер. Осталось очень мало писателей, не зараженных инфекцией».²

Большое количество пьес систематически публиковали театральные журналы, как в самих журналах, так и в специальных приложениях к ним, отдельные книжные магазины.

Книжный магазин Н. Г. Мартынова, например, выпускал специальную «Театральную библиотеку», которая включала и драматические произведения, и книги по театальному искусству (напр., Д. Дидро «О сценическом искусстве». Спб., 1883). Из пьес публиковались как классические произведения («Горе от ума» Грибоедова, «Недоросль», «Бригадир» Фонвизина), так и шутки, водевили.

Существовавший в Санкт-Петербурге книжный магазин М. В. Попова специализировался на выпуске одноактных комедий, часто на заимствованные сюжеты. Столь же малозначительную продукцию выпускало издательство «Театральные новинки», действовавшее в предреволюционные годы.

«Театральные новинки» печатали водевили, скетчи, миниатюры, фарсы. Именно это издательство резко критиковал Александр Блок, когда мечтал изданием сотен пьес мирового репертуара парализовать «заразу десятков ничтожных «новинок», которыми кормится маленькая кучка несчастных пошляков-антрепренеров и предпринимателей».³

В XIX в. очень большое распространение имели рукописные пьесы, некоторые пьесы существовали только в рукописях. Провинциальная и любительская сцена нуждалась в переписке пьес целиком, отдельных ролей, нот и пр. Любопытно, что в Санкт-Петербурге существовала даже специальная книжная торговля г. Попова писанными театральными пьесами. Кроме того, необходимы были каталоги драматических произведений, простейшие рекомендации с краткими характеристиками пьес, что могло бы помочь антрепренерам и режисерам составить репертуар, сообразуясь с возможностями своих театральных коллективов. Необходимы были своего

рода путеводители по современному театральному репертуару.

Решение этих задач взяли на себя существовавшие в Москве и Санкт-Петербурге театральные библиотеки. В Москве функционировали Волковская театральная библиотека, библиотеки С. И. Напойкина, Вейхель, М. А. Соколовой, С. Ф. Рассохина, Е. Н. Рассохиной, в Петербурге — библиотеки В. А. Базарова, А. А. Соколова, Н. Н. Семенова-Волкова, Ф. В. Силичева, Северная театральная библиотека К. П. Ларина.

Театральные библиотеки выполняли функции разного рода: они были собственно библиотеками — собирали пьесы и книги о театре, а также играли своего рода роль методических центров по театальному делу — выдавали всякого рода справки касательно театра, выполняли различные поручения, высылали театральные принадлежности (грим, декорации). Кроме того, театральные библиотеки были и издательствами, они публиковали пьесы, новые и переиздания, издавали каталоги своих фондов, являвшиеся, в сущности, первыми библиографическими пособиями по театральной литературе.

Первая в России подобная библиотека была открыта в Москве 11 февраля 1871 г. в память основателя русского театра Федора Григорьевича Волкова, — отсюда и ее название — Волковская театральная библиотека.

Целью ее было — собрать театральную книгу и оказать тем самым помощь деятелям и любителям театра. Уже через год после открытия Волковская библиотека насчитывала около 5000 экз. пьес, в том числе новейший репертуар столичных сцен, все полные собрания сочинений и русских, и иностранных авторов, а также крупнейшие театральные периодические издания и либретто итальянских и русских опер и балетов. Кроме того, здесь были собраны афиши с 1866 г.

При библиотеке было отделение продажи и покупки всех когда-либо игранных, т. е. рукописных и напечатанных пьес, драматические произведения принимали на комиссию для продажи.

Первая в России театральная библиотека была платной, она была открыта ежедневно, на дом пьесы не отпускались, но за определенную плату их переписывали.

В 1873 г. Волковская театральная библиотека выпустила пособие — «300 пьес в кратком их содержании, с обозначением действующих лиц и декораций для любительских спектаклей». В сборник включили все лучшие, с точки зрения составителей, пьесы репертуара, не требующие трудной постановки, в том числе и пьесы, обращающиеся в рукописях. В каталог вошло 157 рукописных пьес, включены пьесы П. Григорьева (23), П. Каратыгина (13), Н. Лейкина (7), Д. Ленского (15), П. Федорова (19) и др. Каталог аннотирован и снабжен указателями пьес и авторов.

Подобные издания с включением в них лучших пьес текущего репертуара собирались выпускать и в дальнейшем. Однако первая книга оказалась и последней. Тем не менее «300 пьес в кратком их содержании...» можно считать одним из первых библиографических рекомендательных пособий по театру.

Библиотекой было издано некоторое количество пьес, — небольшие шутки, комедии в 1-м д. (П. Каратыгина, С. Соловьева и др.).

Волковская театральная библиотека существовала недолго, — в 1873 г. она прекратила свою деятельность и, за смертью ее владельца, хранилась на складе до начала 1884 г., когда она целиком (в количестве 32 тыс. томов) была приобретена Елизаветой Николаевной Рассохиной, владелицей другой Московской театральной библиотеки.

Библиотека Е. Н. Рассохиной была открыта на частные средства в 1875 г. Цель ее — собрать по возможности все, что касается отечественной драматургии и театрального дела в России.

Е. Н. Рассохина собрала все старинные пьесы, редкие издания таких произведений, как «Горе от ума», «Ревизор», «Недоросль» и др. Комедия «Горе от ума», например, имелась в библиотеке в количестве нескольких десятков разных изданий, начиная с 1-го 1833 г. Московская театральная библиотека собрала и все новые пьесы, составляющие современный текущий репертуар, имела иностранный и музыкальный отделы.

Московская театральная библиотека поставила своей целью постепенно вытеснить из обращения рукописные материалы и заменить их печатными или литографированными изданиями. Пьесы рукописные часто рассылались по России в искаженном виде, вызывая справедливые нарекания авторов. Помимо этого, переписка пьес стоила довольно дорого.

При библиотеке Е. Н. Рассохиной была создана литография, которая могла ежегодно выпускать не менее 100 изданий по 10 печ. л. каждое. За годы своего существования библиотека выпустила в свет около 600 драматических произведений. В предисловии к своему каталогу создатели библиотеки с гордостью отмечали: «... Нами отлитографированы все новости драматической литературы, игранные на имп. санкт-петербургских и московских театрах...»⁴

Что же издавала Московская театральная библиотека? Репертуар самый разнообразный, — комедии, водевили, шутки, драмы, оперы, оперетты, произведения русские и иностранные, оригинальные и переделки. Подавляющее большинство — отдельные издания, сборники — крайне редки. Тираж, как правило, 110 экз. Цены от 50 коп. до 2 р.

Среди выпущенных изданий следует отметить пьесы А. Островского («Невольницы», «Таланты и поклонники», «Без вины виноватые», «Лес»), А. Чехова («Предложение», «Иванов»), П. Невежина («В капкане», «На зыбкой почве»), Е. Карпова («Сумерки», «На земской ниве», «Чары любви»), И. Шпагинского («Простая история», «Княгиня Курагина», «Соловушка»), В. Немировича-Данченко («Счастливец») и др.

1 февраля 1892 г. при театральной библиотеке Е. Н. Рассохиной было открыто театральное агентство, которое, помимо специфически театральных функций, могло формировать и пополнять театральные библиотеки, переписывать пьесы, отдельные роли, а также высылать иногородним драматические произведения и пособия по театральному искусству.

Самая крупная театральная библиотека в России — театральная библиотека С. Ф. Рассохина. Осталось пока невыясненной связь библиотек С. Ф. Рассохина и Е. Н. Рассохиной.

На каталоге, изданном Е. Н. Рассохиной, С. Ф. Рассохин обозначен как комиссионер Общества русских драматических писателей. Однако годом основания своей библиотеки он считает 1875 г., т. е. год открытия Московской театральной библиотеки Е. Н. Рассохиной. Кстати, и адрес обеих библиотек один и тот же. По-видимому, это одна библиотека, которая после Е. Н. Рассохиной перешла в руки С. Ф. Рассохина.

Библиотека очень разрослась, в нее волилась театральная библиотека С. И. Напойкина (с 1 ноября 1898 г.); помещение бывшей библиотеки С. И. Напойкина стало отделением библиотеки С. Ф. Рассохина. Сам С. Ф. Рассохин, как впрочем, и все прочие владельцы театральных библиотек, сочинял пьесы. Это комедии, водевили, разного рода переделки, то, что журнал «Театр и искусство» называл «репертуаром забавных безделок»⁵, а самого Рассохина «в ряду переделывателей» считал «именем нарицательным»⁶.

Библиотека С. Ф. Рассохина занималась продажей, покупкой и изданием театральных пьес, в ней имелся громадный выбор всевозможных драм, комедий, водевилей, опер, опереток для домашних, любительских, провинциальных и столичных сцен и пр. (был и богатый музыкальный отдел). Библиотека принимала заказы и высылала парики, гримировальные краски и пр. принадлежности, отпускала на прокат декорации для домашних и любительских спектаклей, принимала на себя устройство домашних и любительских театров. С 1 января 1898 г. открылась художественная мастерская световых (туманных) картин для народных чтений (С. Ф. Рассохин и К^о), исполняли картины черные и в красках. К 1903 г. библиотека выпустила в свет более 2000 изданий разных драматических произведений. Среди них драматические сборники (в том числе драматические сочинения С. Белой, 2 т. Д. Мансфельда, 4 тома А. Сумбатова, сборник пьес Н. Е. Вильде и др.), 6 томов

серии «Народный театр» (вошли пьесы Е. Карпова, В. Тихонова, Е. Елизарова, З. Осетрова и др.). Однако подавляющее большинство — это отдельно изданные пьесы, — основная масса — одноактные этюды, комедии, водевили, фарсы, миниатюры (1054). Среди пьес и оригинальные, и переводные произведения (Скриб, Бомарше, Гауптман, Ибсен, Шиллер, Грильпарцер), С. Белая («Безработные»), А. Островский («Таланты и поклонники», «Без вины виноватые»), Л. Толстой («Власть тьмы»), М. Горький («Васса Железнова»), пьесы А. Потехина, А. Пазухина, П. Невежина, И. Шпажинского. Из сочинений по теории и истории драматического искусства были изданы пособия по гримировке, устройству сцены для домашних спектаклей, сценическому фехтованию. Продолжив дело, начатое Волковской театральной библиотекой, С. Ф. Рассохин выпустил указатель «1000 пьес для любительских спектаклей с подробным обозначением количества действующих лиц, ролей и амплуа и необходимых декораций».

Библиотека пробовала наладить выпуск информационных изданий по театральной литературе: «Драматические новости» (вышло 3 выпуска, содержащие сведения о пьесах с 1 янв. 1895 г. по 1 окт. 1897 г.) и «Пьесы и роли» — театральный вестник книгоиздательства С. Ф. Рассохина (издавался в течение 1907 и 1908 гг.).

Ежегодные 24 выпуска вестника содержали подробные схемы 240 драматических произведений современного репертуара с характеристикой действующих лиц и описанием декораций.

Аналогичные задачи выполняли и санктпетербургские театральные библиотеки. Одни из самых первых — специально-театральная библиотека и книжный склад А. А. Соколова (сведения о ней относятся к 1884 г.) и В. А. Базарова (основана в сентябре 1888 г.). Их издания — это, по преимуществу, шутки, комедии в 1-м д., переведенные с французского, а также собственные сочинения В. Базарова («Кречинский в юбке», «Авенир и Зоя, супруги»). В 1889 г. В. Базаров выпустил шутку А. Чехова «Трагик поневоле», собирався издать собрание сочинений Н. Кукольника. Ничего значительного первые санктпетербургские библиотеки не выпустили.

Театральная библиотека Н. Н. Семенова-Волкова, пожалуй, единственная из дореволюционных специальных библиотек, которую можно считать библиотекой в обычном современном понимании этого слова. Сведений о том, что библиотека занималась изданием театральной книги пока не обнаружено.

Библиотека была богатой, в ее фондах находились все лучшие драматические произведения русских и иностранных авторов, здесь можно было найти сборники пьес для любительских и домашних спектаклей, для детского театра (всего насчитывалось 3700 названий), популярные оркестровки к во-

девилям, опереттам, драмам и мелодрамам. Библиотека принимала на себя всякого рода комиссии, относящиеся к театральному делу — выдавала справки, адреса актеров, режиссеров, гримеров и пр., принимала пьесы на комиссию, для представления в цензуру.

Пьесы выдавались на дом за посуточную плату и под залог, библиотека принимала переписку и роспись пьес по ролям, которые могли выдаваться на прокат, опять-таки под залог. Любопытно, что библиотека была открыта ежедневно (с 10 до 8), не исключая воскресных и праздничных дней.

Большая театральная библиотека находилась в составе книжного магазина «Новости», которая также занималась собственной издательской деятельностью (выпустила 42 пьесы), преимущественно — комедии, шутки, водевили, среди них — много переводных. Достойны упоминания драматический этюд А. Морозова «Хозяин и работник» (переделка рассказа Л. Толстого), драма Г. Гауптмана «Извозчик Геншель».

Рассмотрение театрального книжного репертуара и анализ деятельности издательств и некоторых библиотек, выпускавших драматические произведения, позволяет сделать определенные выводы.

Бросается в глаза, прежде всего, обилие изданных пьес, однако идейно-художественный уровень большинства из них очень низок. Это ощущалось и современниками. «Пьес производится много, — писал журнал «Театр и искусство», — но так как не театры возникают вследствие накопления литературной энергии, как следовало бы, а наоборот, пьесы пишутся потому что на них существует большой спрос, то едва ли какой-нибудь литературный род пал так низко, как драматический. Создалась целая рать переделывателей, переводчиков, перекрашивателей, просто переписчиков, полуграмотных ремесленников, которые фабрикуют пьесы машинным образом, для того чтобы доставить театрам еженедельную пищу, пьесы эти ставятся, играют, забываются, и все это проходит бесследно для ума, для сердца, для сценической школы, и уж, разумеется, для жизни. ... Таким образом, радуясь за многочисленность драматических сцен, мы не можем не выразить печальных сомнений в их долговечности».⁷

Наблюдается определенная закономерность в распределении репертуара выпускаемых драматических произведений между издательствами. Крупные издательские фирмы, печатавшие пьесы наряду с прочей литературой, в большинстве своем издавали пьесы, русские и иностранные, которые вошли в историю драматургии как классика. Издательство А. Суворина, скажем, выпустило «Тартюф» Мольера, «Медею» Еврипида, произведения Шекспира, Шиллера, Бомарше, П. Сухомина, В. Капниста; издательство Маркса — «Фауст» Гете, пьесы П. Гнедича, в типографии А. Мамонтова и К^о был напе-

чтан «Макбет» Шекспира и т. д. Что касается, напр., издательства «Знание», то здесь, не говоря уже о пьесах М. Горького, увидели свет трагедии Софокла, Еврипида («Ипполит», «Медея», «Скованный Прометей»), Г. Гауптмана («Роза Берндт»), пьесы Е. Чирикова, С. Найденова.

Нельзя сказать, что русскую и зарубежную классику не выпускали специальные театральные издательства, отдельные пьесы проскальзывали, но они тонули в потоке драматических безделок, в море переделок, фарсов, скетчей, водевилей и пр. Любопытно, что ни одна театральная библиотека не издала, например, «Ревизора» или «Горе от ума». И это, конечно, не случайно. Чтобы обслуживать интересы большинства тогдашнего театрального зала, угождать провинциальному обывательскому зрителю, необходимо было выпускать и пьесы соответствующего репертуара.

С. Алянский в своих воспоминаниях приводит резкие слова А. Блока, сказанные им в 1918 г.: «Я хорошо знаю, какими пьесами питают народ небольшие, да и большие провинциальные театры. Дельцы из театрального агенства Рассохина и другие агентства печатают и до сих пор снабжают все провинциальные театры глупыми и пошлыми пьесами. Делают эти пьесы обычно люди малограмотные, но знающие театр, ловкие люди. Необходимо как можно скорее вытеснить эту макулатуру, эту отраву».⁸

Нельзя, однако, признать слова А. Блока полностью справедливыми. Театральные библиотеки были, в конечном счете, почти единственными специализированными издательствами, сыгравшими известную роль в истории культуры. Любопытно, что в рекомендательном «Каталоге пьес и книг о театре», изданном Государственным издательством в 1925 г., указано не менее 12 пьес, выпущенных С. Ф. Рассохиным, в том числе целиком 3 выпуска серии «Веселый театр».

Наиболее характерным видом издания было отдельное издание пьесы, что было вполне закономерно. Типографии при театральных библиотеках были технически маломощны, они с трудом могли справляться с пьесой из нескольких актов. Собрания сочинений, сборники пьес издавали крупные издательские фирмы. Например, полное собрание сочинений А. Островского выпустил книжный магазин Н. Г. Мартынова, издательство А. Ф. Маркса — сборники пьес И. Потапенко, издательство В. Александрова выпускало многотомное издание сборников пьес под названием «Для сцены», П. Сойкин издал сборник З. Осетрова «Сорок пьес из жизни народа. Одноактные драмы, комедии, шутки». Сборники пьес для домашних и любительских спектаклей выходили под редакцией Ф. Куманина (издание журналов «Театрал» и «Театральная библиотека») и др.

Подавляющее количество пьес издавалось очень небольшими тиражами, без помощи типографий, посредством литографического воспроизведения на камне текста, отпечатанного на пишущей машинке, а иногда и от руки. К этому способу прибегали не только мелкие издательские театральные фирмы, но даже и такие, как «Театр и искусство». Тиражи литографированных изданий 100—300 экз. Типографским способом издававшиеся пьесы печатались в большем количестве — 1000—3000 экз. Однако, подавляющее число выпущенных пьес оседало в столичных и крупных провинциальных городах и не доходило до глубин России. Несмотря на попытки подготовить репертуар для народного театра, о котором так много говорили и спорили, массовая театральная книга для народа так и не была создана до революции. Эти задачи встали перед культурно-просветительными и театральными органами советского государства буквально с первых дней Октября.

Учитывая опыт, накопленный дореволюционными издательствами, Театральный Отдел Наркомпроса возглавил работу по созданию театральной книги для широких кругов читателей.

Изучение театральной книги конца XIX—начала XX вв. раскрывает одну из неисследованных страниц истории отечественной культуры и помогает глубже понять процессы, происходившие в культурной жизни советского государства в первые годы революции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Блок А. Собр. соч. М.; Л., 1962, т. 6, с. 273.

² Театр и искусство, 1898, № 3, с. 59.

³ Блок А. Собр. соч. М.; Л., 1962, т. 6, с. 300.

⁴ Каталог изданий «Волконской» и «Московской» театральных библиотек Е. Н. Рассохиной. М., 1886, с. 7.

⁵ Театр и искусство, 1897, № 35, с. 610.

⁶ Там же, № 10, с. 198.

⁷ Театр и искусство, 1898, № 34, с. 594.

⁸ Алянский С. Встречи с Александром Блоком. М., 1972, с. 61—62.

«СЛОВАРЬ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ» Н. П. СОБКО

(История создания)

В 1896 г. известный русский библиограф и искусствовед Николай Петрович Собко направил императору Николаю II, только что взошедшему на русский престол, прошение о субсидии¹ для продолжения издания «Словаря русских художников», над составлением которого он трудился с 1867 г.² Этот документ содержит в немногих строках историю составления замечательного труда, который в долгие годы после смерти автора считался образцовым в отечественной и, до некоторой степени, мировой научно-библиографической практике. «Получив после многолетнего собирания в различных библиотеках материалов по истории отечественного/ искусства с древнейших времен Высочайшее разрешение в Бозе почи/вшего/ императора/ Алекс/андра/ Алекс/андровича/ на занятия в разных правительственных архивах, я посвятил в общем 25 лет жизни на составление «Словаря рус/ских/ художников» и «Истории рус/ского/ искусства» с XI по XIX в. включительно. Но, не обладая никакими средствами и не будучи в состоянии найти издателя для этих трудов своих, как не представл/яющих/ никаких матер/иальных/ выгод при всей их пользе и важности для отеч/ественной/ науки, по отзывам специалистов, я издал на свои скромные средства... лишь один выпуск. Весь же труд, уже готовый вчерне, должен составить 12 таких выпусков с 6000 биографиями отеч/ественных/ художников и мастеров и 600 снимками... с их произведений... Посему дерзаю всепод/даннейше/ просить В/аше/ Императорское/ В/еличество/ повелеть отпустить мне из госуд/арственной/ казны или Кабин/ета/ ... субсидию на перв/ый/ случай хотя бы в полов/инном/ размере против потребной на все издание суммы в 24 т. р.». Это свидетельство научного подвижничества автора — далеко не единственное. В папках архивных дел лежат и другие.³ Адресованные разным лицам письма-просьбы Собко полны любви к избранному единомышленнику на всю жизнь делу, тревоги за его судьбу и желания пробить административное равнодушие.

Однако скупые строчки эпистолярных документов не могут с должной подробностью рассказать об истории создания

«Словаря», который его автор начал в 16-летнем возрасте и продолжал до трагической гибели в 1906 г.⁴

Истоки замысла «Словаря» следует искать в той обстановке, где протекали детство и отрочество автора. Николай Петрович Собко родился в 1851 г. в семье профессора Института путей сообщения. Атмосфера дома была пронизана интересом к изобразительному искусству. Отец часто возил сына по музеям и художественным выставкам, благодаря чему у юного Собко сложилась коллекция всякого рода указателей и путеводителей, которую будущий автор «Словаря» пополнял всю последующую жизнь. Проследивая истоки идеи «Словаря», он пишет, что еще в отрочестве «задумал составить собственный сводный указатель на русском языке всем художественным произведениям... с биографическими сведениями о самих художниках».⁵

В начале 70-х гг. Н. П. Собко через В. В. Стасова знакомится с Публичной библиотекой и с 1872 по 1884 г. работает в ее Художественном отделе и Россике. Национальное книгохранилище страны давало ему возможность продолжить сбор данных из множества печатных источников об отечественных и работавших в России чужеземных художниках. Одновременно он трудится над составлением истории Академии художеств. Этот параллелизм, разработка в едином временном отрезке нескольких научных тем характерны для Собко. В период подготовки «Словаря» он участвовал в составлении «Словаря русских писателей и ученых» Г. Н. Геннади, «Русской библиографии» А. Голубева, «Русской исторической библиографии» В. И. Межова. В эти годы выходит ряд иллюстрированных каталогов Собко к художественным выставкам, биографических очерков о русских художниках для Художественного словаря Мейера, ряд небольших, но информативно насыщенных монографий о мастерах отечественного искусства. Такая интенсивная и разнообразная деятельность, отвлекая Собко от составления словаря вместе с тем и способствовала расширению его художественной эрудиции, развитию исторического взгляда на русское искусство, давала новые сведения, помогала в разработке методики. И он сам признавал это. Словно в ответ на упреки, Собко пишет в предисловии к первому выпуску «Словаря»: «Зато теперь я могу с большим запасом сведений и с более критическим отношением к источникам осуществить свою давнишнюю идею».⁶ В сущности, все уходы Собко в сторону от работы над «Словарем» и переключения на смежные темы объясняются желанием материализовать замыслы, возникшие в начале научного пути.

Понимание Собко библиографических задач в области искусства, его максималистские тенденции отчетливо прослеживаются в письме от 29 марта 1976 г. в Академию художеств с предложением подготовить издание: «Материалы для исто-

рии художеств в России в XVIII и XIX столетии» — своего рода программе библиографирования материалов по всем отраслям русского искусства этого периода и по всем художественным организациям.⁷ Издание должно было состоять из ряда тематических выпусков.

Начиная работать над осуществлением своих грандиозных замыслов, Собко основывался всегда на широкой источниковедческой базе. Представление о ней дают материалы его архива. При подготовке каждого труда, будь то небольшая статья или многотомный библиографический указатель, составитель с максимальной полнотой охватывает документы, сведения из периодики и книг, личные письма — автобиографий мастеров искусства и т. д. и приводит источники сведений. Он во всех случаях отдавал предпочтение первоисточнику — архивному документу, даже если существовала публикация. Все, что выходило из-под его пера, было отмечено тщательностью подготовки высокой степенью точности приводимых фактов, и поэтому требовало больших временных затрат. А его торопили не зря.

В самой личности Собко крылась некая разбросанность, идущая, безусловно, от широты эрудиции и неумения отсекал или переносить на более поздние сроки те труды, которые логически вытекали из собираемого для «Словаря» материала. «Я бы, быть может, откладывал это предприятие еще и дальше, если бы не побудило к его печатанию приглашение меня председателем имп. Русского исторического общества А. А. Половцевым в число редакторов предпринятого им издания «Биографического словаря русских умерших деятелей с поручением мне в особенности художественного отдела там, равно как поступление частых запросов о времени начатия моего собственного «Словаря».⁸ Несомненно, столь лестное приглашение Половцева было вызвано широкой известностью фундаментальных разысканий Собко по истории русского искусства и этой же известностью диктовались вопросы о «Словаре русских художников», который был насущно необходим исследователям отечественного искусства. Кроме того, сама логика развития справочных искусствоведческих пособий в России приводила к необходимости создания комплексного справочного пособия на базе тех частных, которые к этому времени уже имелись в репертуаре отечественного искусствознания.

Цель, которую ставил перед собой Собко, была значительно шире и глубже научных намерений его предшественников. Шире в смысле трактовки понятия «художник», в которое он включал, кроме профессионалов, безымянных или известных лишь по кличкам народных мастеров. «Н. П. Собко их разыскивал, узнавал, осеял, описывал их жизнь и, значит, любовно указывал на тех деятелей, чисто из народа и для

народа, которые были предшественниками и прародителями деятелей нынешних», — сказал В. В. Стасов в своей речи на похоронах Собко.⁹ Шире была цель Собко и в смысле хронологического охвата, по сути дела сюда вмещалась вся история отечественного искусства.

Глубже была эта цель в смысле исследовательской базы, которая включала все виды источников: архивные документы государственных и общественных учреждений, автобиографические заметки, все виды печатных источников. Отечественная наука об искусстве до этих пор не знала такого универсального использования документального наследия прошлого. Использование это было критическим: «Я приложил все свои старания к тому, чтобы одним справочным изданием заменить несколько прежних, не оставив притом ни одного почти указания без должной проверки и дополнив прежнее множеством новых сведений как о тех лицах, о которых уже было писано, так и о многих других», — писал Собко в предисловии к «Словарю».¹⁰ Продумывая методическую основу своего труда, он исходил прежде всего из широкого читательского назначения — удовлетворения требований ученых разных гуманитарных отраслей, художников и любителей изобразительного искусства. Эта максималистская тенденция в прогнозировании использования справочника определила и отбор. Автор включал «решительно всех старых мастеров, хотя бы от них сохранились одни лишь имена, а из более поздних — преимущественно тех, работы которых или появились в свое время на суд публики и потом уже исчезли бесследно, или же сохранились на своих местах и в разных художественных собраниях».¹¹ Чтобы добиться максимальной полноты, автор разрабатывает систему необходимых первоисточников и систему поисков этих первоисточников. Это исчерпывающее использование источниковедческой базы особо отмечала критика. В архиве Собко имеются списки архивных дел, использованных при подготовке «Словаря», с указанием архивохранилищ. Там перечисляются архивы: Академии художеств, Придворной канцелярии отдельных членов императорской фамилии, ряда дворцовых контор, министерств, Синода и др.¹² «Один список архивов, куда он проникал и которыми пользовался в продолжении 25 лет, занял бы несколько страниц», — писал В. В. Стасов.¹³ Кроме архивных розысков, Собко широко прибегал к методу анкетирования, т. е. к рассылке разработанного им вопросника живущим художникам. В качестве первоисточников рассматривались и музейные хранилища.

Методику работы над «Словарем» нагляднее всего раскрывают многочисленные картотеки, выписки и вырезки, хранящиеся в архиве Собко в Отделе рукописей ГПБ. Тематика их в пределах истории отечественного искусства весьма разно-

образа, а круг вопросов как по периоду, так и по существу искусствоведческих проблем очень широк. В поисках необходимых материалов составитель обращается к изданиям, порой весьма далеким от искусствоведческой проблематики. Так, среди расписанных периодических изданий мы находим «Медицинский сборник», «Военный сборник», «Нижегородские биржевые ведомости» и др. Из отраслевой научной и провинциальной прессы извлекаются, кроме нужных фактов (относительно немногочисленных), иллюстрационные материалы. Широко используются указатели и каталоги выставок и художественных галерей, аукционов и конкурсов, отчеты и др. документы художественных организаций. Если рассматривать все собранные к «Словарю» материалы в совокупности, бросается в глаза «перекрестность» содержащихся в них сведений, которая помогает определению точности факта. Много усилий прилагал Собко к тому, чтобы иллюстрационная часть «Словаря» по своей точности соответствовала описательной. Иллюстрационная насыщенность «Словаря» диктовалась не только задачами максимальной информативности. Она являлась следствием того повышенного внимания к этой стороне изданий, которая вообще была свойственна Собко и нашла свое выражение в ряде других его справочников, в частности, выставочных каталогах.¹⁴

Словарь, по мысли его создателя, должен был содержать огромный справочный аппарат, который сам по себе мог иметь самостоятельное значение для наведения справок по различным вопросам отечественного искусства: статистические таблицы художников по их происхождению и месту рождения, систематические списки их по времени и роду художественной деятельности, алфавитные указатели воспроизведенных ими лиц, местностей и событий, подробные обзоры книг и статей по искусству. Таким образом, все элементы будущего «Словаря», как они мыслились его составителем, от главного звена — биографической справки и до последнего — вспомогательного указателя, несли максималистские тенденции, что отдаляло срок окончания работы. Этому способствовали, как уже отмечалось, и отвлечения Собко на множество иных занятий. Кроме того, с 1884 г. Собко стал секретарем Общества поощрения художеств, с 1883 по 1890 г. принимал участие в издании «Вестника изящных искусств», с 1892 г. издавал журнал «Искусство и художественная промышленность», ряд лет был русским комиссаром на международных художественных выставках и т. д. За разбросанность его критиковали многие любившие и ценившие этого подвижника русской культуры. И суровее всех — В. В. Стасов: «Припомните, как я давно начал Вас обвинять в том, что многое (и хорошее) начинаете, но ничего не умеете и не желаете довести до конца... если б Вы могли продолжать свой «Словарь»! Это

было бы поважнее и Общества, и секретарства, и журнала, и типографии! Но Вы все побросали!!! Ничего не умеете и не хотите удержать в руках. Желаю Вам одного: когда-нибудь воротиться к «Словарю». Вот было бы торжество!», — писал он Собко 8 декабря 1902 г.¹⁵

Собко успел закончить и издать только 3 выпуска своего «Словаря» из планировавшихся 12. Весь остальной материал остался в виде ряда подготовленных к изданию картотек.¹⁶ Изданные выпуски содержали в совокупности 1635 имен из намеченных 6000. Иначе говоря, издание осуществилось на одну четверть. Это соответствует планируемым Собко цифрам, приведенным им в 1895—1896 гг.¹⁷ Такой точный расчет объясняется тем, что, по существу, «Словарь» к этому времени был кончен. Оставалась лишь издательская доработка и выпуск в свет остальных томов.

«Словарь» состоял из подробных, по возможности, биографических справок с указанием основных этапов деятельности мастера и перечнем его работ. Ряд справок представлял собой самые полные из существовавших развернутые статьи монографического характера, а некоторые (об А. А. Иванове, В. Г. Перове) по объему равнялись монографиям. Кроме того, в научный оборот было введено много новых имен русских мастеров, разысканных при тщательном обследовании многих архивных дел. Так, биографический очерк о живописце Антоне Иванове Собко заканчивает словами: «Биография Антона Иванова, хотя и краткая, появляется здесь впервые, будучи написана по архивным делам Министерства иностранных дел».¹⁸ И далее следует перечень этих дел, насчитывающий около 200 номеров.

После каждой справки о художнике приведен максимальный список литературы о нем, включающий как изданные работы, так и архивные документы. Библиографическая часть систематизировалась по видам источников, а внутри располагалась в хронологии изданий или написания. «Такой богатой библиографии, относящейся к художественной деятельности русских, напрасно было бы искать еще где-нибудь в другом месте у нас», — писал В. В. Стасов.¹⁹

С точки зрения полноты включенных сведений специального упоминания заслуживают списки произведений каждого мастера. Эти хронологические перечни включают указания на технику, размер работы, ее местонахождение (отдельно эскизов и картин). Если имеется копия, указан оригинал. Если изданы каталоги собраний, где находятся произведения данного мастера, указаны номера этих произведений по каталогу. Перечисляются по отдельности гравюры и литографии с оригиналов данного мастера, его иконография, печатные издания с воспроизведением работ.

Шли годы, а после третьего выпуска (первого выпуска 3-го тома) не появлялось более ничего. «Н. П. Собко занялся в последнее время разными посторонними делами — редактированием художественного журнала, типографией — все это захватило у него полностью все время и на словарь его уже не осталось», — писал И. Лазаревский в 1903 г.²⁰ Однако причина прекращения Словаря на первой четверти его издания крылась не только в плюрализме научных интересов автора.

Собко жил скудно. Страницы его записных книжек перстрят записями о долговых обязательствах и их погашении. В Публичной библиотеке он служил безвозмездно 13 лет и ушел оттуда на пост секретаря Общества поощрения художеств, так и не дождавшись материального вознаграждения. Должность секретаря давала ему более 3,5 тыс. р. в год и означала впоследствии получение пенсии в 3000 р. в год. Вероятно, не имея собственного состояния, Собко не мог позволить себе отказаться от секретарства, которое к тому же давало возможность находиться в гуще художественной жизни страны. Деньги нужны были и на издание «Словаря». Так что в определенном смысле он оказался в замкнутом круге.

Финансовая история «Словаря» складывалась печально. Собко надеялся заинтересовать правительство, получить субсидию от государства, но его надежды не имели реальных оснований. «Если Вы не откажетесь помочь мне, то спасете издание от гибели», — пишет Собко товарищу министра народного образования М. С. Волконскому в 1895 г., уже после выхода в свет первого выпуска 2-го тома.²¹ Однако никакого ответа князя в документах Собко обнаружить не удалось.

Помощь пришла с другой стороны. 27 дек. 1895 г., по распоряжению президента Общества поощрения художеств, Собко была отпущена на завершение труда сумма в 15 тыс. рублей.²² Однако, не будучи человеком практическим, Собко, вероятно, не слишком точно умел подсчитывать расходы. Кроме того, и здесь множественность его научных пристрастий сыграла свою отрицательную роль. В этот период он переживает серьезные материальные затруднения с выпуском журнала «Искусство и художественная промышленность». Предъявляя высокие требования к качеству печати, он тратит большие суммы на художников, репродукции, бумагу. В конце концов образуется значительный дефицит, который Собко покрывает из собственных средств.²³ Не исключено, что на это ушла часть ассигнованной на издание «Словаря» суммы.

В 1904 г., когда Н. П. Собко подал прошение о назначении ему пенсии, на которую он имел право как экс-секретарь Общества поощрения художеств, Канцелярия по принятию прошений на имя е. и. в. затеяла расследование о действительном использовании отпущенных ученому сумм, «имели ли они значение личного пособия или же означенная сумма обращена

была на тот предмет, на который была испрошена».²⁴ В запросе прозвучали даже оскорбительные для Н. П. Собко предположения: «Желательно также знать в случае обращения испрошенной суммы на издание «Словаря русских художников», вся ли эта сумма, или только часть ее была обращена на издание словаря, какое назначение получила оставшая часть суммы, и вообще, насколько добросовестно был выполнен Николаем Петровичем Собко принятый на себя труд по вышеупомянутому изданию».²⁵

Российская научная общественность думала иначе. Для нее не только добросовестное выполнение, но и высокое научное качество труда Собко не вызывали сомнений. В 1895 г. Академия наук увенчала этот труд Большой Уваровской премией.

Даже в незаконченном виде «Словарь» сыграл огромную роль для изучения отечественного искусства, для развития отечественного искусствознания и для формирования методики отечественной искусствоведческой библиографии. В некрологе Собко В. В. Стасов характеризовал значение его труда для отечественной культуры: «Словарь русских художников»... заключает громадную массу сведений с бесчисленными подробностями биографическими, художественно-историческими и критическими, какими никто другой раньше его у нас не владел и которые будут на долгие годы впредь служить верными точками опоры исследователям русской художественной истории».²⁶

Грандиозный труд Н. П. Собко есть не только этапное произведение искусствоведческой библиографии. С 1970 г. издается библиографический словарь «Художники народов СССР»²⁷ (Главный составитель О. Э. Вольценбург), схема которого принципиально продолжает схему «Словаря» Собко. Таким образом, жизнеспособность методических установок Собко доказана почти 100-летним историческим опытом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Собко Н. П. Прошение Николаю II от 1896 г. — ОРиРК ГПБ, ф. 708 Собко, ед. хр. 1003, л. 1—2. Черновая рукопись.

² Собко Н. П. Словарь русских художников, ваятелей, живописцев, зодчих, рисовальщиков, граверов, литографов, медальеров, мозаичистов, иконописцев, литейщиков, чеканщиков, сканщиков и проч. С древнейших времен до наших дней. (XI—XIX вв.). Спб., тип. М. М. Стасюлевича, 1893—1899.

³ Основной массив архива Н. П. Собко находится в ГПБ, но отдельные документы имеются в ИРЛИ, ЦГАЛИ, ЛГИА, ОР ГБЛ.

⁴ 16 авг. 1906 г. на станции Райвола Н. П. Собко попал под колеса поезда и ему отрезало обе ноги. Он скончался по дороге в Петербург.

⁵ Собко Н. П. Словарь... Т. I, вып. I, с. VI.

⁶ Собко Н. П. Словарь... Т. I, вып. I, с. IX.

⁷ ОРиРК ГПБ, ф. 708, Собко, ед. хр. 966.

⁸ Собко Н. П. Словарь... Т. I, вып. I, с. IX.

⁹ Стасов В. В. Статьи и заметки, публиковавшиеся в газетах и не вошедшие в книжные издания. Т. I. М., 1952, с. 201.

- ¹⁰ Собко Н. П. Словарь ... Т. 1, вып. 1, с. X.
- ¹¹ Там же, с. XIV.
- ¹² ОРиРК ГПБ, ф. 708 Собко, ед. хр. 711.
- ¹³ Стасов В. В. Разбор сочинения Н. П. Собко «Словарь русских художников». 1896. Спб., 1897, с. 5.
- ¹⁴ Н. П. Собко был первым в России издателем иллюстрированных каталогов и впервые применил фотомеханический способ репродуцирования.
- ¹⁵ Стасов В. В. Письма деятелям русской культуры. Т. 2. М., 1967, с. 163.
- ¹⁶ Находятся в составе архива Собко в ОРиРК ГПБ.
- ¹⁷ См., например: Собко Н. П. Письмо к кн. М. С. Волконскому от 7 марта 1895 г.; Собко Н. П. Письмо бар. Н. Н. Врангелю от 1896 г.— ОРиРК ГПБ, ф. 708 Собко, ед. хр. 971 и 1003.
- ¹⁸ Собко Н. П. Словарь ... Т. 2, вып. 1, стб. 330.
- ¹⁹ Стасов Н. П. Разбор сочинений Н. П. Собко «Словарь русских художников». 1896. Спб., 1897, с. 5.
- ²⁰ Лазаревский И. И. Художественная хроника. Биржевые ведомости, 1903, 31 июля, с. 3.
- ²¹ ОРиРК ГПБ, ф. 708 Собко, ед. хр. 971, л. 2.
- ²² ЛГИА, ф. 448, оп. 1, ед. хр. 1044, л. 1 и об.
- ²³ ЛГИА, ф. 448, оп. 1, ед. хр. 826, л. 43.
- ²⁴ ЛГИА, ф. 448, оп. 1, ед. хр. 1356, л. 41. Запрос Канцелярии принцессы Е. М. Ольденбургской от 27 янв. 1905 г. по поручению Канцелярии по принятию прошений на имя е. и. в.
- ²⁵ ЛГИА, ф. 448, оп. 1, ед. хр. 1356, л. 41.
- ²⁶ Стасов В. В. Статьи и заметки, публиковавшиеся в газетах и не вошедшие в книжные издания. Т. 1. М., 1952, с. 199.
- ²⁷ Художники народов СССР. Библиографический словарь. В 6-ти т. М., «Искусство», 1970 — . В свет вышло 3 тома.

**ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКО-ПЕТЕРБУРГСКИХ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЗДАТЕЛЬСКИХ СВЯЗЕЙ
НАЧАЛА XX ВЕКА**

(И. Н. Кнебель и художники «Мира искусства»)

Традиционные культурные связи двух главных городов России всегда привлекали внимание историков литературы и изобразительного искусства, театра и музыки, архитектуры и многих других областей культуры. Меньше других к этой теме обращались историки книги.

Нам хотелось бы вкратце охарактеризовать разнообразные и плодотворные формы художественно-издательского сотрудничества между известным московским книгоиздателем И. Н. Кнебелем (1854—1926) и петербургскими художниками — членами «Мира искусства».

Начало этому сотрудничеству было положено летом 1904 года, когда Кнебель предложил А. Н. Бенуа написать текст для альбома репродукций (в технике гелиогравируры) с картин Русского музея. Раздумывая над ответом, Бенуа решил посоветоваться с И. С. Остроуховым, участвовавшим в подобном издании Кнебеля¹. «Сказал ему (Кнебелю — Л. Ю.), что через неделю отвечу, — писал Бенуа Остроухову в середине июля 1904 года. — Неделя прошла, а я все не решил... Только кислая перспектива... Опять о значении Брюллова и т. д. ... Уж эта мне русская живопись...»². Однако предложение было принято и в течение 1906—1908 гг. вышло 26 выпусков издания, сопровождавшихся двухстраничными очерками А. Бенуа — блестящего художественного критика и знатока искусства. В дальнейшем, узнав об особом пристрастии критика к западному искусству, Кнебель предлагал ему лишь близкие его интересам темы. Так, в 1910—1912 гг. под редакцией и с пояснительным текстом Бенуа в издательстве Кнебеля вышло художественное издание «Музей» (60 репродукций с картин выдающихся мастеров прошлого из галерей Мадрида, Парижа, Лондона, Дрездена и др.). Накануне I мировой войны их сотрудничество было продолжено: Бенуа редактировал и писал текст к кнебелевскому изданию «Памятники западноевропейской живописи» (1912—1914). В нем было задумано представить в 300-х репродукциях историю развития западноевропейской живописи времен ее расцвета

(с XIV по XVIII в.). Война прервала издание на 11-ом выпуске.

Следует отметить, что все перечисленные выше издания были сделаны на самом высоком полиграфическом уровне: репродукции, как правило, печатались способом гелиографуры (на отдельных листах) или трехцветной автотипии (вклейки) в лучших австрийских и немецких типографиях.

Позже, вспоминая о совместной работе с Кнебелем и давая оценку его деятельности, Бенуа писал: «Из всех людей, с которыми мне пришлось встречаться в издательском деле, Иосиф Николаевич Кнебель представляется мне наиболее энергичным, последовательным и способным к целостной и выдержанной работе деятелем; наконец, — наиболее тактичным и отзывчивым человеком»³.

Вслед за А. Н. Бенуа — признанным главой художественного объединения — с Кнебелем стали сотрудничать другие члены «Мира искусства» и художники, близкие к их кругу: Л. Бакст, Е. Лансере, М. Добужинский, И. Билибин, В. Замирайло. Этому обстоятельству способствовали и личные дружеские связи с мирискусниками бывшего петербургского студента, а с 1904 г. активного сотрудника кнебелевского издательства — Игоря Эммануиловича Грабаря.

Здесь следует остановиться на истории одного нереализованного издательского замысла Кнебеля и Грабаря, который, однако, послужил началом их тесного содружества с петербуржцами. Речь идет о предполагавшемся издании журнала «Вестник искусства», который должен был подхватить знамя художественного отдела журнала «Мир искусства», незадолго до того прекратившего свое существование. Грабарь, поддерживаемый Кнебелем, хотел продолжить дело С. П. Дягилева и А. Н. Бенуа на московской почве, выдвинув петербуржцам лишь одно условие: оформление журнала «в противоположность мирискусственному барству и роскоши» должно было быть скромным, ибо только так могло существовать на средства Кнебеля, который, по словам Грабаря, «идет на известный убыток»⁴. Петербургские художники с радостью приняли предложение Грабаря и активно подключились к подготовке будущего издания. Добужинский сделал эскиз обложки, Лансере и Замирайло рисовали буквы, а К. Сомов готовил заставку для сатирического отдела — «Кунсткамера». Программа журнала обсуждалась подробнейшим образом вплоть до 12-го номера. Однако «Вестнику искусства» так и не суждено было увидеть свет — издание московского журнала «Искусство» (1905) и сменившего его сверхшикарного «Золотого руна» (1906—09) выбило почву из под ног издателей, мечтавших, по словам Грабаря, не о комфортабельно устроенном доме с мраморными ванными и богатыми приемными и за-

лами, а об уютной комнатке с камином, «где можно было бы чувствовать себя дома и в своем кружке»⁵.

Огорченный, но не потерявший надежду на продолжение творческого союза с петербуржцами, Грабарь предложил Кнебелю приобрести клише репродукций, опубликованных в свое время в журнале «Мир искусства», и использовать их для серии иллюстрированных монографий, посвященных русским художникам последних двух столетий. Эта идея была очень плодотворна и А. Н. Бенуа горячо поддержал ее.⁶ Однако многотомная «История русского искусства», над которой, по настоянию Кнебеля, Грабарь начал работать с 1907 г., на время целиком захватила его своим грандиозным замыслом. Связанная же с этим работа Грабаря как редактора и одного из основных авторов требовала от него полной отдачи всех душевных и физических сил. Это, естественно, сдвинуло сроки подготовки монографий и как бы переместило их на второй план. В дальнейшем, серию «Русские художники» издатели считали достойным продолжением их фундаментального труда по истории русского искусства.

Подготовка этих изданий наиболее ярко отразила характер московско-петербургских художественно-издательских связей начала века. В самом деле, если инициатива и организация издания «Истории русского искусства» и серии «Русские художники» принадлежала москвичам, то в числе их авторов мы видим многих петербуржцев: Н. Н. Врангеля, П. И. Нерадовского, С. П. Яремича, А. А. Ростиславова и др. К сожалению, большие надежды, возлагавшиеся Грабарем на участие А. Н. Бенуа в работе над «Историей», не оправдались: Бенуа стесняли «рецепты и программы», которые вынужден был предложить ему Грабарь как редактор издания.⁷ В 1908 г. Бенуа бесповоротно отказался от участия в издании, но Грабарь все же не терял надежды и включил его в авторский коллектив, перечень которого украшал собою контртитულ всех 23-х выпусков «Истории русского искусства».

Особо следует отметить, что все пять томов «Истории» были набраны и отпечатаны в лучшей частной петербургской типографии, принадлежавшей Товариществу Р. Р. Голике и А. И. Вильборга. Как известно, фирма родилась в 1903 г. после слияния двух первоклассных полиграфических предприятий — типолитографии Р. Голике и фотоцинкографии А. Вильборга. К 1910 г. Товарищество заслужило всероссийскую известность, благодаря своему полиграфическому искусству, особенно проявившемуся в ряде художественных изданий, выпущенных под собственной маркой.⁸ Кнебель, до того сотрудничавший, в основном, с западными и двумя-тремя московскими типографиями, сумел по достоинству оценить мастерство специалистов Товарищества во главе с Б. Г. Скамони и через своего петербургского представителя Э. И. Блэка стал с ними ак-

тивно сотрудничать при подготовке основных художественных изданий, в том числе серий иллюстрированных монографий «Русские художники» и «Русские города».⁹ В Ленинградском Государственном историческом архиве (ЛГИА) сохранился довольно большой фонд деловых бумаг Товарищества Р. Голики и А. Вильборга (к сожалению, едва обработанных местными архивистами). По ним особенно хорошо видно насколько интенсивны и плодотворны были отношения двух фирм на протяжении целого десятилетия (1908—1917).¹⁰

В оформлении «Истории» и серийных изданий приняли участие мирискусники Е. Лансере, М. Добужинский, И. Билибин и А. Остроумова-Лебедева.

Немало добрых слов заслужил И. Н. Кнебель и как издатель художественно-иллюстрированных книг для детей. Начиная с 1897 и по 1924 год, детская книга занимала значительное место в его издательском репертуаре. Среди художников, сотрудничавших с Кнебелем в детской книге: москвичи — Н. П. Ульянов, И. С. Ефимов, А. С. Глаголева...; петербуржцы — В. Д. Замирайло, А. Х. Вестфален, М. Я. Чемберс и др. Однако не им суждено было сыграть решающую роль в становлении новой детской книги. Эта честь принадлежала двум молодым графикам, находившимся под сильным влиянием мирискусников старшего поколения. Оценивая ряд их детских книг, вышедших в издательстве И. Н. Кнебеля, Бенуа справедливо отмечал: «Полна поэзии и изыска вся серия его (Кнебеля — Л. Ю.) книжек для детей, в которой он дал волю талантам наших превосходных иллюстраторов: Нарбуту и Митрохину...»¹¹.

Начиная с 1910 г. оба художника стали деятельными членами возрожденного объединения «Мир искусства», с успехом освоив не только теоретические, но и практические достижения кружка А. Бенуа. Так, например, Нарбут и Митрохин могли сутками пропадать в типографии Голике и Вильборга, где печаталось большинство иллюстрированных ими книг, совместно с печатниками вырабатывая особые приемы рисунка специально для штрихового клише. Творческий характер работы над заказами Кнебеля создавался и благодаря личному общению издателя с художниками. Д. И. Митрохин вспоминал: «Когда приезжал из Москвы И. Н. Кнебель, то собрания наши затягивались до пяти часов утра; распределялись работы, намечались книги для иллюстрирования...»¹². Здесь следует отметить и большую художественно-редакторскую работу Кнебеля над детскими книгами издательства. Часто от его вкуса и знания возможностей полиграфии зависел успех художественного замысла иллюстратора. Благодаря этим качествам и основательности созданного им дела Кнебель снискал большой авторитет среди художников-графиков Москвы и Петербурга.

Здесь же уместно добавить, что 26 лучших кнебелевских детских книг были представлены на Международной выставке печатного дела и графики в Лейпциге в 1914 г.¹³

Большой вклад был сделан Кнебелем в повышение художественного и полиграфического уровня пособий для наглядного обучения. Проводя в жизнь лозунг прогрессивной педагогики «Искусство в школу!», Кнебель осуществил ряд замечательных изданий, оставивших заметный след в художественно-издательском деле России начала века.

Наивысшим достижением издателя в этой области был альбом художественных репродукций «Картины по русской истории» (1908—1913), вышедший под редакцией и с объяснительным текстом известного петербургского историка С. А. Князькова (1873—1920). К работе над школьным наглядным пособием были привлечены лучшие художники Москвы и Петербурга: С. В. Иванов, А. М. Васнецов, Б. М. Кустодиев и др. Московские художники явились авторами первых трех разделов издания: от славянских поселений до Петровской эпохи. Над периодом с начала XVIII в. до реформы 1861 г. наиболее интенсивно работали в этом плане, художники «Мира искусства»: А. Н. Бенуа, Е. Е. Лансере, М. В. Добужинский и др. В течение шести лет увидели свет свыше 50 больших хромолитографированных листов репродукций с картин этих художников и подборка превосходных отпечатанных открыток, воспроизводящих многие сюжеты издания. Это была наглядная пропаганда не только основных этапов русской истории, но, в значительной степени, яркая популяризация современного русского искусства в его лучших образцах. (Достаточно сказать, что в серии заказанных Кнебелем картин вышли «Петр I на строительстве Петербурга» В. А. Серова и «Вахтпарад при Павле I» А. Н. Бенуа).

Оценивая эту сторону деятельности издателя, А. Н. Бенуа писал: «... Здесь, наряду с чисто педагогическими достижениями, Кнебель в них сделал все от себя зависящее, чтобы придать школьным картинам высокое художественное значение как в смысле самих композиций, принадлежащих кисти наших лучших художников..., так и в смысле точности воспроизведения красок и самой техники названных мастеров».¹⁴

Таким образом, подводя итоги, следует отметить, что если до Кнебеля художественно-издательские связи, в основном, развивались регионально; т. е. каждый издатель, как правило, обходился местными авторскими, художественными и полиграфическими силами, то И. Н. Кнебель, с помощью И. Э. Грабаря, перешагнул установившиеся границы и объединил усилия двух культурных центров России. Это, в свою очередь, оказало влияние на развитие отечественного искусствознания, искусства оформления и иллюстрирования книги, общий

уровень полиграфического производства, наконец, — на популяризацию искусства в широких кругах русских читателей.

Кроме того, следует подчеркнуть, что деятельность Кнебеля по развитию художественно-издательских связей Москвы и Петербурга послужила началом их многолетнего плодотворного сотрудничества в этой области. Лучшим примером тому служит деятельность современных московских и ленинградских издательств — «Авроры», «Искусства», «Художника РСФСР», «Советского художника» и других издательств по изобразительному искусству.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И. С. Остроухов был редактором и соавтором текста художественного издания «Московская городская художественная галерея П. и С. Третьяковых. — М.: изд. И. Кнебеля, 1901—1904.

² Письмо А. Н. Бенуа и И. С. Остроухову от 17 июля 1904 г. — ОР ГТГ, ф. 10, ед. хр. 1101, л. 1.

³ Отзыв А. Н. Бенуа о деятельности И. Н. Кнебеля (черновик) (1916) — ОР ГРМ, ф. 137, ед. хр. 409, л. 3.

⁴ См.: Письмо И. Э. Грабаря к А. Н. Бенуа от 1 авг. 1905 г. — И. Грабарь. Письма 1891—1917. — М.; 1974, с. 164.

⁵ См.: Письмо И. Грабаря к А. Бенуа от 12 июня 1906 г. — Там же, с. 181.

⁶ См.: Письмо А. Бенуа к И. Грабарю от июля 1906 г. — Там же, с. 389.

⁷ См.: Письмо А. Бенуа к И. Грабарю от 19 мая 1908 г. — Там же, с. 406.

⁸ Среди изданий Товарищества особой известностью пользовались художественные издания «Русская школа живописи» (1904) и «Царское село в царствование имп. Елисаветы Петровны» А. Н. Бенуа (1910).

⁹ Подробнее об истории издания серии «Русские художники» см. в моей статье «Незавершенный замысел». — «Альманах библиофила», вып. 3. — М., 1976, с. 157—167.

¹⁰ См.: Переписка о заказах и поставках Т-ва Р. Голике и А. Вильборг за 1908—1917 гг. — ЛГИА, ф. 1513, оп. 1, ед. хр. 19, 29, 30, 34, 37—30, 45, 52, 53, 61—71, 80, 82, 83.

¹¹ Отзыв А. Н. Бенуа ... л. 5.

¹² Митрохин Д. И. Памяти Нарбута. — «Среди коллекционеров», 1922, № 9, с. 8.

¹³ См.: Каталог русского отдела Международной выставки печ. дела и графики. — СПб.: 1914.

¹⁴ Отзыв А. Н. Бенуа ... Л. 6.

**МАРКСИСТСКАЯ КНИГА
СРЕДИ ПЕТЕРБУРГСКИХ РАБОЧИХ В ГОДЫ,
ПРЕДШЕСТВОВАВШИЕ
ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

90-е годы XIX века выдвинули на арену классовой борьбы пролетариат крупных промышленных предприятий. С первых же шагов своей деятельности марксисты сосредоточили все усилия на политическом просвещении и воспитании рабочего класса, формировании его классового самосознания, революционного мировоззрения, создании организации рабочего класса. В. И. Ленин в 1897 г. писал: «Наша работа направлена прежде всего на фабрично-заводских городских рабочих».¹

Одним из крупных центров фабрично-заводской промышленности в 90-е гг. XIX в. становился Петербург. В 1890 г. в Петербургском округе сосредоточивалось около 10% фабрично-заводских рабочих России, из них 90% работали в Петербурге и пригородах.²

Социальные факторы жизни в крупном промышленном центре обусловили передовую роль столичного пролетариата в российском революционном движении. В столице, как отмечал В. И. Ленин, всегда кипела «самая живая политическая жизнь; здесь всего сильнее правительство. Здесь центры всех партий, лучшие органы всех направлений и оттенков, лучшие ораторы...»³ Активная общественная жизнь города, концентрация производства и пролетариата способствовали формированию классового сознания пролетариата, осознанию своей роли в политической жизни страны.

Для работы в крупной промышленности Петербурга требовался пролетариат с высокой общеобразовательной и специальной подготовкой. В Петербурге грамотность рабочих превышала среднюю норму по России и составляла, по данным всероссийской переписи 1897 г., 67,4% по сравнению с 52,3% в среднем по 52 губерниям европейской части страны.⁴ Высокая общеобразовательная подготовка обуславливала и более высокий уровень общественно-политических знаний у рабочих Петербурга. Этот момент отмечал В. И. Ленин. «Едва ли человек, не сойдя с ума, может спорить, что по сравнению с провинцией в Питере более культурны и сознательны, более привыкли и более способны действительно самостоятельно

«разбираться» во всех вопросах учения марксизма и практики рабочего движения.»⁵

Тяжелые экономические условия жизни также толкали пролетариат на борьбу. Зимой 1889—1890 гг. в Петербурге насчитывалось около 20 рабочих кружков самообразования,⁶ в начале 90-х гг. возникают социал-демократические кружки. С Петербургом связано начало революционной деятельности В. И. Ленина, здесь его теоретическая, пропагандистская и организаторская деятельность привели к началу нового этапа в развитии марксизма. Решению задачи соединения теории научного социализма с рабочим движением, создания марксистской партии российского пролетариата была подчинена вся деятельность революционных марксистов Петербурга. Уже к середине 90-х гг. Петербург становится центром марксистской мысли и собирания социал-демократических сил в единую организацию. Созданный осенью 1895 г. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», стал, по определению В. И. Ленина, первой марксистской революционной организацией в России, вступившей на путь соединения научного социализма с массовым рабочим движением.

Организаторы социал-демократического рабочего движения в Петербурге ставили одной из основных задач внесение в рабочее движение социалистического сознания. Воспитание рабочих на идеях научного социализма позволило подготовить сознательных борцов революции. Одним из действенных средств формирования общественного сознания на всех этапах истории являлась и является книга.

Организацией чтения политической литературы в Петербурге занимались пропагандистские рабочие кружки. Новые формы и методы пропагандистской работы, руководства чтением марксистской литературы были заложены Петербургским «Союзом борьбы», формировавшимся на рубеже 1894—1895 гг. и работавшим под непосредственным руководством В. И. Ленина. Пропаганда теснее связывается с социально-экономической жизнью страны. Ее характеризует стремление соединить основные положения научного социализма с рабочим движением, подготовить руководителей массовой политической агитации из среды рабочего класса. В связи с этими задачами началась перестройка занятий и в рабочих марксистских кружках, им было подчинено и руководство чтением в кружках. Под руководством революционных социал-демократов в марксистских кружках Петербурга готовились широко образованные рабочие-марксисты, способные возглавить массовое пролетарское движение.

На всех этапах исторического развития социал-демократического движения, задача получения и совершенствования политического образования стояла как перед рядовыми членами марксистских кружков — рабочими, так и перед их ру-

ководителями. Особенно ярко это проявлялось на первых порах формирования революционной социал-демократии. Как свидетельствует Н. К. Крупская, многие из руководителей марксистских кружков «... читали только I том «Капитала», «Происхождение семьи, собственности и государства» Энгельса (и то последнее читалось в рукописи). I том «Капитала» все, как правило, знали на зубок. Лучше были подкованы Ленин и Мартов. По рукам ходили желтенькие гектографированные тетради «Друзья народа», написанные Лениным и критиковавшие Михайловского, В. В. Кривенко.»⁷

Каждый из членов «Союза борьбы» работал в определенном районе, имел свой кружок рабочих. Занятия в кружках велись по Марксу: объяснялась прибавочная стоимость и т. д.⁸

Первым шагом в деле перестройки практики пропаганды было предложение В. И. Ленина обсуждать в кружке пропагандистов — «стариков» рефераты, посвященные важнейшим вопросам экономического и политического развития России. Подготовка таких рефератов требовала от кружковцев знакомства, не с одним каким-либо марксистским произведением, и проработки его, как это практиковалось ранее, а с широким кругом марксистской нелегальной и легальной литературы, материалами легальной периодической печати, что позволяло марксистам значительно расширить свой кругозор, разбираться в вопросах политики и экономики, повышать свое образование. Примером такой работы может служить история обсуждения в Центральном марксистском кружке реферата по вопросу о рынках с участием В. И. Ленина.⁹

Задача связать марксистскую теорию с практикой общественной жизни ставилась в кружках и при чтении марксистской литературы. В. И. Ленин, читая с рабочими «Капитал» К. Маркса, объяснял непонятные места, а затем знакомился с условиями жизни и труда рабочих по их рассказам. «Увязка теории и практики — вот что было особенностью работы Владимира Ильича в кружках».¹⁰

С переходом к массовой политической агитации, по-прежнему актуальной задачей оставалось овладение марксистской теорией, что обеспечивалось целенаправленным чтением общественно-политической литературы. Плодотворная работа над книгой обеспечивалась разнообразием форм руководства чтением читателей, не подготовленных к восприятию научной марксистской литературы. Одной из таких форм являлось индивидуальное руководство, осуществляемое марксистской интеллигенцией и, в частности, В. И. Лениным. В. И. Ленин руководил чтением рабочих И. И. Яковлева и Г. М. Фишера. Яковлев вспоминал, что Ленин читал ему «Капитал» и при этом каждый абзац, где встречались какие-либо трудности, он объяснял так, как только он один и мог: и коротко, и

ясно.»¹¹ Рабочие, занимавшиеся в пропагандистских кружках под руководством В. И. Ленина становились глубоко образованными марксистами. Так, Б. И. Зиновьев мог разобраться в философском труде Маркса «К критике гегелевской философии права». В. А. Шелгунов посещал публичные лекции.¹² Эти рабочие становились руководителями пропагандистских рабочих кружков.

Рабочие пропагандистские кружки — зародыш партийных организаций — явились школой изучения марксизма, центрами руководства чтением марксистской литературы и подготовки руководителей рабочего движения России.

В 1901—1904 гг. активизировалась революционная деятельность пролетариата. Разразившийся экономический кризис, деятельность подпольных революционных организаций и руководство ими сознательными, теоретически подготовленными борцами характеризуют эти годы. Работа ленинской «Искры», II съезд РСДРП и появление на исторической арене большевизма способствовали дальнейшему политическому воспитанию пролетариата, его организационному сплочению. В этот период основными источниками в пропагандистской работе партии являлись основополагающие труды В. И. Ленина «С чего начать?», «Что делать?», «Письмо к товарищу о наших организационных задачах», «Шаг вперед, два шага назад» и др. На этой литературе из рабочих воспитывались подлинные революционеры. Появление ленинской «Искры» и искровской литературы оказало огромное влияние на формирование революционного мировоззрения рабочих. Старый петербургский революционер С. Н. Сулимов писал: «Каждый из нас видел в «Искре» новую, живую мысль, правильный и глубокий анализ разворачивающихся событий, и призыв «Искры» к изменению как фронта борьбы с капиталом, так и самой организации нашей партии, находил в большинстве членов кружка нашего района горячих сторонников.»¹³

Руководством к действию явилась для всех социал-демократов страны статья В. И. Ленина «С чего начать?», опубликованная в майском номере газеты за 1901 г. О широком распространении газеты с этой статьей и отклике пролетариата на нее, свидетельствуют письма рабочих, присланные в «Искру». Так, петербургский рабочий в письме подтверждает интерес народных масс к чтению искровской литературы и говорит о влиянии на них статьи «С чего начать?»: «Теперь все, и старик и малый, все читали бы, да вот горе наше — книжки нет. Я прошлое воскресенье собрал одиннадцать человек и читал «С чего начать?», так мы до ночи не расходились. Как все верно сказано, как до всего дойдено. . . . в этот раз я прочитал то чего еще нигде не было написано. Теперь уж нам не кассы нужны, не кружки, даже не книжки, теперь просто учи как в бой идти, как в бою воевать.»¹⁴

Весной 1902 г. в Петербург были тайно привезены первые экземпляры ленинской книги «Что делать?». Она стала основным источником пропаганды. Чтение и обсуждение ее велось во всех кружках, куда она попадала. Под влиянием этой книги формировалось революционное сознание пролетариата. И. И. Радченко писал в редакцию «Искры» в июле 1902 г.: «Везде оперирую ленинским плугом как самым лучшим, производительным возделывателем почвы. Он прекрасно сдирает кору рутины, разрыхляет почву, обещающую произвести злаки. Раз повстречаются на пути плевелы, посеянные «Рабочим делом», он всегда уничтожает их с корнем. Замечательно!». ¹⁵

В работе в Петербургском комитете И. В. Бабушкин, фактически возглавивший его в 1902 г., руководствовался работами В. И. Ленина «Что делать?» и «Письмо к товарищу о наших организационных задачах». О влиянии на комитет этих работ Бабушкин писал в «Искру»: «Письмо» Ленина очень понравилось, и, между прочим, в нем говорится по поводу строго выбора пропагандистов, на это тут обращено внимание и прямо некоторым в домогательстве отказано...» ¹⁶

В 1903 г. была выработана единая программа пропаганды. Руководствуясь этим документом, социал-демократы при организации кружков, учитывали уровень общей и политической подготовки читателей. Так, в кружках Невской заставы, где слушатели были подготовлены предыдущей пропагандой к восприятию оригинальных марксистских трудов, читали «Эрфуртскую программу» и «Экономическое учение К. Маркса». ¹⁷ На фабрики и заводы этой части города попадали «Искра» (по 50—100 экз. каждого номера), журнал «Заря». «И «Искру» и «Зарю» кружковцы внимательно читали, отдельные статьи из них и проект Программы партии обсуждали». ¹⁸

В кружках под руководством опытных марксистов передовые рабочие изучали философскую литературу, читали произведения русских революционеров-демократов А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского и др. В. С. Цыцарин вспоминал, что в их кружке за Невской заставой большое внимание уделялось изучению философии, этики, разбору сочинений Канта, Спенсера, учения Л. Н. Толстого. Особенно подробно изучали работы К. Маркса и Ф. Энгельса: «Манифест Коммунистической партии», I том «Капитала», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Г. В. Плеханова. ¹⁹

В 1903 г. значительно увеличилась численность заводских кружков, которые создавались не только с целью объединения пролетариата, а являлись пропагандистскими кружками низшего типа. Чтения в этих кружках были организованы следующим образом: «На занятиях в кружке обычно читали книгу вслух, после прочтения главы или части книги обмени-

вались мнениями по поводу прочитанного, а руководитель объяснял то, что было неясно.» Для неподготовленных читателей такие занятия были эффективной формой приобщения к революционной теории, что они сами и подтверждают. Участник такого кружка Ф. Н. Самойлов пишет: «Занятия в кружке открыли передо мной новый мир, о существовании которого до выступления в организацию я почти ничего не знал. Я совершенно забросил посещение бесплатной библиотеки и отдался исключительно занятиям в кружке и чтению партийной литературы. Мы прочли всю партийную литературу, какая имелаась в маленькой нелегальной библиотечке нашей организации...» В этом кружке прочли книгу В. И. Ленина «К деревенской бедноте», В. Либкнехта «Пауки и мухи», Дикштейна «Кто чем живет», «Хитрая механика» и другие книги.²⁰

Руководящим документом, на основе которого строилась пропагандистская работа в кружках, являлось «Письмо к товарищам-пропагандистам», изданное в Женеве в 1902 г. В нем указывалось, что для закрепления знаний, полученных рабочими в ходе курса лекций, необходимо «давать специально для этого составленную брошюру, в которой излагался бы в популярной форме курс лекций по политической экономии, социологии, по истории рабочего движения по более широкой программе...»²¹ Здесь отмечалось, что агитатор может начинать свою работу в кружке с чтения и разъяснения этой брошюры, также предлагалось предварительно просить в кружке и разъяснить слушателям «каждую строчку» Манифеста РСДРП, а затем передать его рабочим для самостоятельного чтения.

Важное место в работе искровских комитетов занимало изучение и обсуждение предсъездовских материалов. 20 сентября 1902 г. Б. Н. Шапошникова из Петербурга писала в редакцию «Искры»: «Программу Вашу обсуждали с рабочими».²² Как видим, в круг чтения рабочих входили и партийные документы, которые они изучали, обсуждали, таким образом участвуя в партийных делах. Факт чтения и обсуждения партийных документов подтверждает неуклонное следование принципу демократизма, на котором строится вся деятельность нашей партии.

В предреволюционные годы пропагандистская деятельность большевиков расширялась. В «Плане организации работы Петербургской организации РСДРП», разработанном в 1904 г. уделено внимание и вопросам организации пропагандистской работы: «Для ведения агитации и пропаганды ответственный организатор (района — Авт.) составляет кружок пропагандистов и агитаторов. Он собирается по мере необходимости под председательством ответственного организатора и вырабатывает программу (необходима санкция комитета), список книг

для чтения... Пропаганда имеет целью подготовку сознательных и активных социал-демократических пропагандистов и организуется для лиц уже работавших, знакомых с литературой.²³

Главное внимание в рабочих кружках в предреволюционные годы обращалось на теоретические вопросы, на политэкономию, что заставляло обращаться к серьезным научным трудам. Необходимо отметить, что текущие партийные дела также активно обсуждались на заседаниях пропагандистских кружков, вырабатывалась четкая большевистская позиция, чему способствовало и знакомство с нелегальной большевистской печатью, брошюрами большевиков, выходившими в «Издательстве социал-демократической партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина.» Большинство этих изданий было посвящено важнейшим вопросам партийной жизни — борьбе за преодоление кризиса в партии, за созыв III съезда РСДРП. В. И. Ленин считал необходимым издание партийных документов и изучение их членами партии. В предисловии к брошюре Н. Шахова «Борьба за съезд» В. И. Ленин указывал, что изучение публикуемых документов «поможет всем и каждому выработать себе самостоятельное суждение о нашей внутрипартийной борьбе».²⁴

Накануне революции 1905—1907 гг. состояние в социал-демократических организациях осложнялось оппортунистическим поведением меньшевиков. Активное проникновение идей большевизма в среду пролетариата, чему в немалой степени способствовала большевистская книга, содействовало выработке единой большевистской позиции в партии.

В заключении необходимо отметить, что изучение вопроса формирования социалистического сознания и роли марксистской книги в этом процессе у пролетариата Петербурга не является проблемой регионального значения. Социальные условия, в которых жили и развивались рабочие Петербурга, способствовали тому, что все тенденции в области формирования социалистического сознания и чтения марксистской литературы здесь проявлялись острее и ярче, чем у пролетариата провинциальных городов. Тем не менее выводы о чтении петербургского пролетариата могут быть распространены на пролетариат всей России, поскольку еще В. И. Ленин отмечал, что «Питер — такая» местность», которая имеет и непосредственно общерусское значение...»²⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 448.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 608.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 293.

⁴ См.: Материалы по статистике населения Северной области, вып. 1, Пг. 1918, с. 7.

- ⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 153.
- ⁶ См.: Рабочее движение в России в XIX в., т. 3, ч. 2, М., 1952, с. 107.
- ⁷ От подпольного кружка к пролетарской диктатуре. Вып. 1, М.-Л., 1930, с. 9.
- ⁸ Там же, с. 10.
- ⁹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, М., 1968, с. 223.
- ¹⁰ Там же, с. 227.
- ¹¹ В начале пути. Л., 1975, с. 359.
- ¹² Марксизм-ленинизм и питерские рабочие. Л., 1977, с. 50.
- ¹³ Сулимов (С. Н.) Воспоминания обуховца. (1900—1903 гг) — «Пролетарская революция», 1922, № 12, с. 164.
- ¹⁴ «Искра», 1901, № 7.
- ¹⁵ Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» ..., т. 2, М., 1969, с. 104.
- ¹⁶ Там же, т. 3, М., 1970, с. 18.
- ¹⁷ Сулимов (С. Н.) Воспоминания обуховца. — «Пролетарская революция», 1922, № 12, с. 163.
- ¹⁸ См.: «Красная летопись», 1928, № 2, с. 38—39.
- ¹⁹ См.: Марксизм-ленинизм и питерские рабочие, с. 146.
- ²⁰ Самойлов Ф. Н. По следам минувшего. М., 1954, с. 44.
- ²¹ ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 3, ед. хр. 588, л. 11.
- ²² Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра»..., т. 2, с. 300.
- ²³ Цит. по кн.: Марксизм-ленинизм и питерские рабочие, с. 156—157.
- ²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 37.
- ²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 197.

И. А. ШОМРАКОВА

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ИЗДАНИЯ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ГОСИЗДАТЕ (1919—1929 гг.)

Издание произведений русских классиков с первых же дней установления Советской власти стало делом государственной важности.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что главная задача культурной революции — приобщение народных масс к культурным достижениям прошлого. Спрос на русскую классику в те годы (как, впрочем, и сейчас) был огромным. «На рынке, — писал А. М. Горький в Докладной записке об издании русской художественной литературы, — изданий русских классиков совершенно нет, а встречающиеся у антикваров идут по спекулятивным ценам».¹ Стремясь сделать классическое наследие русской литературы подлинно народным достоянием, 29 декабря 1917 г. Декретом ВЦИК о Государственном издательстве произведения русских авторов объявлялись собственностью социалистического государства, а монопольное право их издания предоставлялось государственным издательством.²

Монополия должна была исключить параллелизм, дублирование, конкуренцию, позволить сконцентрировать усилия немногочисленных в то время текстологов, специалистов-редакторов, что должно было обеспечить определенный научный уровень, избежать неряшливых, искаженных изданий. Но, с другой стороны, монопольное право накладывало определенные и трудные обязанности: полностью удовлетворить увеличивающиеся с каждым годом потребности страны в классической литературе, сделать ее издания максимально доступными массовому читателю.

Первым издательством, осуществлявшим государственную монополию на издание русской классической литературы, стал Литературно-издательский отдел Наркомпроса, с 1919 года эти функции перешли к Госиздату. Основную работу по выпуску произведений русской классики выполняло его Ленинградское отделение — Ленгиз.

Издание русской классики осуществлялось крайне неравномерно: в первые три года — неуклонное сокращение (1919—27, 1920—12, 1921—5 названий), затем в течение двух лет

столь же последовательное увеличение (1922—12, 1923—47 названий) и вновь резкое снижение (1924—15, 1925—3 названия). В общем выпуске художественной литературы на долю русской классики приходилось в 1924 г. 8, в 1925 г. — 0,9%. Такое «лихорадочное» состояние можно объяснить особым вниманием к выпуску учебников, агитационно-массовой, крестьянской литературы. По-видимому, у издательства не хватало времени, средств и возможностей для равномерного удовлетворения потребностей во всех видах книжной продукции.

Но есть и другая, на первый взгляд парадоксальная, причина. С самого начала своей деятельности Госиздат стремился дать читателю заново проредактированные тексты: их подготовка требовала значительного времени. В 1922—1923 гг. издательство увеличило выпуск исключительно за счет простой перепечатки ранее вышедших изданий. В Архиве Госиздата есть список намеченных к выпуску 16 русских авторов с указанием редактора и того дореволюционного издания, с которого предполагалась перепечатка. Составители списка стремились отобрать издания наиболее авторитетные: академическое издание Кольцова, павленковское — Д. И. Писарева, сытинское под редакцией Бирюкова — Л. Н. Толстого, но все-таки подавляющее большинство было представлено коммерческими изданиями Панафидиной, Глазунова и А. Маркса.³ Госиздат продолжал традицию своего предшественника — ЛИО Наркомпроса. Лишь незначительную часть составляли издания, и заново подготовленные.

Положение начало изменяться с конца 1923 года, когда Госиздат перестал выпускать перепечатки и полностью перешел к выпуску во всех отношениях заново и тщательно подготовленных изданий. Именно этот факт и объясняет в значительной степени резкое снижение издания в 1924—1925 гг. Но при всех объективных причинах сокращение выпуска, а также монопольное право Госиздата на ее издание, было крупной ошибкой издательства, тем более непростительной, что читательский спрос на классику повышался с каждым годом.

Новый подъем в издании русской классической литературы начинается с 1926 года: в 1926 году издано 32 названия, что превысило уровень предыдущего года в 10 раз и составило 15,6% от общего числа выпущенных названий художественной литературы. В 1928 году издание русской классики составляет уже четверть, а в 1929 году — более половины (54%) выпуска художественной литературы в Госиздате.

По мнению работников издательства (и с этим можно согласиться), в 1928 году «выпуск классики достиг размеров, удовлетворяющих спрос широкого массового читателя и даже,

в известной мере, школу».⁴ При этом следует иметь в виду, что Госиздат выпускал только заново проредактированные, в полном смысле слова новые издания.

Подъем в издании классической литературы объясняется в первую очередь настойчивой политикой Партии и Правительства, постоянно обращавших внимание издательства на недостаточный ее выпуск. Увеличение издания классической литературы связано и с тем, что в 1927 году она вводилась ГУСом в качестве обязательного предмета в школьные программы. Вместе с тем, такой резкий количественный и качественный «скачок» — следствие серьезной работы по консолидации вокруг Госиздата исследователей-литературоведов, редакторов, которая велась в издательстве в предшествующие годы. Еще в мае-июне 1923 года для организации «успешного и возможно быстрого осуществления выпуска русской классики», а также «для обеспечения за изданиями тех необходимых литературных качеств, какие только достижимы при современном состоянии науки о тексте»,⁵ при Главном управлении Государственного издательства был образован специальный «Комитет по изданию русских классиков», работавший в Петрограде. В состав Комитета входило 8 членов — литературоведы Б. М. Эйхенбаум, К. И. Халабаев, Н. К. Пиксанов, Б. В. Томашевский, Б. Л. Модзалевский, историк П. Е. Щеголев, критик А. К. Воронский, заведующий Ленгизом — И. И. Ионов (председатель). Комитету поручалось разработать планы изданий русской классической литературы применительно к различному читательскому и целевому назначению. Предполагалось, что Комитет возглавит всю работу по изданию русской классики и без его ведома и вне разработанных им планов ни одна рукопись не будет принята в печать.

К 1926 году закончилась подготовка большинства изданий, планировавшихся Комитетом по изданию русской классики.* Сыграла положительную роль и организационная перестройка: создание единого литературно-художественного отдела и единой редакции по изданию классиков, позволившее

* Комитетом были разработаны планы издания серий: «Классики русской литературы», «Русские классики для школ», «Комментированное издание русских классиков для школ и самообразования». Первая серия включала избранные произведения русских классиков, две другие — отдельные произведения, соответствующие программам школ и рабфаков. Первая была несколько шире по содержанию, в нее включались произведения Достоевского, Гаршина, Чехова, Тютчева, Фета, Кольцова, произведения для дополнительного чтения. В отделе «Критика» имелся раздел, куда входили основные произведения В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева. Кроме серий, Комитетом были также разработаны планы издания целого ряда собраний сочинений: Толстого, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Лермонтова, Пушкина. Был составлен план выпуска книг по истории литературы и руководств по изучению литературы XIX—XX веков.

объединить все силы, ранее занимавшиеся этой работой по различным секторам и отделам. Но самое главное заключалось в том, что именно в эти годы (1928—1929). Издательство разработало, утвердило и последовательно осуществляло первый в истории русского и советского книжного дела перспективный план издания русских классиков.

Первый вариант плана («пятилетка классиков») предусматривал в 1928—1932 гг. выпуск 800 названий общим тиражом 17 млн. экз.⁶ Более трети составляла «Дешевая библиотека классиков», предназначенная массовому читателю (239 названий — 35,5%; средний тираж каждого выпуска — 30 тыс. экз.). Около половины (318 названий — 47,4%, средний тираж каждого издания — 6—10 тыс. экз.) адресовалось читателю подготовленному, читателю-специалисту.⁷

Учитывая быструю расходимость изданий русской классики, их хроническое отсутствие на книжном рынке и постоянно нарастающий спрос, издательство планировало значительное число переизданий.⁸

К составлению плана были привлечены крупные литературоведы, известные текстологи, писатели, общественные деятели. Проект плана и пробные издания обсуждались в различных общественных организациях, в школах, на заводах и фабриках. Издательство тщательно изучало поступающие отзывы.

28 сентября 1928 года в Госиздате состоялось обсуждение «пятилетки классиков», в котором участвовали представители Госиздата (А. Б. Халатов, А. К. Виноградов, Н. К. Пиксанов — один из основных составителей «пятилетки»), крупнейшие литературоведы, критики, искусствоведы: В. Г. Лебедев-Полянский, П. С. Коган, В. П. Полонский, Т. Страуян. Авторитетность и убедительность совещания определялись, в первую очередь, участием А. В. Луначарского, А. М. Горького, Н. К. Крупской.

Высокую оценку получил не только предложенный план, но и вся деятельность издательства по выпуску русской и мировой классической литературы: «сделать столько за шесть-семь лет, сколько сделал Госиздат, — это большое дело и этим делом можно похвастаться»,⁹ — таково было единодушное мнение. На заседании обсуждались и важные теоретические вопросы: кого считать «классиком», о проблеме «ценности» художественной литературы, ее различных направлений, конкретных произведений в соответствии с определенной эпохой. И если первая проблема была лишь поставлена, то вторая получила довольно определенное и достаточно обоснованное толкование.

Но, в основном, обсуждению подвергалось конкретное содержание плана — по принципу «почему есть этот автор и нет другого». Во всех предложениях отчетливо наметились раз-

ные исходные тенденции: воспитательно-просветительные — у Н. К. Крупской, историко-литературные — у В. П. Полонского, Н. И. Лебедева-Полянского, П. С. Когана. А. М. Горький и Н. К. Крупская стремились расширить круг разнотипно-демократических авторов, произведения которых, по их мнению, были наиболее близки массовому читателю — рабочему и крестьянину.

Единого критерия отбора выработано не было, видимо, по двум причинам. Издательство, включая определенные имена и названия, исходило не только из идейно-художественных достоинств, но учитывало параллельные издания, свои и других издательств, наличие их на книжном рынке, бумажную норму, отпущенную на издание классики, спрос читателей на определенных авторов. Большая часть присутствующих исходила из «идеального» представления об издании всей русской литературы и собственных вкусов и суждений. В этом отношении наиболее максималистская точка зрения была высказана П. И. Лебедевым-Полянским, предложившим составить план издания на 25 лет, который «охватил бы главные произведения русской литературы за последние полтора-два века. И уже на основании этого общего списка классических произведений легче было бы ориентироваться в том, что включать в ближайшую пятилетку, что перенести в пятилетку следующую», иначе «не видно» «начала» и «конца».¹⁰ При всем утопизме (для того времени) данного требования, рациональное зерно его состояло в необходимости научного обоснования отбора имен и названий. Подобное требование содержалось и в замечаниях Н. К. Крупской, справедливо упрекавшей издательство в отсутствии обоснованной системы изданий, четких критериев отбора.¹¹

В целом же участники данного и других обсуждений, указав на необходимость более четких критериев отбора, более «твердой и ясной общественной установки»,¹² признали, что Госиздат в основном правильно определил круг подлежащих изданию авторов и произведений и предложил убедительную типологию изданий.

Но на этом работа не закончилась. В результате обсуждений издательство откорректировало проект, увеличив как общее число названий, так и предполагаемый выпуск массовой «Дешевой библиотеки классиков».

В новом варианте были сформулированы основные требования к справочному аппарату изданий разного типа и намечены редакторы. В качестве последних предполагалось привлечь почти всех литературоведов-марксистов того времени. Второй вариант также предлагался для обсуждения. 27 ноября 1928 года А. Б. Халатов, посылая А. М. Горькому брошюру «Пятилетний перспективный план издания классиков», включавшую доклад Н. К. Пиксанова и стенограмму уже

упоминавшегося совещания, просил его посвятить «несколько времени этому кардинальнейшему вопросу и прислать бы... еще раз ... весьма ценные... замечания».¹³ Дважды рассматривала проект и Н. К. Крупская. Особенно активно обсуждался план библиотекарями. Проект со специальным вопросом был разослан в 50 библиотек разного типа, было проведено несколько совещаний, и 23 апреля 1929 года в Центральном библиотечном коллекторе в Москве состоялась итоговая конференция библиотечных работников, созванная Госиздатом и Комиссией Главполитпросвета по изучению читательских интересов.

Библиотекари рассматривали план с точки зрения интересов массового читателя, поэтому наибольшее внимание было уделено «Дешевой библиотеке классиков», как «наиболее удобный по сравнению с другими типами изданий для передвижных библиотек, а также для учащихся... и для начинающего деревенского читателя».¹⁴ Отстаивая позиции массового читателя, библиотекари недружелюбно отнеслись к «большим изданиям классиков»¹⁵ и требовали увеличения изданий «избранных сочинений по удешевленной цене с рассчитанными на массового читателя комментариями».¹⁶ Большое внимание было уделено объему и внешнему оформлению «Дешевой библиотеки классиков». Библиотекари считали необходимым увеличить объем до 5 печ. л., иначе читатель не берет книгу, т. к. «здесь чтения на пять минут».¹⁷ Предлагали отказаться от иллюстраций, т. к. они «сильно удорожают книгу», и от непрактичных белых бумажных переплетов.¹⁸ Не вызвал возражений принцип формирования серий, было лишь предложено издать специальную серию для малограмотных.

Столь длительное и широкое обсуждение позволило издательству уточнить типологию и ассортимент изданий, предполагаемое число названий и экземпляров, динамику выпуска. В окончательном варианте намечалось к изданию семь серий, общее число названий — 1806, общий тираж — 39 147 тыс. экз.*

Значение первого перспективного плана трудно переоценить. Впервые издание классической литературы перестало быть стихийным, выпуск ее стал определяться на основе изучения читательского спроса и возможных потребностей в будущем.

Впоследствии, к сожалению, долгосрочное перспективное планирование не нашло достаточно широкого применения

* Такое значительное увеличение предполагаемого числа изданий (почти в 3 раза по сравнению с первым вариантом и в 6 — по сравнению со вторым) объясняется не только тщательным изучением спроса, пожеланиями читателей, но и планировавшимся ростом полиграфических возможностей и бумажных ресурсов издательства.

в советском книжном деле. В области издания классической литературы можно указать лишь «Библиотеку всемирной литературы», в создании которой были частично использованы принципы, выработанные Госиздатом при составлении первой (и единственной!) «пяtilетки классиков».

Какова же была продукция издательства в области русской классической литературы? В какой мере удалось осуществить предложенные планы и выполнить основную задачу — сделать русскую классику доступной трудящимся, дать подлинные тексты произведений.

Госиздат в течение 10 лет (1919—1929) выпустили произведения 50 русских авторов, 822 названия, общим тиражом 18,2 млн. экз.¹⁹, что составило третью часть выпуска художественной литературы в издательстве. По родам литературы издания распределялись следующим образом: проза — 570 названий, поэзия — 111, драма — 141. Чаще всего издавались произведения Л. Н. Толстого (87), А. С. Пушкина (69), И. С. Тургенева (64), А. П. Чехова (52), М. Е. Салтыкова-Щедрина (49), А. Н. Островского (33), Н. В. Гоголя (27), Ф. М. Достоевского (27), А. Н. Герцена (26), Н. А. Некрасова (26), М. Ю. Лермонтова (20). Были выпущены также произведения В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, И. А. Гончарова, писателей-разночинцев (Ф. М. Решетникова, А. И. Левитова, И. С. Никитина, Г. И. Успенского) и народников (Н. Н. Златовратского, С. М. Степняка-Кравчинского, С. Каронина). Вышли сочинения С. Т. Аксакова, Л. Андреева, А. А. Блока, В. В. Вересаева, В. А. Жуковского, И. А. Крылова, И. И. Лажечникова, Н. С. Лескова, В. А. Соллогуба, К. М. Станюковича, С. А. Терпигорева, Ф. И. Тютчева, Д. И. Фонвизина и др. Таким образом, по охвату имен издательство выполнило намеченную программу полностью.²⁰

Значение Госиздата в данной области определяется не только собственно издательской деятельностью. Издательство сыграло основополагающую роль в формировании типологии изданий русской классической литературы. При этом особое значение имело **практическое** претворение найденных типологических принципов непосредственно в изданиях. Теоретические поиски, таким образом, смыкались с практикой, проверялись ею; исследовательская мысль, в свою очередь, генерировалась потребностями и задачами практической работы по выпуску русской классической литературы.

Общеизвестно, что в Декрете о Государственном издательстве 29 декабря 1917 года ЛИО Наркомпроса было обязано наладить издание сочинений русских классиков «по двум типам. Полное научное издание... и сокращенное издание избранных сочинений...»²¹ Здесь впервые в истории советского книжного дела намечены типы издания — собраний со-

чинений. Основным типологическим критерием явились целевое и читательское назначение. Полные собрания сочинений научного типа предназначались в первую очередь читателю-специалисту и должны были обеспечить дальнейшее развитие русской литературной науки.

Избранные собрания сочинений **массового** типа (в Декрете они названы «дешевым народным изданием»²³) адресовались читателю малограмотному, впервые обращающемуся к русской классике. Основная задача их заключалась в том, чтобы обеспечить максимально полное и доступное данной категории читателей знакомство с самыми основными произведениями классической литературы.

М. Горький, в уже упоминавшейся докладной записке, предлагал «для нужд широкого читателя создать библиотеку русских классиков, в которую вошли бы все более или менее выдающиеся писатели XVIII—XIX вв. И в этом издании нет нужды преследовать абсолютную «полноту». Достаточно, если каждый автор будет представлен в наиболее ярких его произведениях, ценных абсолютно или по тому влиянию, которое они оказали на ход нашего литературного или общественного развития».²⁴

Предложенная А. М. Горьким «библиотека» предназначалась читателю, имеющему определенный (хотя бы в объеме средней школы или рабфака) уровень образования. Для массового читателя (малограмотного) Горький предлагал выпустить «серию народных изданий — отдельных небольших по размеру произведений автора».²⁵

Таким образом, уже в декабре 1918 г., развивая положения, определенные в Декрете о Государственном издательстве, Горький формулирует два основных типа изданий, соответственно читательскому и целевому назначению. Аналогично решались им вопросы типологии изданий зарубежной классики.²⁶

В Госиздате же сформировалось три типа изданий: научный, массовый, научно-популярный. Подавляющее большинство гизовских изданий русской классики относятся ко второму и третьему типам изданий. Выпуск полных собраний сочинений научного типа всегда представляет собой итог длительного изучения творчества писателя. «Предпринимать академическое издание с полной гарантией на успех, — утверждает Д. Д. Благой, — можно только имея одно или даже несколько критических научных изданий сочинений данного автора».²⁷ В годы, когда, по существу, только формировалось советское литературоведение, трудно говорить об итогах литературной науки в отношении русской классики. Поэтому нельзя вменить в вину издательству отсутствие по сути дела полных собраний сочинений научного типа. Издательство завершило начатое до революции академическое издание

полного собрания сочинений А. И. Герцена под редакцией М. Лемке, полное собрание сочинений А. Н. Островского, предпринятое ЛИО Наркомпроса в 1918 г., и начало выпуск академического юбилейного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Причем роль издательства была достаточно пассивной: подготовка издания осуществлялась вне Литературно-художественного отдела Госиздата.²⁸ К тому же, издательство успело выпустить в 1928—1929 гг. лишь первые 5 томов собрания сочинений Л. Н. Толстого. К научному типу издания можно отнести отчасти и публикацию эпистолярного и неизданного литературного наследия писателей.* Почти все они включали новые материалы и отличались тщательным комментарием и хорошо разработанным справочным аппаратом. Критика высоко оценивала эти издания,²⁹ каждое из которых рассматривалось издательством как подготовительный этап к созданию полного собрания сочинений. Но число таких изданий было очень незначительным. Гораздо плодотворнее шла работа над изданиями массового и научно-популярного типов. Первый адресовался широкому кругу малограмотных читателей — рабочих и крестьян, второй был рассчитан на читателя грамотного, студента, учителя и т. п. Этот тип издания использовался и читателем-специалистом. К массовому типу относились как издания отдельных произведений, так и собрания избранных сочинений. Безусловно массовым типом издания были все выпуски «Дешевой библиотеки классиков». Собрание избранных сочинений обычно представляло собой однотомник.³⁰ В Декрете о Государственном издательстве говорилось, что «... избранные сочинения... должны составлять один компактный том».³¹ Выпуск таких однотомников предприняло еще ЛИО Наркомпроса. По мнению П. Н. Беркова, сам термин «однотомник» возник в 20-х гг.³² Такое издание включало лучшие произведения данного автора, иногда избранные письма, автобиографические, критико-публицистические материалы, с соответствующим справочно-вспомогательным аппаратом: вступительная статья, краткие примечания, хронологическая канва. С течением времени вид однотомника менялся. В 1927 году издательство приступило «к изданию больших однотомных произведений классиков (однотомник — 75 печ. л. — не более 2-х руб.)».³³ В «пятилетке классиков» планировался выпуск именно таких «больших» однотомников,

* Островский А. Н. Новые материалы. Письма. Труды и дни. Статьи. Под ред. М. Д. Беляева. Л., 1927. 468 с.; Пушкин А. С. Письма Т. 1. Под ред. В. Л. Модзалевского. М.-Л., 1926. 537 с.; Салтыков-Щедрин М. Е. Письма. 1845—1889. С прил. писем к нему и др. мат. Под ред. Н. В. Яковлева, при участии В. Л. Модзалевского. Л., 1922. 374 с.; Чернышевский Н. Г. Литературное наследие. Т. 1—2. Под редакцией и с примеч. Н. А. Алексеева и А. П. Скафтымова. М.-Л., 1928; Чехов А. П. Несобранные письма. Редакт. Н. К. Пиксанова. М.-Л., 1927. 148 с.

и именно этот тип издания вызвал наиболее острые споры. На уже указанном Советском Собрании библиотечарей было высказано две полярные точки зрения: 1) «этот тип издания крайне неудобен. Печать в два столбца мелка и затрудняет чтение. Книги слишком толсты и громоздки. Бывают случаи, когда читатели вырывают отдельные произведения»; 2) «на однотомники огромный спрос, т. к. читатель любит иметь всего автора в одной книге»³⁴. Видимо, и издательство понимало всю спорность этого типа издания, т. к. планировало его выпуск крайне незначительно (24 названия — 472 тыс. экз.), т. е. в 18 раз меньше, чем «ДБК»; в 27 раз меньше, чем «Большие издания классиков» и даже в 5 раз меньше, чем академические издания. Такая «осторожность» объяснялась двумя причинами: однотомник — относительно новый тип издания и его успех у читателя не определился; однотомник — переходный тип издания от массового к научно-популярному, потребность в нем будет уменьшаться с ростом уровня грамотности и общей культуры читателя. С самого начала читательское назначение однотомника было недостаточно четко определено: читателю малограмотному этот тип издания недоступен из-за обширного содержания и неудобного (мелкая печать) оформления. Читателю грамотному и подготовленному — этот тип издания не нужен, т. к. дает произведения автора с жестким отбором и, в целом, те же самые, что издаются в «Дешевой библиотеке классиков», в других массовых сериях. Внешний вид однотомника также не вызывал к нему симпатий читателя. Однотомник, по сути дела, был непопулярен и в 30-е годы.³⁵

Научно-популярный тип издания представлен в Госиздате полными и избранными собраниями сочинений в нескольких томах. Издательство выпустило 15 полных и 20 избранных собраний сочинений.

С середины 20-х гг.* в Госиздате выходят заново подготовленные советскими текстологами собрания сочинений А. С. Пушкина (1924), М. Ю. Лермонтова (1926), Ф. М. Достоевского (1926), М. Е. Салтыкова-Щедрина (1926),

* Первое объявление о выпуске новых собраний сочинений появилось в 1924 году — «Государственное издательство предпринимает издание полного собрания художественных произведений избранных русских писателей... В первую очередь к изданию предположено: Л. Н. Толстой Собрание художественных произведений. Редактор И. И. Глиненко и М. А. Цявловский. Т. 1—12; Н. В. Гоголь — редактор Н. К. Пиксанов. Т. 1—5; Ф. М. Достоевский — редактор П. И. Сакулин. 12 т. «Предполагаемые собрания сочинений относились к научно-популярному типу издания. Их цель — «дать широкой массе читателей за минимальную цену строго проверенный текст художественных произведений русских писателей». Читательский адрес неопределенный — широкие массы читателей, т. е. читатели-неспециалисты; принцип отбора ограничен только художественными произведениями; отбор авторов — наиболее выдающиеся, лучшие.³⁶

Л. Н. Толстого (1926), Н. В. Гоголя, А. В. Кольцова и Н. А. Некрасова (1927), И. С. Тургенева (1928) и др. Все эти издания были рассчитаны на достаточно широкий круг подготовленных читателей. Как правило, они включали все законченные художественные произведения автора, незначительное число писем и других материалов.

Практически в них не включались другие редакции, варианты, черновые записи, подготовительные материалы. Следовательно, по своему составу эти издания не могут быть отнесены к типу научных. Справочный аппарат их, напротив, как правило, далеко выходил за рамки массового издания. Приведем два примера. Полное собрание художественных произведений Ф. М. Достоевского, вышедшее в 1926—1927 гг. под редакцией Б. В. Томашевского: по составу, читательскому и целевому назначению не относилось к типу научных, но при его подготовке впервые была проведена текстологическая работа, выявившая огромное количество извращений, пропусков, грубых опечаток. В результате в издание были включены таблицы разночтений всех прижизненных изданий и подробные сведения по истории текста, — т. е. материалы, обычно помещаемые в изданиях научного (в первую очередь академического) типа. «Таким образом это издание... оставаясь массовым или популярным, приобрело вместе с тем научный характер».³⁷ В 1927 г. Госиздат выпустил «Полное собрание стихотворений Н. А. Некрасова» в одном томе под редакцией К. И. Чуковского. По составу это первое самое полное издание³⁸ стихотворений поэта может быть с полным правом отнесено к типу научных. Что касается примечаний, то они были двоякого рода. Очень краткие реально-исторического характера, обычные для массового издания, и обширные — историко-литературного и текстологического плана, «целые исследования»,³⁹ типичные для научного.

Применение разных принципов издания (научного и массового) было вызвано, как справедливо считает Н. П. Лавров, не тем обстоятельством, что редакции негде было опубликовать результаты текстологических разысканий. «Главной определяющей причиной, — пишет Н. П. Лавров, и с ним следует согласиться, — выпуска подобного рода изданий явилась все возрастающая потребность в наиболее полных и основательно прокомментированных изданиях».⁴⁰ Так появился в практике Госиздата тип научно-популярного издания собрания сочинений, впоследствии прочно утвердившейся в практике советского книжного дела и в советской текстологии. Но при этом надо иметь в виду, что в Госиздате научно-популярный тип не был идентичен массовому, т. к. каждый имел определенное читательское и целевое назначение, определявшее состав издания, структуру и характер справочно-вспомогательного аппарата. В современном книж-

ном деле эти два типа издания часто рассматриваются как одно и то же.⁴¹

Издательство уделяло большое внимание и разработке принципов структуры издания: в большинстве собраний сочинений научно-популярного типа применяло жанрово-хронологическое расположение материала; композиция изданий массового типа строилась, как правило, по степени доступности (трудности) восприятия.

Принципы редакционной подготовки текста, сложившиеся в Госиздате, были едины для изданий любого типа. Именно во второй половине 20-х гг. в связи с выпуском русской классики в Госиздате сформировались и утвердились как совершенно обязательные основной принцип и главная задача советской текстологии: точное следование авторской воле и установление основного текста произведения. В планах всех госиздатовских изданий как неперемнное условие содержалось требование «дать широкой массе читателей строго проверенный текст художественных произведений».⁴² Был определен и основной метод текстологической подготовки: проверка текста по прижизненным изданиям и сличение автографов. Как правило, в предисловиях к изданиям всех типов указывалось: «текст для настоящего издания сверен по первоисточникам»,⁴³ иногда восстановленные пропуски выделялись шрифтом или специальными знаками.⁴⁴ Разумеется, издания классики в Госиздате с текстологической стороны не были свободны от ошибок, связанных, главным образом, с тем, что «в работе над подготовкой первых изданий Пушкина, Достоевского (и других русских писателей — И. Ш.) тогдашние текстологи имели дело больше с печатными материалами, нежели с рукописями».⁴⁵ Но любопытно, что ошибки шли от максималистского стремления учесть все возможные издания, от не критического отношения к источникам.

Издательство предприняло также попытку сформулировать некоторые общие принципы и методы составления справочного аппарата и в первую очередь для изданий массового типа. Массовому читателю, по мнению издательства, нужно было в первую очередь раскрыть «общую связь сообщаемых фактов и идей, облегчить читающему усвоение правильной точки зрения на классиков и связать образцовые литературные явления с живой жизнью сегодняшнего дня».⁴⁶ Разрабатывая инструкцию для составителей справочного аппарата, издательство рассматривало ее не как обязательное руководство, а только как пожелание, стремясь лишь определить тот минимум сведений, который должен содержать справочный аппарат издания массового типа. В этом отношении Госиздат следовал примеру издательства «Всемирная литература». Редакционная коллегия последнего еще в 1919 г. составила аналогичную инструкцию.⁴⁷ Несколько позже издательство

«Academia» предприняло такую же попытку определить состав и характер справочного аппарата, но уже для изданий научного и научно-популярного типа.⁴⁹ Все они свидетельствовали о настоятельной необходимости унифицировать справочный аппарат применительно к типу издания. К сожалению, эта проблема и сегодня не может считаться окончательно решенной.

Разрабатывавшиеся Госиздатом принципы издания русской классической литературы давали ощутимые результаты. Качество изданий улучшалось с каждым годом. Главполитпросвет в рецензии на редакционно-издательский план ГИЗа на 1928 г. указывал, что «несомненной заслугой является издание классиков, выполняемое вообще хорошо».⁴⁹

«Советские издания русской классики — одно из общепризнанных достижений нашего литературоведения»,⁵⁰ — писал Б. М. Эйхенбаум в 1959 г. Начало этой колоссальной работе было положено Госиздатом.

Каждый выпуск собраний сочинений и отдельных произведений русской классики становился событием в общественной и научной жизни страны, т. к. подлинное издание и изучение творческого наследия русских классиков стало возможным только после Великой Октябрьской социалистической революции.

Деятельность издательства имела огромное значение не только потому, что, являясь монополистом в этой области, оно сумело сделать русскую классику достоянием трудящихся, но и потому, что в ходе этой работы вырабатывались типы изданий, формировались типологические принципы, в свою очередь определявшие методы редакционной подготовки издания. И хотя до сих пор типы изданий художественной литературы нельзя признать устойчиво определенными,⁵¹ заслуга Госиздата в этом вопросе была весьма значительной. Издательство сыграло значительную роль в выработке принципов редакционно-текстологической подготовки, в формировании и развитии текстологии как научной дисциплины.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Горький М. (Докладная записка об издании русской художественной литературы). — Собр. соч. в 30-ти т. Т. 24. М., 1953, с. 190.

² Декрет Центрального Исполнительного Комитета о Государственном издательстве. — В кн.: Издательское дело в первые годы Советской власти. Сб. документов. М., «Книга», 1972, с. 15.

³ ЛГАОРС, ф. 2913, оп. 1, ед. хр. 123, лл. 178—180.

⁴ Нерадов Г. Производство классиков. — «Бюллетень ГИЗа», 1928, № 31/32, с. 3.

⁵ ЛГАОРС, ф. 2913, оп. 1, ед. хр. 277, л. 16.

⁶ Там же, л. 15—17.

⁷ Показания в плане цифра 800 названий складывалась из 673 названий для определенных проектом плана и 127 названий резерва, для допол-

нительных изданий, включенных после общественного обсуждения. Все цифровые данные взяты из записки «Пятилетний перспективный план по изданию классиков на 1928—1932 гг. — ИМЛИ. Архив А. М. Горького. КГИЗД-3-11-17. См. также: Вольфсон М. Б. Послеоктябрьская художественная литература и ГИЗ (к десятилетию ГИЗа). — «Печать и революция». 1929, № 5, с. 68.

⁸ 30% к пятилетней норме «Дешевой библиотеки классиков», 15% — одностомников; 20% — Русских и мировых классиков 5% — больших изданий классиков. — ИМЛИ. Архив А. М. Горького. КГИЗД 3-11-17.

⁹ Пятилетний план издания классиков. 1928—1932. М., ГИЗ, с. 71. На правах рукописи. Данное издание в настоящее время является библиографической редкостью, и автору любезно предоставлено ленинградским библиофилом М. С. Лесманом.

¹⁰ Там же, с. 62—63.

¹¹ Крупская Н. К. Еще раз по поводу пятилетнего перспективного плана Госиздата по изданию классиков в связи с замечаниями М. Горького. — Педагогические сочинения. Т. 10. М., 1962, с. 280.

¹² Пятилетний перспективный план издания классиков 1928—1932. Ук. изд., с. 82.

¹³ Халатов — Горькому. 27 ноября 1928 г. — В кн.: М. Горький и советская печать. Кн. 1. М., 1964, с. 127 (Архив А. М. Горького. Т. X).

¹⁴ Ольгин Л. Пятилетка Госиздата по изданию классиков перед судом библиотекарей. — «Книга и революция», 1929, № 11, с. 58; Библиотекари о пятилетнем плане издания классиков (В центральном библиотечном коллекторе). — «На книжном фронте», 1929, № 19, с. 66.

¹⁵ Ольгин Л. Цит. соч., с. 58.

¹⁶ Там же, с. 58.

¹⁷ Там же, с. 59.

¹⁸ Там же, с. 59.

¹⁹ Там же, с. 58. См. также: ИМЛИ. Архив А. М. Горького. КГИЗД. 7—9—4. Данные за 1924—27 гг. см.: Нерадов Г. Цит. соч., с. 3.

²⁰ Сведения о количестве изданий каждого автора взяты из «Списка русских классиков, изданных ГИЗом за весь период по 1928 г., включая издания ЛИТО». — ИМЛИ. Архив А. М. Горького. КГИЗД. 7—9—1.

²¹ Издательское дело в первые годы советской власти. Ук. изд., с. 15.

²² См. также: Лавров Н. П. Редакционно-текстологическая подготовка собраний сочинений советских писателей. — В кн.: Книга. Исследования и материалы. Вып. 11. М., 1965, с. 78—79; Рейсер С. А. Основы текстологии. Л., «Просвещение», 1978, с. 118—131.

²³ Издательское дело в первые годы советской власти. Ук. изд., с. 14.

²⁴ Горький М. Цит. соч., с. 190—191.

²⁵ Там же.

²⁶ Шомракова И. А. Издательство «Всемирная литература». — В кн.: Книга. Исследования и материалы. Сб. 14. М., 1967, с. 175—193.

²⁷ Благой Д. Д. Типы советских изданий русских писателей-классиков. — Вопросы текстологии. Вып. 1. М., 1957, с. 17.

²⁸ О роли Госиздата в выпуске Полного (юбилейного) издания собрания сочинений Л. Н. Толстого см.: Родионов Н. С. Юбилейное издание Л. Н. Толстого. — «Книжные новости», 1938, № 15—16, с. 19—22; Родионов Н. С. Первое полное собрание сочинений Л. Н. Толстого. — В кн.: Л. Н. Толстой. Материалы и публикации. Тула, 1958, с. 31—45; О полном собрании сочинений Толстого — «Литературное наследство». Т. 69, кн. 2, с. 429—540; о роли Госиздата — с. 429—434; Карлова Т. С. Как создавалось полное (юбилейное) собрание сочинений Л. Н. Толстого. — В кн.: Книга. Исследования и материалы. Вып. 22. М., 197, с. 148—169; Менделевич Г. А. К истории подготовки первого полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. — Историч. архив. 1960, № 6, с. 68—70. Публикация писем В. Г. Чертова В. И. Ленину и А. В. Луначарскому в 1919 г.,

Постановление СНК от 30 июля 1930 г. об отпуске Госиздату денег на издание.

²⁹ «Печать и революция», 1927, № 2, с. 108; «На лит. посту», 1927, № 7, с. 70—71; «Октябрь», 1927, № 2, с. 287—290; «Научный работник», 1927, № 4, с. 127.

³⁰ Аналогичный тип издания — избранные сочинения автора в одном томе — был известен в книжном деле достаточно давно. В России он получил значительное распространение в конце XIX — начале XX века, в издательствах М. О. Вольфа и Ф. Ф. Павленкова, А. Я. Панафиной, А. С. Карцева.

³¹ Издательское дело в первые годы советской власти. Ук. изд., с. 15.

³² Берков П. Н. Издание русских поэтов XVIII века. История и текстологические проблемы. — В кн.: Издание классической литературы. Из опыта «Библиотеки поэта». М., «Искусство», 1963, с. 107.

³³ «На литературном посту», 1927, № 11/12, с. 108.

³⁴ Ольгин Л. Цит. соч., с. 58.

³⁵ На совещании издательских и книготорговых работников в 1935 г. книготорговые работники называли однотомники сущим кладом, а библиотекари уверяли, что они — сущий бич для читателей. — «Лит. газ.», 1935, 26 окт. См. также: Лавров Н. П. Вопросы типологии издания художественной литературы. — В кн.: Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела. М., «Книга», 1974, с. 46—49. (Вторая Всесоюзная книговедческая конференция. Секция типологии изданий. Тезисы докл.). Сегодня высказываются пожелания об издании однотомников. — Оттен Н. Дела издательские. «Известия», 1973, 1 дек.; «В мире книг», 1974, № 8, с. 82—83.

³⁶ ЦГАОР, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 286, лл. 39—40.

³⁷ Эйхенбаум Б. М. Текстологические работы Б. В. Томашевского. — В кн.: Томашевский Б. В. Писатель и книга. Изд. 2-е М., 1959, с. 14.

³⁸ Евгеньев-Максимов В. Е. — «Звезда», 1927, № 10, с. 135.

³⁹ Там же, с. 136.

⁴⁰ Лавров Н. П. Редакционно-текстологическая подготовка собрания сочинений советских писателей. — В кн.: Книга. Исследования и материалы. Вып. 11. М., 1965, с. 79.

⁴¹ Позволим себе сослаться на нашу работу: Шомракова И. А. К вопросу о понятии «массовая литература на современном этапе». — В кн.: Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела. М., 1974, с. 39—45. Вторая Всесоюз. науч. конф. по пробл. книговедения. Секция типологии книг. Тез. докл.

⁴² Проект проспекта по изданию русских классиков. — ЛГАОРС, ф. 2913, оп. 1, ед. хр. 277, лл. 39—40.

⁴³ Пушкин А. С. Сочинения. Л., 1924, с. XV; Пушкин А. С. Борис Годунов. М.-Пг., 1923; Салтыков-Щедрин М. Е. Избранные отрывки из сочинений. М.-Л., 1926, с. XV; Достоевский Ф. М. Полное собрание художественных произведений. М.-Л., 1925—1926 и т. п.

⁴⁴ Характер оформления серии русских классиков. — ЛГАОРС, ф. 2913, оп. 1, ед. хр. 277, лл. 11—12.

⁴⁵ Берков П. Н. Цит. соч., с. 106.

⁴⁶ ИМЛИ. Архив Горького. КГИЗД 7—9—1.

⁴⁷ Шомракова И. А. Издательство «Всемирная литература». Ук. ст., с. 175—193; Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени. М., «Просвещение», 1970, с. 291—292.

⁴⁸ Инструкция для редакторов и комментаторов издательства «Academia». (М., 1933). 9 с.

⁴⁹ Нерадов Г. Цит. соч., с. 3.

⁵⁰ Эйхенбаум Б. М. Цит. соч., с. 5.

⁵¹ См.: Бухштаб Б. Я. Проблемы типологии литературно-художественных изданий. — В кн.: Книга. Исследования и материалы. Сб. 32. М., 1976, с. 5—35.

С. В. БЕЛОВ

«ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ»
(1927—1934 гг.) *

Полвека назад, осенью 1927 года, известные советские писатели и издательские работники К. А. Федин, М. Л. Слонимский, Е. М. Тагер, М. Э. Козаков, М. А. Сергеев, С. М. Алянский, С. А. Семенов организовали в Ленинграде на кооперативных началах одно из интереснейших советских издательств «Издательство Писателей в Ленинграде». Во главе издательства стояло Правление кооперативного товарищества, избиравшееся общим собранием пайщиков на один год. Все годы председателем Правления неизменно избирался К. А. Федин.

«Устав кооперативного товарищества «Издательство Писателей в Ленинграде», подписанный К. Фединым и М. Козаковым, гласил: «Товарищество организует на коллективных началах труд своих членов в области издания всякого рода литературных и художественных произведений, их составления, перевода, переработки, редактирования, иллюстрирования, художественного и технического оформления и распространения произведений печати своего издания и имеет целью путем совместного ведения издательской работы содействовать материальному благосостоянию и культурному развитию своих членов, вовлекая их в общее социалистическое строительство страны»¹.

К сожалению, это один из немногих сохранившихся документов, связанных с «Издательством Писателей в Ленинграде», Архив издательства погиб в самом начале Отечественной войны. «При первых бомбежках Ленинграда, — вспоминал поэт В. А. Рождественский, — от взрыва от фашистской бомбы загорелось Издательство Писателей в Ленинграде, помещавшееся в одном из боковых фасадов Гостиного двора. Все в нем было обращено в пепел»².

Судить о работе «Издательства Писателей в Ленинграде» надо прежде всего по тем книгам, которые оно выпустило

* Настоящий доклад не повторяет статью Н. П. Лаврова и Т. М. Таллерчик об этом издательстве (см. сб. «Книга. Исследования и материалы», № 36, М., 1978), т. к. был написан до ее появления.

за семь лет своего существования: с 1927 по 1934 год. Но даже краткий перечень этих книг убедительно свидетельствует о том, что и за семь лет своей деятельности «Издательство Писателей в Ленинграде» внесло большой вклад в развитие советской книги и литературы. Остановимся на наиболее интересных книгах издательства.

В начале 30-х годов получила известность как одна из лучших очерковых книг советских писателей книга «Сквозь ветер». Ее выпустила в 1931 году в «Издательстве Писателей в Ленинграде» так называемая «Северная бригада» издательства. В предисловии к книге члены бригады, ленинградские прозаики и поэты Георгий Куклин, Сергей Спасский, Елена Тагер и Николай Чуковский определили важнейшие задачи «Северной бригады»: «Во-первых — обследование строительства, изучение экономической и общественной жизни края, прилегающего и тяготеющего к Ленинграду; во-вторых — поиск литературных форм, способных наглядно запечатлеть стремительную поступь нашего времени. Волна писательных бригад растекается по пространствам Союза»³.

Книга «Сквозь ветер» — одно из немногих разнообразных издательских начинаний «Издательства Писателей в Ленинграде». Издательство вело активную общественно-пропагандистскую работу, направляя писателей на различные участки социалистического строительства.

Быстро рос авторитет издательства. В конце 20-х и начале 30-х годов в «Издательстве Писателей в Ленинграде» выходят произведения крупнейших советских писателей: К. Федина, М. Шагинян, Н. Тихонова, В. Шкловского, Б. Пастернака, В. Каверина, М. Слонимского, О. Форш, В. Шишкова, Ю. Тынянова, М. Зощенко, А. Толстого, А. Белого, В. Саянова, Ю. Германа, Л. Никулина, И. Соколова-Микитова, М. Козакова, Б. Лавренева.

«1923 год стал поворотным пунктом в моей литературной судьбе, — вспоминает Ольга Форш. — От рассказов я перешла к историческому роману. Этот поворот подготавливался во мне исподволь: великими изменениями, происходящими в жизни нашего народа, думами о советской литературе, еще только нарождавшейся, желанием преодолеть интересы, ограниченные вопросами формального порядка (...) Историческая тема открыла мне выход в мир»⁴.

В 1931 году в «Издательстве Писателей в Ленинграде» выходит первый исторический роман Ольги Форш «Одеты камнем», ставший вскоре самым популярным и всенародно известным ее романом. В «Издательстве Писателей в Ленинграде» вышли также романы О. Форш «Горячий цех» и «Современники», книга ее очерков и рассказов «Под куполом».

По предложению К. А. Федина, в члены Товарищества и в состав Правления издательства были кооптированы Ю. Н. Либединский, В. М. Саянов и Н. С. Тихонов⁵.

В конце 20-х — начале 30-х годов Николай Тихонов, уже известный к тому времени поэт, с увлечением погрузился в работу над прозой. В «Издательстве Писателей в Ленинграде» выходит книга рассказов Н. Тихонова «Клинки и тачанки». «Не много книг вышло за последнее время столь бодрых, столь радостных и столь насыщенных идейно, как последняя книга Ник. Тихонова «Клинки и тачанки», — рецензировал это издание критик А. Амстердам. — Книга включает рассказы о двух армиях, царской и Красной, она жива пафосом обличения первой и пафосом утверждения второй. Написанная мастером прозы, одним из лучших советских писателей, книга является крупным достижением на участке оборонной литературы. (...) Она учит, как можно писать о буднях Красной Армии, ярко и тепло, глубоко и весело, занимательно и философски одновременно»⁶.

Совершив две поездки в Туркмению, Н. С. Тихонов выпустил книгу очерков «Кочевники». Эта книга, вышедшая вторым изданием в «Издательстве Писателей в Ленинграде» в 1932 году, стала значительным литературным явлением первой пятилетки, привлекла сочувственное внимание читателей и критики. А. М. Горький отметил художественное достоинство очерков Н. С. Тихонова: «Молодая наша литература выдвинула из своей среды группу талантливых «очеркистов», и они постепенно придают очерку формы «высокого искусства». «Туркменские записи» талантливого поэта и прозаика Н. Тихонова — это очерк и это подлинное искусство изображения жизни словом»⁷.

К группе талантливых «очеркистов» можно с полным правом отнести и известного советского писателя И. С. Соколова-Микитова. В 1932 году в «Издательстве Писателей в Ленинграде» вышел сборник его очерков «Море, люди, дни», в котором Соколов-Микитов показал себя тонким наблюдателем живой природы и занимательным рассказчиком.

По рекомендации К. Федина заведующим «Издательства Писателей в Ленинграде» был назначен С. М. Алянский, тот самый легендарный Алянский, который в 1918 году основал в Петрограде издательство «Алконост», где вышли почти все послереволюционные произведения Александра Блока. Вот что вспоминает старейший ленинградский писатель и переводчик Арсений Георгиевич Островский, выпустивший в конце 20-х годов в «Издательстве Писателей в Ленинграде» книги «Молодой Толстой в записях современников» и «Тургенев в записях современников»: «С. М. Алянского я знал в бытность его директором «Издательства Писателей в Ленинграде» (...) Между нами не было особенно близких отноше-

ний, но всегда возникало чувство обоюдной симпатии и взаимного расположения (что, вероятно, испытывали многие, знавшие Алянского).

Я начал работать в Издательстве Писателей осенью 1932 года и, насколько помню, Алянского уже не застал на посту директора, однако довольно часто я бывал в издательстве и до этого. Алянский пользовался заслуженной репутацией делового человека, он не менял своих решений, был человеком слова. Прекрасно знал полиграфию и в этом отношении сделал много, чтобы упрочить полиграфическое и финансовое положение издательства.

Насколько помню, он был инициатором «Художественной серии» — небольших книг — прозы современных писателей — в однотипном оформлении, с хорошими иллюстрациями. Помоему, выпуск этой серии после ухода Алянского постепенно сошел на нет, а было их издано, вероятно, десятка полтора. Выходили они небольшими тиражами.

Со стороны ленинградских писателей Алянский пользовался большим уважением...»⁸.

В «Художественной серии», упоминаемой А. Г. Островским, вышла двумя изданиями повесть В. Я. Шишкова «Странники». Интересна история этого произведения. Однажды писатель получил письмо от беспризорника из Симферополя, сообщавшего несколько эпизодов из своей скитальческой жизни. Тема беспризорничества была весьма актуальной в конце 20-х — начале 30-х годов. Повесть В. Я. Шишкова выдержала три издания и каждое издание писатель перерабатывал в целях повышения его идейного и художественного звучания.

В этой же серии выходит первый роман известного впоследствии советского исторического романиста Л. И. Раковского «Четвертая жена». Уже в этом произведении бросается в глаза фактическая точность и обстоятельность, с какой в романе даны картины исторического быта. Роман «Четвертая жена» показателен и в другом отношении: здесь писателем впервые делается попытка нарисовать положительного героя нашего времени. Конечно, роман «Четвертая жена», как и некоторые другие произведения, вышедшие в те годы в «Издательстве Писателей в Ленинграде», имеют сейчас лишь историко-литературное значение, но без них невозможно себе представить всю богатейшую шестидесятилетнюю историю советской литературы и книги.

Почти 25 лет работал Михаил Козаков над главным романом своей жизни «Девять точек». Первые книги этого романа вышли в «Издательстве Писателей в Ленинграде». После смерти писателя этот роман был в 1956 году полностью опубликован под названием «Крушение империи». Роман охватывает годы 1913—1917, писатель создает картины последних

лет царской России, сцены Февральской революции вплоть до приезда в Петроград В. И. Ленина в апреле 1917 года. Написанный с чувством непримиримой ненависти к старому, отжившему строю и глубокой веры в победу нового справедливого общественного строя, роман М. Козакова «Крушение империи» запечатлел правдивые картины кануна великой революции, перед читателем предстали живые образы незабываемой эпохи.

В предисловии к роману К. А. Федин написал об авторе: «Он заявил себя последовательным сторонником общественного, воспитательного назначения литературы и всем неутомимым трудом своим литератора стремился показать правоту этого убеждения».

Тематика произведений, появившихся впервые в «Издательстве Писателей в Ленинграде», была самой разнообразной. Группа писателей-авторов издательства была также весьма пестрой по своему социальному составу. Издательство охотно предоставляло свои страницы и начинающим писателям, например, Геннадью Гору, и не профессиональным литераторам. Так, в 1932 году вышла книга рабочего А. М. Селифонова «Ярый Лог», в которой показан один эпизод из истории коллективизации на Дальнем Востоке.

Если «Ярый Лог» был посвящен началу коллективизации, то вышедший в 1931 году роман М. С. Шагинян «Гидроцентральный» рассказывал о начале индустриализации страны. Писательницу захватила, по ее словам, «страстная потребность отразить в искусстве, как сквозь борьбу и сопротивление рождается социальная стройка и, рождаясь, усиливает позиции социализма в стране»⁹.

Однако в «Издательстве Писателей в Ленинграде» выходили не только ценнейшие беллетристические и публицистические произведения. Издательство уделяло большое внимание и мемуарной литературе. Именно в этом издательстве вышла мемуарная книга художника К. С. Петрова-Водкина «Пространство Эвклида». Еще в начале века, выступая в качестве драматурга, художник искал свои пути в области искусства слова. Эти многолетние поиски привели к мемуарам «Пространство Эвклида», в которых К. С. Петров-Водкин нашел себя как писателя.

«Пространство Эвклида» — «очень свежая и живая книга, в которой все своеобразно и оригинально, начиная от материала и вплоть до литературного оформления, — писал в 1933 году рецензент «Литературного современника». — Внутреннее содержание книги, ее не явно выраженная тема — преодоление классицизма, освобождение из-под власти «Пространства Эвклида»¹⁰.

В конце 1930 года на страницах журнала «Наши достижения» печаталась статья А. М. Горького «О литературе».

В этой статье А. М. Горький, перечисляя наиболее характерные произведения молодых писателей о жизни и быте советских окраин, упоминал и «Полярное солнце», — оригинальную повесть Всеволода Лебедева.

Всеволод Владимирович Лебедев родился на Дальнем Востоке, однако его детские и юношеские годы прошли в городе Слободском Вятской губернии. Здесь он встретил Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

В 1923 году Лебедев приезжает в Петроград и поступает в университет, а в 1933 году в «Издательстве Писателей в Ленинграде» выходит мемуарная книга Лебедева «Вятские записки» — повествование о первых послеоктябрьских годах в Слободском и Вятке, о становлении новой социалистической культуры в некогда глухом, полузаброшенном крае.

Но, пожалуй, самая интересная мемуарная книга, выпущенная «Издательством Писателей в Ленинграде», — «Воспоминания» Андрея Михайловича Достоевского, младшего брата великого русского писателя. Эти мемуары, вышедшие в 1930 году под редакцией и со вступительной статьей сына мемуариста, секретаря Русского Географического общества А. А. Достоевского, это — не только главный, но, в сущности, почти единственный источник биографии молодого Достоевского.

Это своего рода «семейная хроника», написанная, правда, без каких бы то ни было претензий на решение серьезных политических или общественных вопросов. «Воспоминания» А. М. Достоевского «не претендуют на художественно-литературное изложение — характеризует в предисловии мемуары отца А. А. Достоевский, — не затрагивают широких политических или общественных вопросов, а представляют собою простой, бесхитростный рассказ»¹¹. Это подробный рассказ о родительской семье, в которой рос будущий писатель, о пансионе Чермака, где Андрей Михайлович учился вместе со старшими братьями, о сравнительно недолгой жизни в Петербурге совместно с Федором Михайловичем, о последующих встречах с ним, о знакомых и друзьях писателя.

Не все в «Воспоминаниях» показалось новым читателям, знакомым с биографией писателя: кое-какие факты уже прочно вошли в литературоведческий обиход, так как еще в начале 1880-х годов А. М. Достоевский охотно поделился своими воспоминаниями о детстве писателя с историком литературы Орестом Миллером, выпустившим в 1883 году вместе с Н. Н. Страховым под названием «Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского» первую биографию писателя. Но тогда еще были живы родные писателя, которые могли болезненно отреагировать на предание гласности тех или иных сторон интимной жизни семьи Достоевских. И

только в 1930 году А. А. Достоевский решился издать книгу своего отца.

Критика, очень тепло встретившая появление в «Издательстве Писателей в Ленинграде» записок А. М. Достоевского, особо отметила публикацию в самом тексте воспоминаний и в приложении к ним целого ряда неизданных писем Ф. М. Достоевского¹².

В конце 19 века большой успех среди русской читающей публики имела трилогия писательницы В. Микулич (ее настоящее имя — Лидия Ивановна Веселитская) «Мимочка-невеста», «Мимочка на водах», «Мимочка отравилась», в которой трактовались, правда, несколько наивно, вопросы семьи и любви. Однако беллетристические произведения В. Микулич не пережили свое время. Лишь одна книга из всего литературного наследия В. Микулич представляет значительный интерес и в наши дни. Это ее воспоминания «Встречи с писателями (Лев Толстой, Достоевский, Н. Лесков, Вс. Гаршин)», выпущенные «Издательством Писателей в Ленинграде» в 1929 году.

Фигуры некоторых мемуаристов «Издательства Писателей в Ленинграде» были весьма колоритны. Например, в 1929 году в этом издательстве вышла книга Л. М. Клячко «Повести прошлого», где он рассказал о слежке царской охранки за ним и другими прогрессивными русскими журналистами в начале века. Сохранилось одно из донесений царской охранки, датированное 8 февраля 1912 года.

«В 2 часа 30 минут дня «Царицынский» вышел из дома, имея при себе портфель, и на извозчике отправился на Невский проспект, в дом № 65 в табачный магазин; отсюда «Царицынский» скоро вышел и на том же извозчике проехал до угла Невского проспекта и Мойки, где слез и вошел в дом № 36 по Мойке, в бани. Пробыл час и пошел на Невский проспект в дом 18, в магазин Трейман, где купил палку, и отсюда направился на Дворцовую площадь в подъезд Министерства торговли и промышленности, через 40 минут вышел и на извозчике поехал в редакцию газеты «Речь». Выйдя отсюда в 5 часов 40 минут вечера, «Царицынский» на Невском проспекте заходил в рыбные магазины Соловьева и Языкова, что-то там купил, — после чего вернулся домой. В 7 часов 45 минут вечера наблюдаемый вышел из дома вместе с женой и отправился в Александринский театр»¹³.

Именно с 8 февраля 1912 года по распоряжению директора департамента полиции Н. Зуева началась самая тщательная слежка за крупным петербургским журналистом Л. М. Клячко, который в секретной переписке департамента полиции проходил под кличкой «Царицынский». В 1912 году, когда в русских журналистских кругах Л. М. Клячко стали называть «королем русских репортеров», подчеркивая этим титу-

лом его завидную журналистскую оперативность, в департаменте полиции на него давно уже было заведено «особое» дело. Небезынтересно отметить, что в 1929 году Л. М. Клячко возглавлял ленинградское издательство «Радуга». Оказывается, «король русских репортеров» явился организатором первого детского издательства в нашей стране — издательства, в котором получили путевку в советскую детскую литературу С. Я. Маршак, В. В. Лебедев, В. М. Конашевич, К. И. Чуковский. А помещалось издательство «Радуга» там же, где и «Издательство Писателей в Ленинграде» — внутри Гостиного двора.

Такое соседство «Радуги» и «Издательства Писателей в Ленинграде» не прошло бесследно. Целый ряд книг «Издательства Писателей в Ленинграде» был издан на высоком полиграфическом уровне. Например, повесть ленинградского прозаика и поэта Сергея Спасского «Новогодняя ночь» (1932) с рисунками В. Фаворского особо отмечена в специальной литературе по искусству книги, причем выделяется в первую очередь оригинальный разворот — фронтиспис и титульный лист: «Разворот представляет собой соседствующие фронтиспис и титульный лист. Его особенность — фронтиспис, заполняя поле титульного, вышел за пределы отведенной для него страницы, — пишет искусствовед Е. Адамов в своей работе «Ритмическая структура книги». — Анализируя восприятие этой композиции, мы можем отметить, что движение по ней сливается как в сюжетном, так и в специфически формном содержании. Движение конвоя, везущего на расстрел группу революционеров, начинается слева от подчеркнуто статичного фонаря, протекает через фигуру конного офицера, шеренгу конвойных, телегу с арестованными и, не прекращаясь, направляется внутрь книги.

Это движение, внешне спокойное, внутренне полно драматизма и тяжелых предчувствий. В. А. Фаворский, относясь особенно чутко к ритму, находит средства глубоко выразить сюжет через острую художественную форму»¹⁴.

На высоком полиграфическом уровне были изданы «Записки спутника» Льва Никулина в оформлении художника М. Кирнарского (1932), рассказы Л. Раковского «Блудный бес» с гравюрами на дереве С. Юдовина (1931), сборник стихотворений «Маяковскому» Н. Брауна, А. Прокофьева, В. Саянова (1931), рассказы В. Каверина «Черновик чело- века» с иллюстрациями Н. П. Акимова (1931), «Охранная грамота» Б. Пастернака (1931), «Краткая, но достоверная повесть о дворянине Болотове» В. Шкловского в оформлении художника А. Н. Лео (1930), «Хождение по мукам» А. Толстого (1932), роман-хроника «Месяц туманов» П. Губера в оформлении Д. И. Митрохина (1929), повесть К. Федина «Старик» с гравюрами на дереве Н. Алексеева (1930), по-

весть Л. Борисова «Галка» с иллюстрациями К. Рудакова (1931), сборник документов и воспоминаний «Судьба Блока» в оформлении художника Г. Епифанова (1930), — сборник, в котором упоминалось и имя заведующего «Издательством Писателей в Ленинграде» С. М. Алянского среди тех лиц, кто был особенно близок к поэту в последние годы его жизни. Через тридцать лет, работая над книгой «Встречи с Александром Блоком», Алянский в переписке с друзьями вспомнил о сборнике «Судьба Блока»: «Книга мне очень пригодилась, так как в ней приводится часть «отчета доктора Пекелиса», лечившего Блока. Кроме того, там имеются замечательные отрывки из воспоминаний Е. Замятина. И вообще книга хорошая; материал подобран со знанием и любовью. Я вспомнил и авторов этого монтажа. Один из них Ц. Вольпе погиб в начале 1942 года на ледовой дороге, по которой отправился пешком вместе с художником Кирнарским»¹⁵.

Особым изяществом отличалась литературоведческая серия «Мастера современной литературы», посвященная известным советским писателям, причем часто это были авторы «Издательства Писателей в Ленинграде». Например, 10-м изданием в «Издательстве Писателей в Ленинграде» вышел популярный роман конца 20-х годов «Лавровы» Михаила Слонимского, посвященный важнейшей теме тех лет — интеллигенция и революция¹⁶. В серии «Мастера современной литературы» выходит монография видного советского критика А. Горелова «Путь современника» о творческом пути М. Слонимского. Критик А. Камегулов, рецензируя работу А. Горелова, указывал, что она «прежде всего привлекает читателей доступностью, живостью изложения. Горелов всецело обладает благодарным и очень редким, к сожалению, в нашей критике качеством — художественной, образной передачей исследуемого материала»¹⁷.

В «Издательстве Писателей в Ленинграде» вышли также книги: «Кюхля» и «Подпоручик Киж» Ю. Тынянова, «Барон Брамбеус» В. Каверина, «Избранные рассказы» и «М. П. Синягин (Воспоминания о Мишеле Синягине)» М. Зощенко и «Города и годы» К. Федина.

Повесть Михаила Зощенко о Мишеле Синягине близка по своей тематике к юмористическим рассказам писателя. Критик А. Старков отмечает в своей книге «Юмор Зощенко», что в этой повести «пародируется уже не тема «маленького человека» с его житейскими печальми: объектом пародии оказался (...) рафинированный интеллигент начала века, доживший до тех дней и предающийся возвышенной скорби и страданиям от одиночества»¹⁸.

Роман К. Федина «Города и годы» — один из первых советских романов о путях русской интеллигенции в революции и гражданской войне. Но как и другой роман К. Федина

«Братья» — он также развивает важнейшую, магистральную тему писателя: борьбу за новое, революционное искусство, — тему, впоследствии развитую в знаменитой трилогии писателя «Первые радости», «Необыкновенное лето», «Костер».

Последними издательскими начинаниями «Издательства Писателей в Ленинграде» были выпуск двенадцатитомного собрания сочинений Александра Блока¹⁹ и новой серии по инициативе А. М. Горького «Библиотека поэта»²⁰.

Еще находясь далеко от родины, в Сорренто, А. М. Горький думал о планах издания таких книжных серий, которые смогли бы вооружить советскую молодежь знанием прошлого. Вернувшись весной 1931 года в Москву, А. М. Горький приступил к реализации своих замыслов. В это время по инициативе А. М. Горького и при активной поддержке Центрального Комитета нашей партии были предприняты издания «Истории гражданской войны» и «Истории фабрик и заводов». Выпуск в «Издательстве Писателей в Ленинграде» серии «Библиотека поэта» был одним из важнейших звеньев в этой цепи литературно-издательских начинаний А. М. Горького²¹.

В 1934 году на базе «Издательства писателей в Ленинграде» было создано государственное издательство «Советский писатель».

Через много лет К. А. Федин, перефразируя известные слова Достоевского, скажет: «Все мы вышли из «Издательства Писателей в Ленинграде»²².

Это и есть лучшая оценка семилетнего существования ленинградского издательства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Устав кооперативного товарищества Писателей в Ленинграде. Л., 1930, с. 3—4.

² Рождественский В. А. Игорь Северянин. — В кн.: Северянин И. Стихотворения. Изд. 3-е. Л., 1975, с. 36. (Б-ка поэта). Рукописи и корректуры произведений некоторых авторов издательства еще в начале войны попали в ИРЛИ АН СССР.

³ Куклин Г. и др. Сквозь ветер. Л., 1931, с. 5.

⁴ «Лит. газ.», 1958, 27 мая.

⁵ См.: Хренков Д. Виссарион Саянов. Путь поэта. Л., 1975, с. 114.

⁶ «Лит. современник», 1933, № 5, с. 155.

⁷ Горький А. М. О литературе. — Собр. соч. в 30-ти т. Т. 25. М., 1953, с. 256.

⁸ А. Г. Островский — С. В. Белову, 22.IV.1975 г. — Личный архив С. В. Белова.

⁹ Шагинян М. С. Семья Ульяновых. Очерки. Статьи. Воспоминания. М., 1959, с. 669—670.

¹⁰ «Лит. современник», 1933, № 1, с. 167.

¹¹ Достоевский А. М. Воспоминания. Л., 1930, с. 3.

¹² См.: например, «Каторга и ссылка», 1932, № 1, с. 237—239.

¹³ Кантор Р. Л. Львов (Л. М. Клячко) и департамент полиции. — ЦГАЛИ. ф. 1208, оп. 1, ед. хр. 86, л. 2.

¹⁴ Адамов Е. Б. Ритмическая структура книги. М., 1974, с. 68.

¹⁵ ОР н РК ГПБ. ф, 1109, ед. хр. 1577, л. 18.

¹⁶ В «Издательстве Писателей в Ленинграде» вышли также романы М. Л. Слонимского «Средний проспект» и «Фома Клешиев».

¹⁷ «Звезда», 1934, № 4, с. 196.

¹⁸ Старков А. Н. Юмор Зощенко. М., 1974, с. 89.

¹⁹ Издание было начато в 1932 г., а закончено в 1936 г. — уже в издательстве «Советский писатель».

²⁰ Работа над серией началась в 1931 г., а первая книга вышла в 1933 г.

²¹ Подробнее об организации «Библиотеки поэта». см.: Усыскин Г. С. Энциклопедия отечественной поэзии (обзор изданий «Библиотеки поэта»). — В кн.: Книга. Исследования и материалы. Сб. IV М., 1961, с. 101—125; Беловицкая А. А. До выхода первого тома «Библиотеки поэта». — В кн.: Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976, с. 348—357.

²² К. А. Федин — С. В. Белову. 25.01.1975 г. — Личный архив С. В. Белова.

А. Я. ЧЕРНЯК

В БОРЬБЕ ЗА РАЗВИТИЕ ТЕХНИЧЕСКОЙ КНИГИ

**(К 50-летию Ленинградской рабочей конференции
по производственно-технической книге)**

Исполнилось 50 лет со времени начала первой пятилетки. Героическая эпоха реконструкции народного хозяйства была и временем бурного роста советской технической книги — мощного средства научно-технического прогресса. За считанные годы в стране возникла новая система технической книги, охватившая миллионные массы рабочих. Создание этой системы потребовало гигантских усилий со стороны Коммунистической партии, издательств, ученых, инженеров, техников, рабочих и их профессиональных союзов. Весьма активную роль сыграли профсоюзы Ленинграда — крупнейшего промышленного и издательского центра страны. В январе 1929 г. Ленинградский областной совет профсоюзов провел первую в СССР межведомственную рабочую конференцию по производственно-технической книге. Решения этой конференции сыграли большую роль в организации и развитии издания и распространения производственно-технической книги для рабочих в стране.

Между тем, деятельность конференции не получила никакого отражения в современной историко-книжной литературе, включая и специальный учебник по истории технической книги.

Ленинградская конференция готовилась ленинградскими профсоюзами в течение длительного времени. В мае 1928 г. культотдел Ленинградского областного совета профсоюзов созвал первое совещание представителей книгоиздательств, инженерно-технической секции, авторов массовой производственно-технической книги, библиотечных работников и самих потребителей книг — рабочих ленинградских заводов и фабрик. Совещание прошло в атмосфере высокой активности. Представители издательств (главным образом Госиздата) указали на трудности, которые имели место в издании производственно-технической книги. Отмечалась крайняя широта и дифференцированность тематики, большое разнообразие в уровнях развития рабочего читателя, отсутствие авторов, умеющих достаточно популярно излагать материал, невыгодность издания производственно-технической книги и т. д. Осо-

бый интерес представили выступления рабочих-читателей. Они жаловались либо на полное отсутствие массовой книги по ряду производств, либо на ее крайний недостаток. Говорилось, что еще мало книг по электротехнике, строительному делу, канализации. Совершенно нет книг по судостроению, пользовавшихся большим спросом в Ленинграде — городе судостроителей. Не хватало литературы и по малярному делу, нитяному производству, по технике безопасности и т. д. Указывалось на существенные недостатки изложения в книгах для рабочих: обилие математических выкладок, формул, сложный язык и т. д., что затрудняло усвоение пособий даже для рабочего средней квалификации. В адрес издательства было высказано обвинение в оторванности от потребителя, незнание его запросов и интересов. Издательства начали стремиться к осуществлению тесной связи с производственными союзами, кружками самообразования, библиотеками, стали учитывать необходимость предварительной читки рукописей, предлагаемых к изданию, в рабочих аудиториях.

Издательствам предложено было ориентироваться на рабочих средней квалификации как на основную читательскую группу. Однако эта ориентация вскоре претерпела существенные изменения — в ходе развития реконструкции народного хозяйства, вовлечения в промышленное производство миллионов новых рабочих центральной читательской фигурой становится малоквалифицированный рабочий.

Совещание выработало основные предложения по совершенствованию выпуска производственно-технической книги для рабочих:

1. Характер изложения намеченного к выпуску литературы должен зависеть от степени подготовки читателя. Другими словами — это требование учета читательского назначения книги.

2. По методу группировок материала книги должны делиться на учебники, пособия для самообразования, справочники, новости науки и техники и т. п. Это требование соблюдения типологических канонов.

3. Язык книги должен быть ясным и понятным, но не в ущерб ее научности.

4. Необходимо издавать пособия методического и информационного характера: программы занятий, круги чтения, аннотированные списки литературы по отраслям знания.

Таким образом совещание стало важным подготовительным мероприятием в созыве Ленинградской рабочей конференции по производственно-технической книге.

Этому способствовала также организация в ноября 1928 г. при Ленотгизе постоянного совещания по производственно-технической книге. В состав Совещания, собиравшегося

2 раза в месяц, вошли сотрудники Госиздата, некоторые авторы, представители рабочих технических журналов, рабочие, инженеры, представители общественных организаций. Совещание ставило целью разработку и обсуждение планов издания книг для рабочих, выбор тем, выявление авторов и редакторов, обсуждение отзывов о книгах, их пропаганду среди рабочих и т. д.¹

Работе конференции предшествовал VIII Всесоюзный съезд профсоюзов (декабрь 1928 г.). Он принял специальное решение о массовой технической литературе. Съезд признал «необходимым усилить работу государственных издательств по изданию популярной производственной книги, доступной по языку, изложению, размеру и цене для массового рабочего читателя. Профорганизации должны оказывать содействие в этом деле издательствам путем организации отзывов рабочих о книгах и их коллективного редактирования».² Собственно, конференция и проходила под знаком реализации этого решения VIII Всесоюзного съезда профсоюзов. В самом предверии конференции журнал «Производственное совещание» — орган Ленинградского областного совета профсоюзов — выпустил специальное приложение «Библиотека производственника», посвященное конференции. Были опубликованы порядок дня конференции, объявление о выставке производственно-технической книги, развернутой во Дворце Труда, ряд статей, тезисы некоторых докладов. Особое внимание уделялось книге по строительству. Ей были посвящены 3 статьи, в том числе статья зав. культотделом союза строителей Яковлева «Какая производственная книга нужна строителю». В другой статье было приведено весьма интересное и характерное высказывание рабочего: «На что мне производственное совещание без книги, без серьезной подготовки к нему. Дайте мне простую, понятную, дешевую производственную книгу, тогда я смогу двигаться дальше, смогу указать, как исправлять ошибки и улучшить производство. Затем укажите в самой книге, как я должен работать над ней, как проводить на практике то, о чем пишется в книге. Разъясните мне сначала один вопрос, потом следующий и т. д.»³.

В этих словах проявлялось отношение рабочих к производственной книге и выдвигались некоторые требования к ней.

Конференция открылась 12 января 1929 г. в Митинговом зале Дворца Труда. В качестве устроителей выступили: Ленинградский областной совет профсоюзов, Ленинградский областной комитет Союза металлистов, Ленинградский областной отдел Союза строителей, Ленинградское отделение Госиздата. Конференция собрала 300 участников. Участники конференции видели ее главную задачу в улучшении дела издания нужной и полезной для рабочего производственной книги, в продвижении этой книги в более отсталые слои рабочих.

На пленарное заседание 12 января были намечены следующие доклады:

1. Массовая рабочая техническая литература и культурная революция. Докладчик — заведующий Госиздатом А. Б. Халатов.

2. Задачи производственной книги в связи с индустриализацией страны. Докладчик — редактор «Производственного журнала» А. З. Гольцман.

3. Как издавать массовую производственную книгу. Докладчик — Ангерт.

Пленарное заседание следующего дня было посвящено вопросам удешевления производственно-технической книги (докладчик — представитель Госиздата Гефт) и ее распространению и пропаганде (докладчик Г. И. Поршневу). Кроме того, работали секции: холодной обработки металлов, горячей обработки металлов, машиноведения, электротехники, строительного дела.

Работа конференции нашла отражение в прессе: в «Ленинградской правде», в Ленинградском профсоюзном журнале «Производственное совещание». Однако материалы конференции публиковались далеко не полностью. В частности, не было даже сообщения о докладе А. Б. Халатова. Надо думать, что по каким-то причинам он не состоялся. Правда, перед началом работы конференции была опубликована небольшая статья А. Б. Халатова «Первое место — массовой производственной книге»⁴. Заведующий Госиздатом выдвинул три основных условия, которым должна удовлетворять массовая производственно-техническая книга: давать практические полезные знания, повышающие квалификацию работников и тем ускоряющие процесс индустриального развития; обслуживать все слои рабочего класса как квалифицированные, так и только что оторванные от деревни; быть доступной по цене и оформлению. Он призвал усилить работу в этой области.

Видимо, центральным докладом на конференции стал доклад А. З. Гольцмана (1894—1933) — бывшего члена президиума ВЦСПС, видного деятеля профсоюзного движения, главного редактора «Производственного журнала», впоследствии начальника Гражданского воздушного флота СССР.

В своем докладе А. З. Гольцман показал причины быстрого роста потребности в массовой технической книге. Это — внедрение машинного способа производства в ряд отраслей народного хозяйства, в которых до того господствовал ручной труд (кожевенная, стекольная, деревообрабатывающая промышленность и т. д.); втягивание свежих слоев рабочих в промышленное производство за счет выходцев из деревни; распространение научных методов организации производства на все новые отрасли хозяйства; реконструкция промышленности на новой технической базе (электрификация, химизация) и др.

По существу издание и распространение массовой технической литературы, как утверждал он, вступает в новый этап, который характеризуется ускорением темпа распространения технических знаний и вовлечением многомиллионных масс в изучение техники. Докладчик подчеркнул, что в таких условиях массовая техническая книга остается наиболее важным источником технических знаний. Между тем, приходилось признать, что до настоящего времени массовой технической книжки в СССР не существует — ни по содержанию, ни по тиражу. Другими словами издание этой книги не удовлетворяет ни по качественным, ни по количественным критериям. Смысл издания массовой технической книги в том, что она становится настольной книгой рабочего, насущно необходимым средством в его практической деятельности.

Докладчик сформулировал конкретные требования к массовой технической книге:

1. Она должна являться практическим пособием для рабочих той или иной определенной профессии.

2. Теоретические сведения в ней должны даваться в минимальных размерах, наибольшее внимание должно уделяться разрешению встречающихся на практике затруднений в работе.

3. Язык книги должен в наибольшей мере приближаться к разговорному языку с использованием установившихся в обиходе названий из фабрично-заводского жаргона.

4. Книга должна иметь объем не более 3-х печатных листов, небольшой формат удобный для ношения в кармане.

5. Цена книги должна быть приспособлена к рабочему бюджету.

Выполнение этих требований давала возможность рабочему повысить свою квалификацию с помощью массовой технической книги.

Автор доклада высоко оценил роль рабочего — читателя массовой технической книги. Он справедливо отметил, что никакое издательство не сможет успешно справиться с задачей создания книги, рассчитанной на рабочего читателя без помощи самого этого читателя. Необходимо проводить тщательно подготовленные рабочие читательские конференции с обсуждением планов издания массовой технической литературы, рукописей конкретных книг, их справочного аппарата, степени применения формул, чертежей, расчетов, анализов и т. п.

Завершая этот раздел, А. З. Гольцман пришел к выводу, что рабочие должны взять в свои руки дело издания массовой технической книги, а издательства должны быть лишь организаторами и исполнителями их воли. Однако при всем понимании роли рабочего читателя в то время полностью согласиться с этим утверждением было нельзя. Оно объективно вело

к принижению роли технического издательства как научного и организующего центра, призванного изучать количественные и качественные потребности науки, техники, производства в технической книге и обеспечивать ее выпуск.

Весьма актуально звучали требования докладчика о коренных изменениях методов распространения книги, о приближении книги к рабочему, привнесении ее в рабочий район, на предприятие, в клуб, в красный уголок, о предоставлении возможности рабочим покупать техническую книгу в кредит.

В докладе прозвучала и забота о культуре чтения технической книги, об активном усвоении ее материала. Предлагалась организация заводских технических консультаций для ответов на вопросы, возникшие в связи с прочтением книги. Эти консультации должны были организовываться силами профсоюзов с помощью библиотек.

Наконец, для успешного проведения всей работой докладчик считал необходимым установление теснейшего контакта между издательствами и профсоюзами, которые должны поставить работу по производственно-технической пропаганде на первый план.

Доклад А. З. Гольцмана дал широкую картину состояния массовой технической книги и намечал в основном правильные пути и методы совершенствования ее содержания и формы, издания и распространения. Он был дополнен интересными материалами в докладе Ангерта. Докладчик подверг критике планы издания технической книги, слабо связанной с планом народнохозяйственного строительства и ростом рабочих кадров. Издание технической книги не было организовано, отсутствовала должная координация, ассортимент производственной книги сложился более или менее случайно. Нужно было при Госиздате создать редакционно-плановый центр технической книги, четко координирующий ее издание. Ангерт отметил, что существующие серии производственных книг для рабочих недостаточно отличаются друг от друга. необходима дифференциация по читательскому назначению. Большая часть замечаний относилась к содержанию книг для рабочих. Докладчик выступил против мнения о том, что рабочему нужно лишь узко-специальное практическое пособие. Следует давать и теоретический материал, выйти за рамки узкого техницизма, снабдить книгу сведениями по экономике, технике безопасности, НОТ, стандартизации и т. п., а также методическими советами читателю. Особое внимание надо обратить на методы изложения, добиваясь, чтобы оно не скрывало, а развивало творческие способности рабочего читателя. Наконец, был поставлен вопрос об авторах книг для рабочих. Они плохо знали практику, поэтому необходимо выдвигать новых авторов из рабочих, технического персонала предприятий.

В докладе Гефта были рассмотрены пути удешевления массовой производственной книги. Докладчик показал, что себестоимость этой книги в настоящее время является минимальной, более низкой, чем в дореволюционное время и чем средняя себестоимость выпуска литературы Госиздатом. Дальнейшее снижение себестоимости зависит только от общего удешевления бумаги и типографских расходов, что в свою очередь связано с коренным переоборудованием и механизацией бумажных и полиграфических предприятий. Другой путь удешевления книги, наиболее реальный, — это увеличение средних тиражей. При удвоенном среднем тираже, т. е. тираже в 10 тыс. экз., себестоимость снизится больше чем на 40%. Но увеличение тиража связано с расширением сбыта и потребления массовой производственно-технической книги.

Этим вопросам был посвящен доклад видного деятеля советского книжного дела, работника Торгсектора Госиздата Г. И. Поршнева. Он констатировал, что книга еще не вошла в число предметов широкого потребления масс, на нее нет устойчивого и активного спроса, поэтому необходимо прививать интерес к чтению, выявлять пользу книги, активно предлагать ее, приблизить к читателю аппарат распространения книги. Для продвижения производственно-технической книги к рабочим следует использовать все формы и методы общественного и культурно-просветительного воздействия на них. Г. И. Поршнев имел в виду доклады, лекции, вечера, кино, радио, выставки, кружки, профгазеты, стенгазеты, а также приближение рационально подобранного книжного ассортимента к заводу и фабрике, разработку максимально льготных и удобных условий расчета за покупаемую книгу.

Отметив, что Госиздат уже применяет обширный набор форм и методов активного распространения книги, докладчик подчеркнул их недостаточность. Он предложил для поднятия интереса рабочих к производственно-технической книге ряд дополнительных актуальных мероприятий:

а) Вовлечь в работу по распространению производственной книги общество техмасса и кружки рабочих изобретателей и рационализаторов.

б) Развернуть в рабочих библиотеках отделы технической литературы, увеличить ассигнования на нее и вести широкую пропаганду производственно-технической книги в клубах и на предприятиях. В частности, предлагалось вести пропаганду книг в качестве обязательной формы работы производственных совещаний.

в) Организовать среди рабочих кружки книги, ввести широкие консультации в библиотеках и магазинах по вопросам производственно-технической книги со стороны инженерно-технического персонала. Докладчик высоко оценил роль в пропаганде производственной книги таких приложений

к профсоюзным журналам, как «Библиотека производственника», «Металлист за книгой» и предложил ввести подобные листки во все органы профессиональной прессы.

Были высказаны требования также в адрес издательств: приблизить магазины к рабочим районам, шире развернуть сеть киосков на предприятиях, ввести в систему заводского книгораспространения уполномоченных от цехов и книгонош, открыть в рабочих кооперативах книжные отделы. Интересны предложенные Г. И. Поршневым мероприятия по улучшению информации рабочих о новых и имеющихся на складах книгах: здесь, и выпуск небольших каталогов и проспектов, предназначенных для определенных категорий читателей, специальные отделы в профессиональной прессе, стенгазетах, плакаты и афиши.

С целью облегчения рабочему условий приобретения книг предлагалось выпускать серии для определенных профессий, ввести подписку и рассрочку на дорогие издания и широкий кредит с ежемесячным погашением.

Выступления докладчиков, поставившие широкий круг вопросов издания и распространения производственно-технической книги, вызвали активное обсуждение участников конференции. На заседаниях секций были обсуждены также планы Госиздата выпуска книг по обработке металлов, металлургии, машиноведению, электротехнике, строительному делу. В принятом конференцией решении указывалось, что техническая книга должна служить практическим пособием для рабочего, помогать ему овладеть профессией и повышать квалификацию. Язык книги должен быть доступным, ясно и четко излагать научные понятия, не нарушая научности, следует по возможности избегать сложных математических формул, излагать химические и физические понятия в доступной форме. Необходимо дифференцировать пособия по читательскому назначению, имея в виду 3 группы читателей: низшей, средней и высшей квалификации.

«Пишите проще, лучше разъясняйте сложные математические формулы и непонятные выражения» — таков был наказ рабочих читателей авторам производственных книг⁵.

Конференция призвала издательства установить повседневную связь с рабочим читателем, обсуждать издательские планы в рабочих аудиториях, выдвигать рабочих авторов. «Конференция, — отмечала «Ленинградская правда», — дала издательствам ценные указания о выпуске массовой производственной литературы для рабочих различной квалификации. Делегаты конференции указали путь широкого привлечения рабочих к обсуждению содержания выпускаемых книг»⁶.

В целом первую в СССР конференцию рабочих читателей, проведенную в Ленинграде, следует считать весьма важным и

актуальным событием в истории советской технической книги. Здесь были выдвинуты программные положения, которые были направлены на совершенствование развития издания и распространения производственно-технической книги для миллионных масс советских рабочих, осуществлявших исторический процесс реконструкции народного хозяйства СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Производственное совещание», 1929, № 10, с. 22.

² «Труд», 1929, 12 янв.

³ «Библиотека производственника» — приложение к журналу «Производственное совещание», 1929, № 1.

⁴ «Библиотека производственника» — приложение к журналу «Производственное совещание», 1929, № 1.

⁵ «Ленинградская правда», 1929, 17 янв.

⁶ Там же.

**ЧИТАТЕЛЬСКИЕ НАСТРОЕНИЯ И ВКУСЫ
ПЕТЕРБУРГСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА
КОНЦА 70-Х ГОДОВ XIX в.**

**(По материалам новонайденных документов читальни
петербургского университета)**

Видный деятель революционного народнического движения 70-х годов, член кружка «чайковцев», а затем один из основателей «Черного передела» Осип Васильевич Аптекман (1849—1926) оставил интереснейшие воспоминания о работе студенческой читальни Медико-хирургической академии, в которой он учился в начале 1870-х гг.¹ Упоминает он, в частности, об особом журнале, в котором фиксировались пожелания студентов о пополнении читальни новыми книгами. «Как только собиралось 30 подписей, — пишет он, — комиссия (выбранная из студентов. — А. Б.) в течение определенного срока обязана была исполнить это требование. Журнал этот, имевший первоначально определенно-специальное назначение, мало по малу, совершенно незаметно превратился в своеобразный критический сборник. Дело в том, что нередко предлагаемая книга вызывала нарекания, осуждения, недовольство. Завязывалась полемика, в общем, содержательная, серьезная, а порою страстная и пристрастная. Исписывались pro и contra целые страницы. Люди писали, как понимали, как бог на душу положит. И в этом был весь интерес писания, читалась эта полемика с величайшим интересом. Ведь в них, этих импровизациях литературных, отражалось умонастроение молодежи. Сколько бодрости, свежести, прямолинейности чулось в этих суждениях. Право, жаль, если этот журнал затерялся совсем»².

Документ этот не обнаружен, но недавно были найдены две книги отзывов студентов Петербургского университета за 1878 г., удивительно (судя по описанию О. В. Аптекмана) напоминающие журнал читальни Медико-хирургической академии.³ На их основе и написана данная статья.

Студенческая читальня была создана в начале 70-х годов по настоянию Д. И. Менделеева, написавшем ректору университета специальную записку, по этому поводу.⁴ «Профессорская», т. е. фундаментальная научная библиотека не могла удовлетворять запросы студентов, в определенной мере ограничивая и регламентируя выдачу книг. Как вспоминает учившийся в 1878—1882 г. в университете С. Ф. Платонов, впо-

ледствии видный русский историк, студенческая читальня «помещалась в конце шинельной», занимая три комнаты, «в ней были газеты, журналы, некоторое количество беллетристических и научных книг». Во многом эта читальня была самостоятельной организацией: студенты, выбранные от каждого курса, дежурили в ней по вечерам, следили за ее комплектованием. В Совет читальни выбирались, как правило, заметные, радикально настроенные представители студенчества. Хотя, как пишет Платонов, полицейский обыск, произведенный в 1878 г., ничего не дал, «тем не менее, совет читальни ютил в себе достаточное количество революционно настроенной молодежи и читальня являлась ее внешним центром. Насколько буфет, расположенный поблизости, служил приютом болтунов, посещавших университет для развлечения, настолько читальня была центром университетской конспирации»⁵.

Университетское начальство отпускало на пополнение студенческой читальни очень небольшие средства. В целях рационального их использования Совет читальни завел специальную *«Книгу для записывания исключительно тех сочинений, которые гг. студенты находят нужными иметь в читальне»*. Сохранившиеся два тома этой книги представляют в распоряжение исследователя уникальной в своем роде материал*. Все решалось на началах полного демократизма. Каждый студент волен был записывать в начале страницы библиографические данные интересующей его книги или журнала, затем следовали две колонки: «за» и «против». В том случае, если количество голосов, поданных в пользу книги, было достаточным (иногда их число достигало 60-70), Совет покупал это издание, о чем свидетельствовала пометка: «куплена».

Даже в том случае, если бы в журналах читальни фиксировались только названия книг и подписи студентов, «голосящих» за или против, то уже сами по себе эти данные могли служить ценным источником для выявления круга чтения и интересных статистических выкладок. Однако — и в этом ценность документов — эти журналы постепенно (особенно во второй книге) превратились в средство живой, иногда яростной, ничем не регламентированной и незапрограммированной полемики. Студенты спорят друг с другом по поводу тех или иных книг, высказывают свои точки зрения, аргументированно обосновывают важность приобретения различных изданий. Иногда библиотечное начальство, недовольное тем, что журналы превращаются в место идейной полемики, тут же на его страницах просит «господ студентов посторонних вещей не касаться». Разумеется, вслед за этими замечаниями следуют иронические реплики студентов (ситуация в какой-то мере

* В дальнейшем ссылки на эти документы см. в тексте. Римская цифра обозначает номер тома, арабская — листа.

напоминающая «Жалобную книгу» А. П. Чехова). В этих отзывах — живой пульс времени, биение мысли радикальной университетской молодежи.

Как известно, Петербургский университет пореформенного времени был крупным центром революционного движения: многие студенты — семидесятники были активными участниками кружка «чайковцев», «Земли и воли» и других народнических организаций.⁶ Журнал, который вели студенты, приходится на время, предшествующее революционной ситуации 1879—1881 гг., на время оживления общественной жизни. Это обстоятельство в полной мере отразилось и на характере записей, сделанных в книге отзывов. Радикальные настроения студенчества, его большая активность объясняется в большой мере изменившимся классовым составом студентов этого времени. По данным Г. И. Щетининой, в 1876 г. дворяне составляли на историко-филологических факультетах 31%, духовенство — 51,3%, купцы, мещане, и разночинцы и крестьяне — 17,6%.⁷ Несмотря на жесткую сословную политику царской администрации, студент-разночинец (в особенности лица, окончившие духовные семинарии) начинает играть важную роль в жизни университетов. 70-е годы отличаются огромной «внутренней» работой студентов, ставивших перед собой задачи «саморазвития», которое становится «нравственным требованием личности»⁸. Не случайно уже в это время слово «студент» становится одиозным для охранителей, являясь синонимом слова «бунтовщик».

Состав студенческой читальни кровно интересует студентов, видевших в книге основу для самообразования. Многие из них прекрасно знали книжный рынок, были знакомы с «холодными букинистами» Петербурга, знали, где книга продается и у какого книготорговца ее можно купить подешевле. Так, например, рекомендуя приобрести книгу И. Тэна «Развитие политической и гражданской свободы в Англии», один из студентов добавляет: «Книгу эту, в магазинах стоящую 6 руб. серебром, на Толкучке (угол Вознесенского пр. и Садовой) можно получить за 2½, а может быть и дешевле». Другой студент советует приобрести книгу И. Щеглова «История социальных учений» в магазине Черкесова, так как там она продается на рубль дешевле (1,46). Наиболее часто такие советы дает студент, подписывавшийся псевдонимом «Библиофил», например, такие: «На углу 6 линии и Малого пр. существует рынок, а в этом рынке лавка, в которой между всяким хламом, имеется «Энциклопедический словарь» Старчевского (все тома). Не мешало бы приобрести это издание, так как такой удобный случай больше не представится» (11, 12).

В студенческих журналах помещена масса советов одних читателей другим: студенты рекомендуют определенные издания, отмечая и сравнивая их ценность, указывают на рецензии,

опубликованные в передовых журналах того времени (в основном в «Отечественных записках»), исправляют неточные данные книг. Так, вслед за записью «Н. Кареев. Экономический быт французских крестьян в XVIII в.», следует ремарка другого студента: «Очень интересное и поучительное исследование, написанное преимущественно по неизвестным материалам деревенских архивов. Точное название: «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.» (1, 75).

Книги отзывов дают отчетливое представление о читательских пристрастиях и антипатиях студенчества. И в конце 70-х гг., претерпев некоторую эволюцию, они теснейшим образом связаны с читательскими настроениями радикальной молодежи 60-х годов⁹. Кумирами и властителями дум попрежнему являются виднейшие русские революционеры-демократы. Книги и статьи Н. И. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева на страницах журналов (а они содержат свыше тысячи записей) встречаются десятки раз, не раз повторяются: очевидно, фонд студенческой читальни не мог удовлетворить все запросы. Обычно они собирают наибольшее количество подписей (от 30 до 70). Так, отмечая неудовлетворительность 3-го издания собрания сочинений Добролюбова, а также то, что во 2-м «недостает нескольких печатных листов, а сверх всего этого, то, что значение сочинений Добролюбова и спрос на них так велик, то не лишним было бы приобрести эти сочинения еще в одном экземпляре» (11, 37). Сочинения В. Г. Белинского и Н. И. Добролюбова, замечает другой студент, необходимо иметь в нескольких экземплярах, учитывая «то влияние, которое эти два критика оказали на развитие русской литературы» (11, 4). Сочинения Д. И. Писарева, несмотря на то, что они стоят у букинистов 25 руб., купить «необходимо как можно скорее». Такие записи встречаются постоянно.

Исключительно велик интерес к А. И. Герцену, книги которого были запрещены полностью. Студенты просят приобрести книги, вышедшие в России до его эмиграции, а нередко — и произведения вольного печатного станка. Иногда названия книг вводят их в заблуждения. Так, в журнале зафиксировано требование на книгу: «Искандер — Герцен. 1. Философия революции и социализм Искандеровской школы». Цена 1 р. 50 к. За ним следуют пять записей, сделанных разными почерками: «1. Продается в Апраксином дворе за 11 р. 2. В юности моей я купил эту книгу даже за 20 коп. 3. Кто-нибудь может подумать, что это в самом деле сочинение Герцена. По всей вероятности, эта книга наполнена обычными ругательствами. Так, по крайней мере, видно из оглавления. 4. Не по всей вероятности, а весьма несомненно — обычная ерунда, разведенная бранью. 5. Обе книги изданы

на счет русского правительства в Берлине и поэтому не заслуживает особого внимания» (1, 77). Автор последней записи (подписался он псевдонимом «Студент-библиограф» — и с полным правом: в книге отзывов помещена масса его библиографических справок и уточнений) абсолютно прав. В свое время в «Колоколе» сам Герцен в заметке «От Искандера» разоблачил проделку царского правительства: «Какой-то Елагин сам-третий издал в Берлине тупую и грубую книгу под заглавием «Искандер — Герцен»¹⁰. Книга была написана чиновником при Главном управлении цензуры Н. В. Елагиным с помощью московского митрополита Филарета и пермского помещика П. Д. Дягилева. Книга была издана в Берлине в 1859 г., но не разрешена к распространению в России. Лишь в 1862 г. запрет был снят благодаря министру народного просвещения А. В. Головнину, который в письме Александру II охарактеризовал антигерценовский памфлет, как «систематическое опровержение все системы ложных идей, распространяемых Герценом»¹¹.

Наибольшее количество подписей собирают также и книги виднейших идеологов народничества, вышедшие в 70-е годы, — П. Л. Лаврова (Миртова), Н. К. Михайловского, В. В. Берви (Флеровского). Так, очень большое количество голосов собрали знаменитые «Исторические письма» П. Л. Лаврова, которые, по мнению студентов, нужно купить не меньше, чем три экземпляра. Один из студентов, указавший книжный магазин, в котором книгу можно купить за 5—6 рублей, добавляет: «Нужно только удивляться тому, необъяснимому явлению, почему **без всяких требований** ее не приобрели гг. библиотекари... Такое упущение непростительно!» (11, 48). Другой замечает: «Такое сочинение весьма полезно для студенческой публики. Если оно, как библиографическая редкость, стоит дорого, то нужно открыть частную подписку на него» (1, 62). Огромнейшей, популярностью пользовались в среде радикально настроенной молодежи книги В. В. Берви (Флеровского). Его «Азбука социальных наук» и «Положение рабочего класса в России» произвели на молодое поколение 70-х годов «впечатление поистине потрясающее», как замечает один из деятелей революционного движения, стали подлинными «символами веры»¹². Как известно, обе книги были конфискованы и подавляющая часть их тиража уничтожена¹³, что превратило их в труднонаходимые и дорогие библиографические редкости. Тем не менее, студенты настоятельно и неоднократно требуют приобретения этих книг. По поводу «Азбуки социальных наук», собравшей массу подписей, высказаны такие соображения: 1. Эта книга изъята из продажи и потому нет возможности ее достать. 2. За 25 руб. можно приобрести. 3. Самое слабое из сочинений Флеровского. 4. Глупое замечание! Свидетельствует о способности понима-

ния рецензента. 5. Одна из лучших книг на русском языке и написанная почтенным писателем. Купить, приобрести во что бы то ни стало» (11, 43).

Необыкновенной популярностью и огромным успехом, как известно, пользовались в среде радикальной русской молодежи труды западноевропейских мыслителей: философов, социологов, историков и т. д. В полной мере этот интерес нашел отражение и в библиотечных журналах петербургских студентов. На его страницах постоянно мелькают, собирая большое количество подписей, книги Л. Блана, Л. Бланки, Ф. Лассалья. Почти все они были запрещены цензурой, продавались из-под полы, стоили очень дорого (25—30 рублей, как сообщает один из студентов, указавший даже адрес, где можно их купить).

Интерес к запрещенной литературе, как русской, так и иностранной был вообще очень силен. В этих книгах молодежь искала ответы на жгучие, злободневные вопросы современности. Требования на эти книги, разумеется, не были выполнены руководством библиотеки. В числе уничтоженных по «Постановлению четырех министров» книг, вышедших в 70-е годы, и собравших наибольшее количество студенческих подписей, нужно назвать следующие (помимо указанных выше): Ланжеле П. и Коррье П. История революции 18 марта. СПб., 1873; Лассаль Ф. Сочинения. В 2-х томах. СПб., 1870; Лекки В. История нравственности в Европе от Августа до Карла Великого. В 2-х томах. Т. 1. СПб., 1872.¹⁴ Фигурируют в записях и почти все отечественные книги, запрещенные цензурой в это время.

По-прежнему, как и в 60-е годы, чрезвычайно велик интерес молодежного читателя к сочинениям представителей западноевропейской вульгарно-материалистической школы — Ф. Бюхнера, Я. Молешотта, К. Фогта и других. Несмотря на ошибочные философские построения, книги этих авторов, сыграли в известной мере положительную роль, предоставляя русскому читателю сведения о достижениях естествознания, интерес к которому был так велик в молодежной среде. Постепенно, судя по записям, они вытесняются сочинениями позитивистов — О. Конта, Г. Спенсера и др. Времена меняются: определенная часть студенчества склонна уже иронизировать над увлечением интеллигенции 60-х годов книгами буржуазных историков и мыслителей, в частности, Д. Милля и Г. Бокля, автора нашумевшей в свое время книги «История цивилизации в Англии». Один из студентов, разделявший, по-видимому, эти увлечения, нигилистически относясь к художественной литературе, записывает: «Эх, милостивые государи, не хотите ли на первый раз прочесть хотя бы «Kraft und Stoff» (Бюхнера А. Б.) Базаров, предлагает ее отцу Аркадия, читавшему все еще Пушкина, а я бы вам предложил на первый раз перейти от Диккенса хоть к Миллю». Следует реплика:

«Как глупо!!! Никто бы и в читальню не заглядывал, если бы она была наполнена Миллями, Боклями и т. д. «Не все ж читать вам Бокля! Не стоит этот Бокль хорошего бинокля... Купите-ка бинокль!» (отрывок из сатирического стихотворения Н. А. Некрасова «Балет» — А. Б.). Хотя это ироническая реплика вложена Некрасовым в уста генерала, «достается» от студентов все-таки поэту. «Это замечание, — записывает третий студент, — говорит само за себя. Пошлее и глупее сего быть ничего не может. Вероятно его писал не студент настоящий, а светский хлыщ, и только подобным людям свойственно говорить такие глупые стихи» (11, 144). Тут, конечно, явное недоразумение, но показательно, с каким темпераментом (и, в общем-то, несправедливо) обрушивается определенная часть студенчества на критиков тех авторов, которые были кумирами шестидесятников-интеллигентов. В этом — колоритная примета времени.

Привлекают студентов и труды западноевропейских историков И. Тэна, Т. Маколея, Т. Моммзена. Примечательно, что в основном их интересуют книги, посвященные революционным событиям в Европе конца XVIII — первой половины XIX вв.

В 70-х годах в России усиливается интерес к произведениям К. Маркса и Ф. Энгельса, особенно в среде учащейся молодежи¹⁵. Журналы читальни Петербургского университета вносят дополнительные штрихи в историю распространения марксизма. Примечательна, в частности, такая запись: «Весьма курьезно то обстоятельство, что такие книги, как **«Капитал»** Маркса считаются возможным прочитать за 6 дней (срок, на который выдавались книги в читальне. — А. Б.). По-моему, такие книги должны выдаваться на более продолжительный срок» (11, 27). Далее следует восклицание: «Совершенно верно!». Другой студент просит приобрести «Капитал» на французском языке, но тут же его спрашивают: «Отчего не на русском? Есть первый том русского перевода» (имеется в виду перевод Г. А. Лопатина и Н. Ф. Даниельсона, выпущенный Н. П. Поляковым в 1872 г.). Интересуются студенты и сочинениями Ф. Энгельса, в частности, большое количество голосов собрала его книга «Положение рабочего класса в Англии». Пристальное внимание студенчества вызвала книга Э. Бехера «Рабочий вопрос в его современном значении и средства к его разрешению» (СПб., 1869) в связи с тем, повидимому, что к ней был приложен Устав Интернационала, написанный Марксом. Возрастающий интерес к рабочему вопросу виден и в требованиях на «Атлас фабрично-заводской промышленности», книги по политической экономии, документальные статистические материалы, собранные Вольным Экономическим Обществом и т. п. В среде петербургской университетской молодежи, примыкавшей к народническому

движению, пристальный интерес вызывали книги, посвященные крестьянскому вопросу. Примечательна полемика, разгоревшаяся на страницах библиотечного журнала в связи с мнением студента, посчитавшего, что книга о ссудосберегательных кассах в деревне «не может иметь общего интереса» (11, 143). «Ужели вы не хотите интересоваться тем, — задает вопрос один из студентов, — что хоть сколько-нибудь способствует улучшению жизни вообще и крестьян в частности?».

Требований на книги естественнонаучного содержания в журналах университетской читальни в количественном отношении немного, но крайне примечателен их выбор. Очевидно, фундаментальная библиотека не могла удовлетворить всех запросов студентов, и они стремятся приобрести для своей читальни сочинения Ч. Дарвина, «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова, подвергшуюся цензурным репрессиям и пользовавшуюся огромнейшей популярностью, книги ряда западноевропейских естествоиспытателей-материалистов. Вот шутливая перепалка по поводу одной из книг: 1-й студент: «Желательно бы иметь Дарвина «Внешнее выражение чувств». Это сочинение весьма важно для физиолога, юриста-судьи, оратора, живописца, поэта и даже щеголя». 2-й: «Для щеголей можно рекомендовать «Ключ к женскому сердцу» (лубочную поделку. — А. Б.), а не Дарвина». 3-й: «Браво! Автор не к последним ли принадлежит?». (11, 26). Студенты хорошо знакомы с литературой, знают лучших издателей и особенности каждой книги. В частности, неоднократно поступали требования на книгу Анжелло Секки «Единство физических сил», причем постоянно подчеркивалось, что издана она «Павленковым в Вятке». Как видно из пояснений, сделанных тут же читателями, их интересовала не столько эта книга сама по себе, сколько приложенная к ней лекция А. Баркера «Соотношения жизненных и физических сил», вызвавшая серьезные претензии со стороны цензуры¹⁶.

Интереснейший материал дают библиотечные журналы и для выяснения очень непростого вопроса об отношении радикально настроенного студенчества к художественной литературе. Определенная часть студентов, некритически восприняв некоторые мысли Д. И. Писарева и, в особенности, его последователей, склонна была нигилистически относиться к художественной литературе, в частности, произведениям русских классиков, противопоставляя их «серьезным» книгам философского и естественнонаучного характера. Отзывам отдельных студентов был свойственен некий ригоризм, нетерпимость, когда речь заходила о приобретении для читальни художественных произведений. Почти все требования на поэтические произведения, в особенности, поэтов, «далеких от жизни и запросов времени», — А. Н. Майкова, Я. П. Полонского, А. А. Фета — систематически «проваливались» при голосова-

нии. Не повезло даже И. З. Сурикову, поэзия которого, проникнутая сочувствием к страданиям народа, должна была импонировать радикальной студенческой массе. В защиту Сурикова и поэзии вообще выступает П. Ф. Якубович, в то время (в 1878 г.) студент 1 курса историко-филологического факультета, впоследствии, как известно, участник «Народной воли», приговоренный к 18 годам каторги, крупный русский поэт и переводчик. В связи с «провалом» книги Сурикова, он пишет на страницах журнала: «Как видно из баллотировочной книги, [некоторые студенты] почему-то ополчаются против приобретения каких бы то ни было стихотворений. Очевидно, что вы, господа, никогда не читали ни Полонского, ни Сурикова (да, может быть, и вообще никаких стихов» (1, 88). Заметим кстати, что П. Ф. Якубович — один из самых активнейших авторов и участников библиотечного журнала, его подписи, реплики и замечания встречаются на многих страницах, ярко рисуя его читательский облик того времени. К сожалению, подавляющее большинство подписей крайне неразборчиво (возможно, из соображений конспирации многие студенты не решались обнародовать свои имена), что затрудняет идентификацию лиц, принимавших участие в этих журналах студенческой читальни.

Полемика по поводу романов крупнейших писателей того времени — Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого — также дает представление о читательских вкусах и пристрастиях петербургских студентов. Мнения студентов по поводу только что вышедшего тогда романа «Анна Каренина» крайне противоречивы. В ответ на пожелание приобрести его для читальни, последовали следующие отклики: 1. Нет, да и не нужно. После этого придется приобретать и много другой ерунды. 2. «Анна Каренина» — ерунда, вероятно, с точки зрения «старые сапоги дороже Шекспира» (расхожая фраза тех лет, направленная против некоторых взглядов Писарева. — А. Б.). Вы д...к. 3. Для человека, не имеющего сапог, сапоги дороже Шекспира. В этой фразе нет никакой нелепости, как представляют себе почитатели клубничных (!) романов». (1, 78). Не менее характерна и оценка «Братьев Карамазовых», печатавшегося в «Русском вестнике». Студент, сделавший запись о необходимости приобрести этот консервативный журнал М. Н. Каткова, против которого решительно выступали авторы большого количества отзывов в библиотечном журнале, счел нужным пояснить: «Предлагаю в виду того, что в настоящем году там помещается новый роман Достоевского «Братья Карамазовы», 20 голосами против 12 это предложение не прошло. «Резоннее заплатить деньги за один роман Достоевского, когда он выйдет из печати», «неужели за один роман платить 17 руб. серебром», «еще резоннее совсем ничего не выписывать, из текущей литературы, а покупать прошло-

годние журналы на толкучем рынке за 3 руб. вместо 17. Чудесное дело будет! Дешево и сердито! (здесь, конечно, чувствуется ирония. — А. Б.), «На 17 руб. можно купить таких книг, перед которыми роман Достоевского ничего не стоит», — таково мнение большинства студентов. В защиту романа раздался лишь один решительный голос: «Да, за один роман! Потому что роман роману рознь. Один роман Достоевского перевесит целую кучу романов, которыми мы наслаждаемся в «Деле», «Слове» и «Русском вестнике» (11, 84). Нужно иметь в виду, конечно, и соображения материального, финансового порядка (денег на покупку книг выделялось очень немного), но, анализируя эти записи, следует принять во внимание и то обстоятельство, что в глазах передового студенчества того времени Достоевский в какой-то мере скомпрометировал себя участием в «Русском вестнике» и редактированием офицiosa кн. В. П. Мещерского «Гражданин». По-видимому, теми же причинами объясняется и «забаллотировка» (7 голосов против 21) собрания сочинений П. А. Вяземского, перешедшего во второй половине своей жизни на охранительские позиции. Как можно убедиться, «политическое лицо» автора, независимо от направления и содержания его книг, играло решающую роль при голосовании.

Подавляющим большинством голосов проходили все книги М. Е. Салтыкова-Щедрина, пользовавшегося большим влиянием в среде студенчества и снискавшего себе уважение бесстрашной деятельностью в качестве редактора «Отечественных записок». Лишь однажды произошло недоразумение: под его книгой «Господа ташкентцы» один из студентов сделал подпись — «Совсем ненужный хлам». Посыпался, естественно, град насмешек, и бедный автор записи спешит оправдаться: «Вы не поняли: замечание относится не к книге, а к «господам ташкентцам» (11, 45). Поэзия Н. А. Некрасова, единственного русского поэта, безоговорочно проходившего при баллотировке, также пользовалась огромным успехом. В журнале, который был заведен петербургскими студентами в год смерти поэта, его имя встречается постоянно. Студенты требуют приобрести «Последние песни» вышедшие в 1877 г., посмертный сборник его стихотворений 1878 г. Ряд справок, помещенных в журнале, свидетельствует о великолепном знании поэзии Некрасова. Так, рекомендуя последнее издание, один студент замечает: «В этом издании помещено 6 ненапечатанных стихотворений», а второй исправляет: «Около 20-ти» (1, 99). Нередко и требования на книги Гл. Успенского, на пропагандистский сборник рассказов писателя-народника Н. И. Наумова «Сила соломѹ ломит».

Заметен большой интерес и к зарубежной европейской литературе XIX века, особенно, к произведениям В. Гюго и Ч. Диккенса. Вот как оценивает русский читатель один из ро-

манов Диккенса: Вниманию гг. библиотекарей. Не лишним было бы для студенческой читальни приобрести «Записки Пикквикского клуба». Ведь это сочинение — тот же Гоголь из английской жизни. Это лучшая характеристика закулисной стороны, притом живо и увлекательно изображенная». (1, 105). Нашлись впрочем, и противники «этой беллетристической ерунды», вообще нигилистически относящиеся к художественному творчеству. По мнению одного из таких «ниспровергателей», «книги подобного содержания можно найти во всяком светском доме, они служат там необходимою принадлежностью приятного «после-обеда»; в студенческой же читальне иметь подобные книги даже нежелательно, ибо она не имеет ничего общего с библиотекой в «светском доме». Этот ригорист считает, что Диккенса нужно читать в юности, в гимназии, а в университете «можно найти что-нибудь полезнее для чтения». «Ведь Гоголя, которого я считаю по крайней мере наравне с Диккенсом, читают в 3-м классе гимназии. Впрочем, что и толковать: Митрофанушке уже давно охота жениться, а он еще по указке разбирает: *Аз есмь червь...*» (1, 144). Именно этот студент советует следовать примеру Базарова, «прочсть хоть «Силу и материю» Бюхнера (см. об этом выше). Отметим все же, что большинство студентов выступило против такого утилитарного толкования художественных произведений вообще и романов Диккенса в частности. Большинство голосов Диккенс «прошел». Студенты хорошо разбираются в достоинствах и недостатках различных переводов, сравнивая их между собой. Так, в ответ на замечание студента: «Фауста на русском языке не стоит читать, потому что перевод неполный и ужасно плохой», посыпались вопросы: «Чей перевод?», «Грекова?», «Губера?», «Вронченки?», «Овчинникова?», «Струговщикова?» (11, 193).

Не менее интересны и характерны отзывы студентов о современной периодической печати. Посетители читальни кровно заинтересованы в комплектовании ее передовыми журналами и газетами своего времени, периодикой революционно-демократического направления. Известно, что в 60—70-е годы журналистика сыграла выдающуюся роль в качестве единственно возможной легальной трибуны для выражения общественного мнения. Она, в основном, и формировала мировоззрение демократической молодежи. Показательно, что даже спустя 12 лет после насильственного закрытия, лучший журнал революционной демократии 60-х годов, журнал «Современник» по-прежнему сохраняет для студенчества непреходящий интерес. Часто встречаются требования: приобрести комплекты журнала за годы, когда во главе его стояли Н. А. Некрасов и И. И. Панаев. То же относится и к журналам «Отечественные записки», «Дело», «Русское слово», запросы на которые встречаются на каждом шагу. Студенты

требуют приобрести не менее, чем по три полных комплекта этих журналов, причем за все годы их издания. Часто они аргументируют свои требования тем, что на страницах тех или иных периодических изданий предполагается публикация значительных, с их точки зрения, произведений. В частности, журнал «Русская мысль» (он начал выходить с 1880 г.) привлек внимание тем, что обещал опубликовать роман Л. Н. Толстого «Декабристы». Ходатайствуют они и о покупке некоторых отдельных номеров журналов за 60-е годы, в частности, журнала «Современное обозрение» (издавался Н. Тибленом, в котором сотрудничали публицисты закрытого «Современника»), «где помещены «Речь» Мильтона о свободе печати (знаменитая «Ареопагитика» — А. Б.) и несколько статей Лаврова (Миртова)» (1, 75).

Как и в других случаях, студенты остро полемизируют друг с другом, высказывая свои точки зрения на те или иные органы прессы. Вот лишь один из характерных эпизодов. Один читатель библиотеки оставил такое пожелание: «Желательно бы иметь еще один экземпляр «Русского обозрения» — либеральной газеты, выходившей в 1876—1878 гг. под редакцией профессора университета, публициста Г. К. Градовского. Последовало 4 отклика: 1. «Не стоит». 2. «Незачем». 3. Не нужно, потому что его скоро опять запретят». 4. «Что же? Лучше ходатайствовать (о газетах) наподобие «Голоса», «Нового времени» и Комп.» (11, 151). Прав оказался «третий голос»: петербургская газета, получившая 11 предостережений трижды приостанавливаемая «за вредное направление», именно в 1878 г. была закрыта навсегда. Главным поводом запрещения газеты послужила статья Г. К. Градовского о суде над Верой Засулич. Привлек внимание студентов и намечавшийся к изданию журнал «Русская речь» (1879—1882), в котором будут помещаться статьи А. Д. Градовского «о социализме в Европе и в России» и другие интересные материалы (правда, журнал не оправдал надежд передовых студентов — в нем с либеральных позиций подвергалось критике революционное народническое движение).

Совершенно нетерпимо относились студенты к развлекательной журналистике. Например, рекомендуя подписаться на журнал «Огонек», читатель заметил: «Огонек» гораздо лучше какой-нибудь «Нивы», но тут же получил отповедь: «Может быть и «лучше», но все-таки дрянь в сравнении с теми книгами, которые необходимы для развития, а не для развлечения» (1, 85). Некоторые студенческие землячества просят выписать в читальню провинциальные газеты, но их предложения отклоняются в связи с крайне ограниченным бюджетом.

Радикализм студенчества наиболее ярко проявился в отношении журналов и газет консервативного лагеря. Некоторые студенты, судя по всему, принадлежавшие к правому лагерю,

так называемые «белоподкладочники», ратовали за приобретение официозных, охранительных журналов и газет, но **ни разу** их предложения не были приняты. Студенты-радикалы мало стесняются в выражениях, когда речь заходит о периодических изданиях такого рода. В ответ на восклицание «Сыны отечества! Почему в читальне нет «Сына Отечества»? последовала такая язвительная ремарка: «Какой же он «Сын Отечества»? он просто сукин сын!» (11, 151). Такая реакция будет вполне понятна, если учесть, что охранительная газета «Сын отечества» сразу же после появления своего в 1862 г. печально прославилась злобными нападка на демократическую молодежь, обвинив, в частности, студенчество в провокационных петербургских поджогах. Точно также отнеслись студенты и к органам печати, издававшимся М. Н. Катковым, — журналу «Русский вестник» и газете «Московские ведомости», не гнушавшимися никакими средствами в борьбе со своими идейными противниками. По поводу рекомендации выписать газету «Московские ведомости» раздались такие гневные голоса: «Изгнать эту московскую кумушку!», «К черту» и т. д. (1, 56). Сторонников этих изданий почти не нашлось, лишь один студент предложил выписать газету, но «не для руководящих статей, а для получения фактических сведений».

Демократические настроения студентов университета наиболее, пожалуй, ярко выразились в оценке газеты «Новое время». Выходившая почти полвека (1868—1917), вначале довольно бесцветная и не пользовавшаяся никаким влиянием на общество, газета в 1876 г. переходит в руки А. С. Суворина и вскоре становится одной из самых распространенных в России. Талантливый газетчик (этого отнять у него нельзя) и бывший либерал, Суворин во второй половине 70-х годов совершает, как известно, «политический курбет» и становится рьяным защитником интересов монархии и крупной буржуазии. По мнению цензуры, в 1878 г. «Новое время» — самая умеренная и благонамеренная из всех существующих в Петербурге газет¹⁷. Издатель заигрывает с молодежью, пытается привлечь ее на свою сторону. С этой целью он «облагодетельствовал» студенчество читальни высших учебных заведений Петербурга даровой подпиской на «Новое время». Однако, то обстоятельство, что в 1877—78 гг., в связи с ростом революционного движения и событиями русско-турецкой войны, Суворин резко изменил прежний умеренно-либеральный дух газеты, не прошло незамеченным в среде студенчества. Оно устроило «Новому времени» полную обструкцию. Инициаторами ее выступили студенты Технологического института, поместившими в газетах открытое письмо Суворину. В частности, они писали: «Ваша почти двухлетняя издательская деятельность показала нам, что мы жестоко ошиблись;

мало того, она возбудила в нас полнейшее негодование к вам, как деятельному издателю — сотруднику газеты, на огромных листах которой было место всему, кроме чести и совести. Так как подобное «откровенное» направление возбуждает только одно чувство омерзения и так как ваше «Новое время» с каждым днем доставляет нам все более и более богатую пищу для развития этого чувства, то мы, студенты петербургского технологического института, покорнейше просим вас не присылать больше в нашу читальню дарового экземпляра вашей газеты, потому что нам вовсе не интересно следить за движением в сфере благонамеренности какого-нибудь Суворина-Незнакомца»¹⁸.

Студенты университета полностью поддержали это предложение. Назвав Суворина «хамелеоном и экс-либералом», один студент сделал такую запись в библиотечном журнале: «Суворин слишком известен русской молодежи. Он обнаружил перед читателем, сколько подлого, гадкого и низкого крылось под личиною квази-либерализма. Благодарим! Ни один порядочный человек не может равнодушно читать это издание. Было бы благоразумно пригласить Суворина прекратить высылку своего издания и таким образом изгнать его из чтения. Правда, для Суворина это горох в стену, но это было бы поучительно для прочих газет». С ним полностью соглашается другой читатель: «Новое время» и «Гражданин» — газеты полицейского направления. Нам следует высказать Суворину полное презрение. Какое отрезвляющее влияние будет иметь это на суворинных (а имя им — легион). Не скоро переведутся они на Руси. Если бы по милости будущего историка нашего университета, наше заявление проникло бы в печать, это было бы весьма поучительно для всей русской печати». Это заявление вызвало настоящую бурю в студенческих кругах. Подавляющее большинство студентов поддержало требование об изгнании «Нового времени» и других официозов (особенно газеты «Гражданин») из стен читальни. Раздались и «трезвые» голоса. По мнению одного студента, не стоит отказываться от суворинского дара: «Новое время» и «Гражданин», — писал он, — высылаются даром студентам. Хорошо бы отрекомендовали себя студенты, если бы стали с такой бесцеремонностью относиться ко всем тем, кто в знак своего уважения к студентам высылает им свои издания» (11, 261—267). Но вслед за этой записью тот час же помещена ироническая реплика: «Значит, господ студентов легко подкупить даровою подпиской?». Другой студент внес разумное и очень показательное предложение: «Вопрос о «Новом времени» самое лучшее перенести на студенческую сходку. Решение же сходки будет полновеснее и будет решением не каких-то студентов, а вообще студентов университета». К сожалению, материалы об этой сходке (если она действительно

состоялась) обнаружить не удалось. Так или иначе, заявление свидетельствует о растущем самосознании студентов университета, о стремлении решить злободневный вопрос демократическим путем.

Сотни записей о книгах, помещенных в книгах отзывов студенческой читальни, дают богатый материал для исследования вопроса о круге чтения молодежи конца 70-х годов, о той идейной борьбе которая так характерна для того времени, о расслоении студенческой массы. Как видно из приведенных выше документов, книги, журналы и газеты, необходимые для читальни, вызывают яростные споры, часто переходящие в полемику по жгучим политическим вопросам современности. Много в этой полемике — от юношеского экстремизма, от слепого, некритического преклонения перед публицистами «Русского слова» (особенно это сказалось на отношении к художественной литературе и моде на вульгарных матриалистов). Но явно чувствуется и дыхание времени — новые веяния: интерес к рабочему вопросу, и к сочинениям Маркса и марксистов, к подлинным ценностям русской художественной литературы и т. д. Документы эти красноречиво говорят и о том, что читательские интересы студенчества в это время пока еще направлены, главным образом, на труды крупнейших социологов и публицистов революционного народничества. Ценность обнаруженных документов студенческой читальни заключена в том, что они дают материал о непосредственной, эмоциональной и, что очень важной, массовой оценке событий литературной, общественной и политической жизни своего времени, достаточно полно и точно обрисовывают круг чтения передовой молодежи, ее читательские пристрастия и отталкивания. Дальнейшее изучение этого источника — особенно, круга лиц, принимавших наиболее активное участие в библиотечных журналах, — в еще большей степени должно расширить наше представление об истории становления «читательской личности», о студенческом читателе России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Аптекман О. В. Флеровский-Берви и чайковцы. — «Былое», 1922, № 19, с. 119—134.

² Там же, с. 120—121.

³ Отдел редкой книги Научной библиотеки им. А. М. Горького Ленинградского гос. университета, арх. дела №№ 81 и 82. Пользуюсь случаем выразить искреннюю благодарность сотрудникам отдела А. Х. Горфункелю и Н. И. Николаеву, обратившим мое внимание на эти документы.

⁴ Романовская К. М. и Скалон И. А. Научная библиотека им. А. М. Горького при Ленинградском университете за 150 лет. Ротапринт. Научная библиотека ЛГУ, с. 13.

⁵ Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах. — «Дела и дни. Исторический журнал», 1921, кн. 2, с. 117.

⁶ По этому вопросу имеется большая литература. См., в частности, Мавродин В. В., Сладкевич Н. Г., Шилов Л. А. Ленинградский университет. Краткий очерк. Л., 1957; Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 1—3. Л., 1962—1968; Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1. Петербургский университет. 1819—1895. Л.; Деникер И. Е. Воспоминания. — «Каторга и ссылка», 1924, № 4, с. 25—41; Фигнер В. И. Студенческие годы. — «Голос минувшего», 1923, № 1, с. 28—44, и др.

⁷ Щетинина Г. И. Алфавитные списки студентов как исторический источник. Состав университетского студенчества в конце XIX — начале XX вв. — «История СССР», 1979, № 5, с. 116; См. также: Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971, с. 56—70.

⁸ Аптекман О. В. Из истории революционного народничества. «Земля и воля» 70-х годов. СПб., 1906, с. 30.

⁹ См.: Баренбаум И. Е. «Кружковое» чтение разночинной молодежи второй половины 50-х — начала 60-х годов. — «Труды Ленинградского гос. ин-та культуры им. Н. К. Крупской. История русского читателя. Вып. 1, т. V, Л., 1973, с. 5—19; Баренбаум И. Е. Из истории чтения разночинно-демократической молодежи второй половины 50 — начала 60-х годов XIX века. — «Труды Ленинградского гос. ин-та культуры им. Н. К. Крупской. История русского читателя. Вып. 2», т. XXXII, Л., 1976, с. 29—44.

¹⁰ Герцен А. И. Собрание сочинений в 30-ти т. Т. XIV, М., 1958, с. 205.

¹¹ Там же, с. 525.

¹² Аптекман О. В. Флеровский-Берви и чайковцы..., с. 118.

¹³ Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России. 1925—1904. М., 1962, с. 79, 93.

¹⁴ Там же, с. 100 и 108.

¹⁵ См.: Костылева Н. А. Первый том «Капитала» Карла Маркса в среде русской учащейся молодежи 70-х годов XIX в. — «Труды Ленинградского гос. ин-та культуры им. Н. К. Крупской. История русского читателя. Вып. 1», с. XXV, Л., 1973, с. 93—107; Сладкевич Н. Г. К. Маркс и передовое студенчество Петербургского университета. — В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 1. Л., 1962, с. 106—117.

¹⁶ Блюм А. В. Павленков в Вятке. Киров. 1976, с. 56.

¹⁷ История русской журналистики XVIII—XIX веков. М., 1973, с. 493.

¹⁸ «Биржевые ведомости», 1978, № 34, 3 февраля. Показательно, что подобная же история повторилась в 90-х годах, когда петербургские студенты вновь бойкотировали «Новое время», Об этом пишет сам А. С. Суворин в записке, касающейся суда чести над ним в связи с его статьей «О волнениях студенческой молодежи» (ИРЛИ, ф. 268, оп. 1, д. 124, л. 25. Этот документ указан Е. А. Динерштейном, исследующим историю издательской деятельности А. С. Суворина).

СОДЕРЖАНИЕ

Баренбаум И. Е. Изучение истории книжного дела Петербурга — Петрограда — Ленинграда в Ленинградском государственном институте культуры им. Н. К. Крупской	5
Кондакова Т. И. Становление издательского аппарата в структуре Сухопутного шляхетского кадетского корпуса (XVIII в.)	20
Мартынов И. Ф. Новое о В. С. Соликове	27
Розов Н. Н. Торный инженер, П. К. Фролов — собиратель русской рукописной книги	31
Антифеева М. А. Журнал А. Ф. Смирдина «Библиотека для чтения»	37
Дмитриева В. А. Петербургский издатель М. О. Вольф и его французские связи	48
Динерштейн Е. А. Петербургское издательство А. Ф. Маркса (Его роль и значение в развитии русского книгоиздания последней четверти XIX века)	52
Ханукаева И. В. К вопросу о книгоиздательской деятельности народников 1870-х годов (Издания редакции журнала «Знание»)	58
Люблинский С. Б. Демократическая книга в России (Очерк жизни и деятельности Е. Н. Водовозовой)	69
Толочинская Б. М. Из истории издания театральной книги в России конца XIX — начала XX века	79
Острой О. С. «Словарь русских художников» Н. П. Собко (История создания)	88
Юниверг Л. И. Из истории московско-петербургских художественно-издательских связей начала XX века (Н. И. Кнебель и художники «Мира искусства»)	97
Жебрак Е. Е. Марксистская книга среди петербургских рабочих в годы, предшествовавшие первой русской революции	103
Шомакова И. А. Формирование принципов издания русской классической литературы в Госиздате (1919—1929 гг.)	111
Белов С. В. «Издательство писателей в Ленинграде» (1927—1934 гг.)	126
Черняк А. Я. В борьбе за развитие технической книги (К 50-летию Ленинградской рабочей конференции по производственно-технической книге)	137
Блум А. В. Читательские настроения и вкусы петербургского студенчества конца 70-х годов XIX в. (По материалам новонайденных документов читальни петербургского университета)	146

Книжное дело

Петербурга — Петрограда — Ленинграда

Сборник научных трудов

Том 58

Редактор Л. А. Итигина

Техн. редактор В. П. Галанова

Корректор Л. И. Александрова

Св. план, 1981, поз. 10.

Сдано в набор 16.03.81.	Подписано к печати 18.12.81.	М-23299.
Формат 60×90 ¹ / ₁₆ .	Бумага газетная.	Гарнитура литературная.
Печать высокая.	Объем 10,25 печ. л., 10 уч.-изд. л.	Тираж 500. Заказ 630.
Цена 1 руб.		

Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской.
191041. Ленинград. Дворцовая наб., д. 2

Типография № 2 Ленуприздата. 191104. Ленинград, Литейный пр., 55

1 руб.